

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2015

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2015

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2015
© Ivanovo State University, 2015

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **И. В. Купцова**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшвинный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **I. V. Kuptsova**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiriyakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А.*
Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы
XX столетия: особенности взаимодействия с обществом
и властью 9
- Сибиряков И. В.* Тема города-героя Севастополя
в творчестве советской музыкальной интеллигенции 32

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Ивакин Г. А.* Идеино-политическая жизнь в среде русских
эмигрантов-монархистов в начале 1920-х годов 45

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Борзова И. С.* Развитие оппозиционного движения
в республике Польша: путь польских оппозиционных
интеллектуалов 61

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Аронина Н. В.* Эфиопия и эфиопы в восприятии академика
Н. И. Вавилова 76
- Буданова Д. С.* «Империя» Р. Капуцинского: актуализация
геополитических идей в произведении польского
интеллектуала 85

---

* Все статьи данного номера выполнены по историческим наукам.

ДЕБЮТ

<i>Кутузова А. А.</i> Два российских интеллигента: Я. М. Захер и Н. И. Кареев	98
<i>Пикин А. В.</i> Римские интеллектуалы середины — конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения	108
<i>Басова А. И.</i> Джоан Лю — биография лидера	119

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Репников А. В.</i> Между интеллигентами и интеллектуалами ...	130
<i>Будник Г. А.</i> В. А. Порозов. Краеведческий курс «История и культура Прикамья»: интеллигентоведческий аспект	136
<i>Аннотации</i>	140
<i>Содержание журнала за 2015 год</i>	148
<i>Информация для авторов</i>	152

CONTENTS*

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Chernoperov V. L., Usmanov S. M., Budanova I. A.* Russian intelligentsia members and European intellectuals of the 20th century: features of interaction with society and the authority 9
- Sibiryakov I. V.* The theme of the hero-town of Sevastopol in the works of the Soviet musical intelligentsia 32

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Ivakin G. A.* Ideological and political life among the Russian emigrants-monarchists in the early 1920-s 45

INTELLIGENTSIA IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Borzova I. S.* Development of the oppositional movement in the Republic of Poland: the way of the Polish oppositional intellectuals 61

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Aronina N. V.* Ethiopia and Ethiopians in perception of the academician N. I. Vavilov 76
- Budanova D. S. R.* Kapushchinsky's «Empire»: actualization of geopolitical ideas in the work of the Polish intellectual 85

---

* All the articles in this issue of the journal are devoted to historical research.

DEBUT

<i>Kutuzova A. A.</i> Two Russian intelligentsia members: Y. M. Zakher and N. I. Kareev	98
<i>Pikin A. V.</i> The Roman intellectuals of the middle — end of the 5th century in the service of the barbarians: keeping traditions of foreign policy communication	108
<i>Basova A. I.</i> Joanne Liu — the biography of the leader	119

MAKING CONCLUSIONS

<i>Repnikov A. V.</i> Between intelligentsia members and intellectuals	130
<i>Budnik G. A. V.</i> A. Porozov. The local lore course «History and Culture of the Kama Region»: intelligentsia studies' aspect	136
<i>Annotations</i>	144
<i>List of articles published in the journal in 2015</i>	148
<i>Information for authors</i>	152

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(4)6-283.2+63.3(2)6-283.2

В. Л. Черноперов, С. М. Усманов, И. А. Буданова

РОССИЙСКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ XX СТОЛЕТИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ

1. ВВЕДЕНИЕ

Деятельность российской интеллигенции в XX столетии остается предметом многих размышлений и исследовательских поисков, вызывая немало противоречивых и неоднозначных суждений. В этой связи, как отмечал известный итальянский русист Витторио Страда, «возникают многочисленные вопросы,

---

© Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А., 2015

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. vlchernoperov@rambler.ru

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

Буданова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ighty@mail.ru

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

на которые нет простых ответов: это проблема ответственности интеллигенции за трагедии нашего века, ответственности за сотрудничество с преступными режимами и идеологиями, преследовавшими и душившими свободу; проблема идей и ценностей, которыми следует руководствоваться в переходный период; это проблема оценки целой эпохи — эпохи современности, начавшейся грандиозными проектами и в итоге оказавшейся в точке самокритичной неуверенности; это проблема отношений, как принято говорить, власти и культуры (причем, не только для России). Но на самом деле это уже проблема отношений между сильной, определяющей властью экономики, науки и политики и слабой, но неискоренимой властью культуры»¹.

Вместе с тем и политическое самоопределение европейских интеллектуалов представляет собой сложный и неоднозначный процесс. Как отмечал М. Фуко, политическое участие интеллектуала обусловлено глубокими противоречиями между его положением в обществе «и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывал определенную истину, находил политические отношения там, где их не замечали»². Многомерность и противоречивость их участия в социально-политических трансформациях зачастую делает актуальным основательный историко-социологический и политологический анализ, имеющий полноценный методологический фундамент.

Получить ответы на все эти и другие вопросы — задача многих исследований. Нам также хотелось бы принять участие в научной дискуссии по данной проблематике, предложив некоторые соображения для дальнейшего обсуждения. Прежде всего, в рамках последней из упомянутых Витторио Страдой проблем — о взаимоотношениях власти с миром культуры и таким ее значимым выразителем, каким являются интеллектуалы (в том числе и российская интеллигенция).

2. МЕТОДЫ

Комплексное использование различных концептуальных подходов и методов анализа социально-политических трансформаций и отдельных феноменов современного мира, на наш взгляд, совершенно необходимо.

Наибольший интерес представляют несколько основных концептуальных подходов к проблематике изучения интеллектуалов и интеллигенции: структурно-функциональный анализ, социология интеллигенции, историческая антропология, концепции гегемонии Антонио Грамши. В частности, заслуживают внимания концептуальные подходы американского исследователя профессора Александра Геллы, сформулированные им во введении к сборнику материалов восьмого Всемирного социологического конгресса в Торонто (1974 г.). Согласно его аргументации, интеллектуалы являются мыслящими людьми разного времени и разной социальной принадлежности, а интеллигенция представляет собой особый социальный слой эпохи модернизации от традиционных обществ к современным³.

С нашей точки зрения, имеются все основания утверждать, что в этом смысле русская интеллигенция сближается — во многих своих параметрах — с «идеальным типом» (используем здесь несколько в ином контексте известное понятие из социологической концепции Макса Вебера) интеллигенции в эпоху Нового и Новейшего времени, в разгар процессов модернизации. И потому типологические черты российской интеллигенции — это в значительной степени сущностные основы интеллигенции как таковой. Данные основы можно было бы сформулировать следующим образом: интеллигенция есть новый социальный слой автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу⁴.

Разумеется, существуют и другие научные классификации взаимоотношений власти и общества с интеллектуалами и интеллигентами. Так, изучение самореализации интеллектуалов как сетевых сообществ (Мануэль Кастельс и Пекка Химанен, Рэндалл Коллинз, в российской науке — Николай Розов, Любовь Фадеева и др.⁵) позволяет скорее выявить обусловленность внутреннего поведения той или иной интеллектуальной группы, нежели варианты их взаимодействия с властью и обществом.

Вместе с тем несколько упрощенной и схематично-функциональной нам представляется трактовка интересующей нас проблемы авторами исследования под общим названием «Мыслящая Россия», предлагающими разграничивать деятельность российской интеллигенции лишь на два основных сценария:

модель автономного поведения и различные подвиды активистского поведения⁶.

Наконец, концепция гегемонии Антонио Грамши, на наш взгляд, остается научно состоятельной и весьма актуальной методологической основой для интерпретации тех направлений и методов, которые использует на Западе господствующая политическая элита вплоть до нашего времени. Об этом пишет и С. Г. Кара-Мурза в своей работе «Манипуляция сознанием»⁷.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

Участие российской интеллигенции в социальных трансформациях практически неизбежно вело ее к противостоянию с любой существующей властью. Нам видятся разные пути (или модели) такого взаимодействия интеллигенции и власти. Рассматривая основные модели участия интеллигенции в политической и общественной жизни России XX столетия (а также и в начале нынешнего века), мы выделяем три главных варианта — это «хождение во власть», «вечное противостояние», «башня из слоновой кости»⁸.

«Хождением во власть» мы называем не только непосредственное включение интеллигентов во властные структуры и, следовательно, добросовестное участие в «командной игре» на стороне существующей власти. Этот термин представляется вполне применимым и для истолкования несколько иного способа включения в политическую борьбу в интересах существующей власти — когда тот или иной интеллигент непосредственно не входит во властные структуры, но открыто и недвусмысленно выражает свою ангажированность, без стеснения отстаивая интересы власти (зачастую получая от нее всяческие стимулы и поощрения).

«Вечным противостоянием» мы именуем постоянную борьбу части интеллигенции в той или иной форме против политической власти и ее интересов. Это естественная форма существования нескольких поколений интеллигенции в России: и русской дореволюционной интеллигенции, и советской интеллигенции, и постсоветской российской интеллигенции.

«Башня из слоновой кости» — понятие из лексикона русской интеллигенции Серебряного века, обозначающее самодостаточность творческой личности и ее нарочитое пренебрежение суетой сует (так был переосмыслен библейский образ европейскими интеллектуалами Нового времени). Мы же используем данный термин в несколько ином контексте: речь идет о последовательном дистанцировании интеллигентов как от власти, так и от народа, когда некоторыми узкими (подчас элитарными) группами интеллигенции выгораживается некое особое культурное пространство, из которого и ведется определенное воздействие на общество, разумеется, включая в той или иной мере и политику. Такой «башней» может быть литературный кружок, газета, журнал, интеллектуальный клуб, сетевое сообщество или еще какое-то другое объединение интеллигенции, оказывающее свое влияние на культуру, общество и политический процесс.

Как же в российской реальности относилась к этим типам интеллигенции существующая власть? Если отвечать предельно кратко, то можно утверждать, что здесь налицо три политических курса. В Российской империи начала XX века Самодержавие пыталось просто игнорировать интеллигенцию. Советская власть сначала жестоко ее подавляла, а затем перешла к прямому администрированию сформированной ею советской интеллигенции. Политическая власть в постсоветскую эпоху де-факто пытается сочетать оба предыдущих подхода: в основном игнорировать и в то же время, по возможности, утеснять и дискредитировать существующую интеллигенцию — особенно на региональном уровне.

Наиболее последовательно и активно по отношению к интеллигенции вела себя, конечно, Советская власть. Ей не нужны были ни «противостоящие» интеллигенты, ни даже интеллигентские «башни из слоновой кости» (таковые так или иначе подавлялись и истреблялись). А нужны были, как уже доводилось отмечать, совсем другие типы интеллектуалов: «партизаны», «приказчики», «винтики»⁹.

«Партизан», т. е. действующих под своей собственной ответственностью как бы «в тылу врага», хотя и в соответствии с заранее определенной руководством «магистральной стратегической линией», было совсем немного. К ним в начале существования Советской власти с некоторыми оговорками можно было

отнести лишь Максима Горького (но только до того, как он обосновался в СССР). Позднее настоящим «партизаном» в этом смысле слова можно назвать лишь Илью Эренбурга. «Приказчиков» было значительно больше, поскольку к таковым вполне возможно отнести всех руководителей творческих союзов, Академии наук и некоторых других организаций (например, главных редакторов научных и общественно-политических журналов). Наконец, «винтики» составляли основную массу советской интеллигенции, выполнявшей так или иначе задачу быть, как писал В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература», частью «великого механизма» «общепролетарского дела»¹⁰.

Модели участия европейских и вообще западных интеллектуалов в политике в контексте управления ими со стороны «властвующей элиты» существенно отличаются от политического участия российских интеллигентов. Здесь мы выделили три главных варианта политической вовлеченности европейских интеллектуалов — это «бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты»¹¹.

«Бессильные люди» — феномен, выявленный и истолкованный выдающимся американским ученым Чарльзом Райтом Миллсом¹². У Миллса речь шла о той части американских интеллектуалов, которая вольно или невольно оказалась под пятой «властвующей элиты» и тем самым стала служить ее интересам, будучи бессильной предлагать и продвигать собственные проекты и решения общественных и политических проблем.

Мы употребляем это понятие в более широком смысле: речь идет не об интеллектуальной несостоятельности или отсутствии воли у этого типа западных интеллектуалов. Как раз в этом отношении они зачастую вполне компетентные и активные личности. Бессилие же их — есть трезвое осознание невозможности перейти вполне реально существующие границы, очерченные интересами западной политической элиты и структурами существующей власти. Такое «бессилие» обычно оказывается для значительной части интеллектуалов вполне привычным и даже во многом комфортным состоянием, что они безоговорочно принимают. Некоторые бессильны в самом прямом смысле слова, так как изо всех сил стараются не нарушить негласные правила

политкорректности, не потерять свой контракт в университете, в частной корпорации, на государственной или межгосударственной службе.

«Независимые эксперты» являются, вероятно, наиболее известным типом среди всех интеллектуалов на Западе. Однако подобный статус в действительности остается трудно достижимым для немалого числа желающих (поскольку быть действительным знатоком своего дела мало, надо ведь и добиться признания себя таковым со стороны наиболее влиятельных кругов «властвующей элиты»). Кроме того, очень нечеткими оказываются границы реальной независимости такого эксперта от тех, кто востребует его усилия.

«Аутсайдеры-нонконформисты» также являются весьма узнаваемым типом среди западных интеллектуалов. Мало того, этот тип потенциально может оказаться наиболее перспективным с точки зрения действительной компетентности и независимости. Как подчеркивал известный американский философ Герберт Маркузе, в условиях технологического прогресса в современном мире поле самовыражения индивидуальности для независимого интеллектуализма все более сжимается между властью и подчиненным ей «одномерным человеком» и тогда возможность «развивать сознание становится опасной прерогативой аутсайдеров»¹³.

«Бессильные люди» по своей сущности обречены быть условно лояльными и исполнительными объектами политики в рамках существующей системы. Манипулирование «независимыми экспертами» также не представляет серьезных проблем для «властвующей элиты»: они вовлечены в игру посредством получения многих стимулов, привилегий и механизмов обеспечения широкой известности. В то же время для ограничения активности «аутсайдеров-нонконформистов» западной политической элитой задействован широкий спектр инструментов «мягкой силы».

4. ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Российская интеллигенция под прессом власти

Наиболее впечатляющий случай «хождения во власть» в истории российской интеллигенции — это, разумеется, включение Максима Горького в высшие эшелоны Советской власти

20-х гг. прошлого столетия. Любопытно, что «Буревестник революции» первоначально подверг Советскую власть резкой критике. Однако позднее Горький всё-таки решился возглавить всех «мастеров культуры» «страны Советов». Такое «хождение во власть» оказалось для самого Максима Горького тяжелым испытанием и завершилось трагически во всех отношениях (хотя не все обстоятельства его служения Советской власти еще стали известными).

Тем не менее, опубликованная сравнительно недавно переписка Горького со Сталиным открывает новые и притом — очень непривлекательные черты служения «великого пролетарского писателя» Советской власти. Исследовательница и публикатор переписки писателя с вождем Тамара Дубинская-Джалилова отмечает в этой связи: «Отношения Горького и Сталина не были равноправными. Писатель находился в подчиненном положении, что давало возможность главе государства беззастенчиво использовать его в своих интересах. Сталин вел с Горьким лицемерную, но удачную игру. Горький тоже хитрил со Сталиным, зная, когда и в какие моменты можно это делать. Однако, независимо ни от чего, Горький был понимающим соратником Сталина, до последних своих дней надежным его помощником в организации советской культуры»¹⁴.

Совсем другую траекторию независимого интеллигента представляет судьба Ильи Григорьевича Эренбурга. «Он был последним европейцем Советской России: небрежным, раскованным, блестящим, ироничным. За ним опускается занавес, прямо за его спиной. На много лет. На десятилетия. До 1991 г.»¹⁵, — писала о нем Валерия Новодворская, как всегда хлестко и как всегда с большими полемическими преувеличениями. Дело в том, что, несмотря на многочисленные поездки за рубеж, Эренбург оставался советским писателем, лауреатом Сталинских премий, участником антифашистских конгрессов и защитником «достижений социализма», в том числе и певцом строек первых пятилеток (романы «День второй», «Не переводя дыхания» и др.).

Совершенно иной была линия жизни выдающегося ученого Петра Леонидовича Капицы. При внешнем сходстве до поры до времени с судьбой Ильи Эренбурга (он также стоял особняком среди советских интеллигентов, также не раз ездил в Европу) здесь

видим совершенно другие ценностные ориентации. Петр Капица был, прежде всего, ученым, а не общественным деятелем, поэтому он, скорее, стремился быть в своей «башне из слоновой кости». Отсюда — и совершенно другое отношение Советской власти, с середины 30-х гг. запретившей ему выезд за границу (запрет сохранялся примерно три десятилетия). Особенно замечателен один эпизод из позднего этапа биографии ученого: П. Л. Капица, получив Нобелевскую премию по физике, ничего не отдал из нее ни государству, ни каким-то общественным организациям, но положил ее на свой счет в одном из шведских банков¹⁶.

На излете существования Советского государства наиболее ярким феноменом сотрудничества интеллигента и власти была деятельность неофициально чествуемого «первым интеллигентом страны» академика Дмитрия Лихачева. Здесь нельзя не вспомнить его выступление на третьем Съезде народных депутатов СССР в марте 1990 г. с обоснованием немедленного избрания Михаила Горбачева президентом Советского Союза.

Напомним, что в то время появлялись и очень резкие оценки сотрудничества Лихачева с советскими руководителями. Так, писатель Юрий Беляев утверждал: «Д. С. Лихачев, несмотря на свою героическую судьбу, согласился стать “карманным” академиком у Раисы Максимовны (Горбачевой. — В. Ч., С. У., И. Б.) в созданном под ее патронажем Советском фонде культуры»¹⁷.

На самом деле всё-таки Дмитрий Сергеевич Лихачев был слишком значительной личностью и представители власти обращались с ним очень почтительно, всегда прислушиваясь к его мнению. Резкий характер подобных оценок взаимоотношений академика Лихачева с властью проистекал, скорее, из неприязни к личности самого Горбачева, нежели был следствием восприятия конкретных мероприятий Советского фонда культуры. Свидетельством тому служит и то существенное обстоятельство, что свое положение Дмитрий Лихачев не утратил и при президенте Борисе Ельцине.

Дальнейшая история российской интеллигенции неизменно продолжала линии «вечного противостояния». Это относилось и к Русскому Зарубежью (как «первой», так и «второй» ее волнам), и к интеллигенции «подсоветской» России. В последнем случае речь идет не только о диссидентском движении 1960—70-х гг.,

но и о более широком неприятии политики Советской власти в различных слоях российской интеллигенции. Такое неприятие не всегда могло найти четкое и однозначное выражение в общественно-политической деятельности этих лиц.

Впрочем, наиболее интересным и показательным в данном контексте является многолетнее противостояние власти и Александра Исаевича Солженицына. Самую острую его фазу сам писатель отобразил в своем сборнике с выразительным названием «Бодался теленок с дубом». Среди прочего в материалах этой книги даны весьма яркие портреты тех «приказчиков» и «винтиков», которые иногда проявляли даже чрезмерное рвение в отстаивании сиюминутных запросов и нужд власть имущих.

Особенно показательно в этом смысле изложение А. И. Солженицыным заседания Секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967 г., на котором он подвергся проработке со стороны руководителей Союза и членов секретариата. Так, известный драматург А. Е. Корнейчук вопрошал: «У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разнузданной буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма? Почему он от нее не отмежуетя?»¹⁸ А председательствовавший на заседании один из самых авторитетных писателей СССР — К. А. Федин прямо выдвинул А. И. Солженицыну главное требование: «Вы должны прежде всего протестовать против грязного использования вашего имени нашими врагами на Западе»¹⁹.

Однако в то время Александр Исаевич очень уверенно шел к открытому противостоянию с Советской властью, а те, кого советские писатели искренне считали врагами, были для него драгоценными защитниками и покровителями. Об этом он несколько позднее так и заявил в интервью журналу «Тайм» в январе 1974 г.: «Ни к иностранным правительствам, ни к парламентам, ни к иностранным политическим кругам я лично не обращался никогда. <...> Мы обращались к мировой общественности, к деятелям культуры. Их поддержка для нас — бесценна, всегда эффективна, всегда помогает»²⁰. Так что у Солженицына здесь уже совершенно иные ценностные ориентиры, нежели у советских писателей: это не следование линии партии по борьбе с «политическими и классовыми врагами», а солидарность интеллектуалов

Запада и Востока на основе общих ценностей. Иначе говоря, понимание «своих» и «чужих» здесь диаметрально расходится.

Своя специфика обнаруживается и в той модели взаимодействия общества и власти, которую можно назвать «башней из слоновой кости». Наиболее характерными образцами таких «башен» были еще в советскую эпоху: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде; некоторые подразделения новосибирского Академгородка; так называемая «тартуская школа» Юрия Лотмана; кружок московских интеллигентов, во главе которого был протоиерей Александр Мень; а в Русском Зарубежье — журнал «Новый град» в довоенном Париже.

Все названные нами группы интеллигентов не претендовали напрямую участвовать в политической жизни. Однако на деле эти «башни из слоновой кости» всё-таки оказывали воздействие на общество — свое собственное, не ангажированное, не привязанное к интересам власть имущих.

В этом контексте показательно то, как на излете существования Советского Союза развивалась деятельность «тартуской школы» Юрия Михайловича Лотмана, а также осмысление этой деятельности им самим. Заметим, что создавать свою школу всемирно известному ученому из тихого провинциального эстонского городка приходилось в более сложных условиях, чем те, в которых оказались интеллигенты в Зарубежье. Дело в том, что — по мнению Лотмана — в результате разрушительной культурной политики Советской власти «культурный фон очень пострадал»: «И нельзя сказать, что сейчас в провинции нет способных, энергичных, бескорыстных культурных деятелей. Они есть, но нет вокруг них атмосферы, нет у них необходимого авторитета»²¹. Всё это Юрий Лотман заявлял еще в конце 80-х гг. прошлого века не для того, чтобы выпрашивать у власти некие льготы или оправдывать существующие проблемы и изъяны. Его основная мысль заключалась совсем в другом — а именно в том, что надо лишь не мешать интеллигентам и всем участникам процесса культурного творчества делать свое дело: «Культура — это организм, который должен развиваться непрерывно, и нельзя никого копировать, надо органически развивать свое. Самая большая педагогическая мудрость сейчас бы состояла в том, чтобы подбирать хороших учителей и не мешать им работать»²².

4.2. Европейские интеллектуалы и существующая система

Наиболее широкой по своему составу группой западных интеллектуалов в XX столетии являлись, бесспорно, «бессильные люди». О них, как было упомянуто выше, еще в середине ушедшего века много размышлял американский ученый Чарльз Райт Миллс.

Ч. Миллс очень определенно показывал, какими методами властвующая элита создает систему использования и контроля интеллектуалов: «Всё больше интеллектуалов работает *внутри* властной бюрократии и *на* тех немногих, кто принимает решения. Даже если интеллектуал не нанят этими структурами открыто, шаг за шагом, разными способами обманывая самого себя, он стремится сделать так, чтобы в печати его мнения соответствовали ограничениям, наложенным такими организациями и их сотрудниками»²³.

«По мере того, как каналы коммуникации всё более монополизируются, а партийные машины и экономическое принуждение, основанные на обмане ради выгоды, продолжают монополизовать возможность эффективной политической организации, перспектива действия и политической коммуникации для интеллектуала минимизирована. Политический интеллектуал всё чаще — лишь служащий машины коммуникации, которая основана на полной противоположности тем ценностям, которые он хотел бы отстаивать. Он хотел бы стоять за политику истины в демократическом, ответственном обществе. Но его усилия сохранить свою функцию ради свободы потерпели поражение»²⁴, — подчеркивал американский ученый. По его мнению, «в социальных науках исследования всё больше зависят от средств частных фондов, а эти фонды известны своей неприязнью к ученым, выдвигающим непопулярные идеи — то есть те, что называют “неконструктивными”»²⁵.

Несмотря на то, что Миллс опубликовал свое эссе еще в 1944 г., идеи, озвученные им, актуальны по сей день. Нам хотелось обратить внимание на особенности культивирования «бессильных людей» в наднациональной среде. Речь идет о формирующемся слое европейских чиновников, трудящихся во благо объединяющейся Европы, известных в научных и публицистических работах

как «еврократы». Типичный портрет еврократа высокого уровня — интеллектуал, получивший престижное образование, пишущий различные тексты, в том числе и политического характера, трудившийся в университете.

Не останавливаясь на многих, укажем на наиболее видимые фигуры европейского интеграционного пространства — председатели Европейской комиссии (ЕК). В качестве примера рассмотрим особенности биографий двух предыдущих председателей — итальянца Романо Проди (1999—2004) и португальца Жозе Мануэль Дурран Баррозу (2004—2014).

Их жизненные пути до попадания на европейский Олимп весьма схожи. Оба с отличием окончили университет, стажировались в ведущих зарубежных образовательных центрах и вернулись на родину, чтобы преподавать в своих *alma mater*. И Р. Проди, и Ж. Баррозу некоторое время занимались исследовательской работой. Нужно отметить, что в поле зрения «Профессора» (именно такое прозвище Проди получит уже будучи на посту председателя ЕК) были и вопросы настоящего и будущего развития Европы, а в официальной биографии Баррозу упоминается, что в 1979 г. он основал Ассоциацию университетов по вопросам современных европейских исследований²⁶.

До рекрутирования в один из самых больших и авторитетных институтов ЕС — Европейскую комиссию — они могли выражать свои идеи относительно строительства Союза довольно явно и отчасти оппозиционно. Это были именно идеи Проди и Баррозу, основанные на их понимании европейской интеграции, себя и своего государства в этом процессе. Мысли, озвученные в ранних работах этих интеллектуалов, форс-идеи и стремление их реализовать — вот, на наш взгляд, то, что стало отличать их от более ранних версий самих себя после прихода в большую европейскую игру.

Важно отметить, что выбор председателя ЕК происходит на Европейском совете главами государств и правительств государств — членов ЕС. Именно тогда представители европейской элиты, облеченные высшей властью, выбирают, по их мнению, самого подходящего кандидата на этот пост. Таким образом, говоря словами известного французского социолога П. Бурдьё, рекрутирование интеллектуалов, их путь в клан «бессильных»

начинается с делегирования (то, посредством чего одно лицо, как говорят, дает власть другому лицу; перенос власти, когда доверитель разрешает доверенному лицу подписываться, действовать или говорить вместо себя)²⁷.

По мнению П. Бурдые, «делегирование, забытое и игнорируемое, является началом процесса политического отчуждения... Доверенные лица представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью... Политические фетиши суть люди, вещи, сущности, которые, кажется, обязаны своим существованием только самим себе, в то время как они получили его от социальных агентов»²⁸. Попадая в мир большой европейской политики, интеллигент становится, по сути, таким же фетишем и утрачивает ряд своих особенностей.

Анализируя деятельность председателей ЕК, можно отметить существенное расхождение между их мнениями, высказываниями по поводу понимания своего места и всего евроинтеграционного процесса до и после назначения. Несмотря на то, что основной посыл — забота о строительстве общего европейского дома — сохраняется, он становится более мягким.

Возможно, именно поэтому одним из недостатков, приписываемых председателям ЕК со времен ухода Ж. Делора, становится пассивность и отсутствие инициатив. Суммируя вышесказанное, можно отметить, что иного сложно ожидать, т. к. председатель всегда должен согласовывать свои действия с мнением тех, кто оказал ему доверие.

Если обратиться теперь к фигуре «независимого эксперта», то один из самых известных представителей этого типа среди европейских интеллигентов нашего времени — знаменитый итальянский писатель и общественный деятель Умберто Эко. Насколько нам известно, он никогда не обнаруживал каких-либо политических амбиций или резко обозначенных политических симпатий. Тем не менее, всё, что бы ни выпускал этот всемирно известный итальянский университетский профессор и писатель — романы, эссе, или даже пособие по написанию дипломной работы, — всё это имеет несомненный социальный контекст, можно сказать, и определенную политическую направленность.

Для нас весьма существенно то, что сам У. Эко четко разграничил социальную практику русских интеллигентов и западных

интеллектуалов. В тексте, опубликованном «Литературной газетой» в мае 1998 г., итальянский писатель утверждал, что «в России быть интеллектуалом... — это знак противоречия», в то время как в Европе всё обстоит иначе: «Сочетание интеллектуальной известности с политической и практически-общественной деятельностью на Западе является сочетанием распространенным»²⁹.

Может быть, самый яркий образец европейского независимого интеллектуала нашего времени — это известный германский философ, профессор Юрген Хабермас. Маститый 85-летний ветеран, последний из столпов знаменитой Франкфуртской школы, он — автор целого ряда авторитетных трудов, в том числе об ответственности публичных интеллектуалов и о роли коммуникаций в современном мире. Ученый успевает не только выпускать фундаментальные труды, но и писать статьи разной тематики, давать интервью, произносить множество речей (поводы для которых дает ему присуждение различных премий)³⁰.

Главная особенность научного творчества Юргена Хабермаса, его общественное лицо — это неослабевающая увлеченность проблемами Европы. Можно утверждать, что Хабермас является не просто горячим и искренним сторонником единой Европы, но теоретиком, который пытается дать концептуальное обоснование этому процессу, с тем чтобы сделать его наиболее результативным и необратимым. Поэтому в отличие от евробюрократов из Брюсселя и Страсбурга он делает акцент не на политико-административные механизмы, а на усиление солидарности народов Европы, на усвоение общих демократических ценностей, на преодолевающее национальный эгоизм и местный партикуляризм стратегическое сотрудничество. Причем все последние 40 лет Хабермас предстает как либерал и конформист.

Аналитика германского профессора сейчас уже трудно представима. Особенно ярко эта специфика интеллектуального самовыражения почтенного профессора проявляет себя в его благодарственной речи 9 марта 2006 г. по случаю вручения ему очередной премии — на сей раз премии имени Бруно Крайского. Само содержание речи представляется вполне оригинальным, что называется, авторским. Оно насыщено многими наблюдениями и соображениями о трудностях и проблемах, встающих перед независимым интеллектуалом в современном мире.

Хабермас выделяет и такие качества, необходимые в настоящее время западным интеллектуалам, какие нельзя считать безусловно удобными и приятными для существующей системы. Тут и «чуткость к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма», и «умение видеть, чего не хватает, или “что могло быть иначе”», и «немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы», и «немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций», и даже способность «выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет». Вместе с тем германский ученый никогда не забывает о благоразумии и тут же предупреждает, что интеллектуал «обязан обладать достаточным политическим здравомыслием, чтобы не допускать чрезмерных (избыточно эмоциональных) реакций»³¹. Мало того, в конце своей речи германский профессор не без изящества выразил свое почтение тому самому европейскому политическому бомонду, который столь щедро вознаграждает его научные изыскания: «...те политики, чья мысль опережает остальных, могут послужить образцом для интеллектуалов»³².

Если же называть тех европейских интеллектуалов, кто стремился последовательно не примыкать к политическому истеблишменту, то на правом фланге интеллектуальной карты Европы такими уже в течение десятилетий остаются французские «новые правые» во главе с Аленом де Бенуа, а на левом фланге — британские и другие «новые левые», объединившиеся вокруг журнала «New Left Review» (по крайней мере — до конца XX столетия).

В частности, А. де Бенуа, выявляя основы интеллектуального конформизма, указывает на те тенденции развития современного мира, которые делают неизбежным феномен «всеобщего стирания различий». Он с грустью констатирует деградацию интеллектуальной жизни в своей стране, когда даже левые оправдывают сложившийся порядок вещей³³. Поэтому преодоление имеющихся трудностей и проблем для независимого интеллектуала оказывается, в понимании Алена де Бенуа, чем-то очень трудным и требует усилий, в числе которых должен быть не только разрыв с господствующей идеологией, но и принятие совершенно иного образа жизни³⁴.

Несколько по-иному понимают истоки конформизма интеллектуалов в современном мире британские «новые левые». Весьма симптоматично то, что для критики конформизма один из основателей журнала «New Left Review» — известный британский публицист и исследователь Перри Андерсон использует опять-таки интеллектуальные изыскания Юргена Хабермаса. Андерсон приводит главный довод в обличении германской знаменитости: Хабермас «восторженно поддержал то, что он еще недавно резко осуждал». А именно — немецкий ученый стал восхвалять Лиссабонский договор. Поэтому итоговая оценка Андерсоном творчества Хабермаса совершенно неутешительна: «Стремление Хабермаса превратить Европу в пуп мира, не особенно интересуясь повседневной жизнью ее обитателей, таким образом, отражает устойчивую тенденцию»³⁵. Тенденцию, уточнили бы мы, к усилению конформизма среди европейских интеллектуалов нашего времени.

Это становится особенно очевидным, если познакомиться с мнениями тех западных интеллектуалов, которые отстаивают правоту Юргена Хабермаса от критики его оппонентов, в том числе и Перри Андерсона.

В данном контексте заслуживают внимания энергичные замечания профессора Принстонского университета Яна-Вернера Мюллера: «Возможно, кто-то воспримет анализ Хабермаса с интеллектуальной точки зрения провинциальным (Перри Андерсон недавно указал на то, что в последнем эссе Хабермаса о Европе три четверти ссылок — на немецких авторов, одна четверть — на англо-американских: получается, что остальная Европа для него в принципе в интеллектуальном смысле не существует). Кто-то раскритикует Хабермаса за то, что он не обращает внимания на жизненный опыт европейцев на всем континенте. Кто-то назовет его рецепты безнадежно идеалистичными. И, тем не менее, он остается интеллектуалом, который пытается учиться у экспертов, объяснять, что он считает (правильно или ошибочно) достижениями, недостатками, а также нормативным потенциалом Евросоюза, и, в итоге, заводить серьезный политический разговор. Иными словами, можно отрицать то, что Хабермас предлагает с содержательной точки зрения, но при этом находить

привлекательной модель, в соответствии с которой он предлагает интеллектуалам работать в Европе»³⁶.

Оправдывая Хабермаса, Ян-Вернер Мюллер в защите интересов существующей политической системы заходит, пожалуй, еще дальше, чем маститый германский профессор. Я.-В. Мюллер откровенно декларирует самый настоящий конформизм: «Разнообразие и плюрализм — это не ценности, подобные свободе и демократии. Тут всё зависит от ответа на вопрос “разнообразие в чем?”. Европейским интеллектуалам следует защищать свободу и демократию, если потребуется. А в остальное время им следует заняться объяснением и обоснованием (читай: того, что необходимо власти. — *В. Ч., С. У., И. Б.*)»³⁷. Как и следовало ожидать, сам Юрген Хабермас эти суждения «молодого профессора политических наук из Принстонского университета» нашел вполне убедительными³⁸.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным критерием разграничения трех основных типов участия российской интеллигенции в политической жизни являются взаимоотношения в рамках представлений «свой» — «чужой». Собственно, как отмечал в свое время Юрий Лотман, это противостояние было исторически заложено в самих основаниях самоопределения русской интеллигенции, которая оказалась одновременно испорченным «своим» и «неправильным чужим»³⁹. Однако и в двадцатом столетии внутренние противоречия такого рода ощутимо давали себя знать, поскольку в самосознании той или иной группы интеллигентов данный критерий безошибочно указывал интеллигенту его место в политической и общественной жизни. Эти жесткие нормы разделения на «чужих» и «своих» в сознании отечественной интеллигенции уже в первые годы Советской власти были, в частности, выделены и классифицированы в нескольких исследованиях В. Л. Черноперова о видных интеллигентах-большевиках Георгии Чичерине, Максиме Литвинове, Леониде Красине и Викторе Коппе, а также об известном ученом-историке Юрии Готье⁴⁰.

Заметим, что разделение на «чужих» и «своих» в среде отечественной интеллигенции на деле оказывается даже более

существенным, чем само отношение к существующей власти. Это особенно подчеркивается знаменитым жанром коллективных писем интеллигентов — как в конце советской эпохи, так и в настоящее время.

Итак, для российских интеллигентов в их отношении как к власти, так и к обществу главным критерием самоопределения и побудительным мотивом в их социальном действии является разделение на «своих» и «чужих». Данный вывод нашего исследования оказывается, во всяком случае, в чем-то и неожиданным. Ибо в России, как правило, противостоят и борются между собой не только те интеллигенты, которые разделены по своему отношению к власти («ходящие во власть», «вечно противостоящие» ей или обособляющиеся от нее в «башнях из слоновой кости»), но и те, кто состоит внутри каждого из этих трех больших сообществ.

Для западных, в частности, для европейских интеллектуалов, в отличие от российских интеллигентов, главной линией разделения методов и форм участия в политической и общественной жизни является расслоение по отношению к сложившейся системе власти — либо это та или иная вариация конформизма («бессильные люди», «независимые эксперты»), либо различные оттенки нонконформизма. Подобное положение в среде западных интеллектуалов не вызывает особого удивления — ведь в странах Европы и Северной Америки как существующая политическая система, так и гражданское общество всё еще достаточно устойчивы и стабильны. Они способны не только интегрировать разные течения общественной мысли, но и до известных пределов проявлять терпимость к несогласным — при том существенном условии, если такие несогласные согласятся быть достаточно миролюбивыми аутсайдерами.

Разумеется, существуют и другие научные классификации взаимоотношений власти с интеллектуалами и интеллигентами. Выделим резко очерченный взгляд французского ученого Мишеля Сюрра, который рассматривает современного западного интеллектуала как «диковинную зверушку», в которую он превратился под тяжким господством властвующей элиты⁴¹. В сущности, мнение этого французского интеллектуала есть еще одно выражение глубокого пессимизма, охватившего многие слои современного французского общества, что М. Сюрра и сам признает

в интервью одному российскому нонконформистскому журналу: «Времена сейчас уже не те, и причин для того, чтобы интеллектуалы могли вокруг чего-то по-настоящему сгруппироваться, уже нет. Группируются ведь обычно по двум причинам: из-за политики или же из-за авангардной эстетики. Сегодня авангардизм уже в прошлом, да и политических причин для объединения фактически никаких не осталось. Кроме того, в 1960—70-е годы большинство интеллектуалов были настроены крайне агрессивно. Сейчас же ситуация изменилась, и все интеллектуальные объединения носят характер, скорее, оборонительный, поскольку люди как бы выбирают меньшее из зол»⁴².

Такая точка зрения Мишеля Сюриа представляется нам более трезвой, нежели высказанная более полутора десятилетия назад надежда ныне уже покойного его известного соотечественника профессора-социолога Пьера Бурдьё : «...дело не только в том, чтобы высказаться против доминирующей точки зрения, претендующей на статус мнения большинства, и оспорить ее. Если мы хотим получить результаты, мы должны сделать так, чтобы наша критика была услышана широкой общественностью. Доминирующая точка зрения постоянно посягает на наше собственное мнение»⁴³. В этой связи Бурдьё еще считал возможным стратегию противостояния интеллектуалов существующей системе: «...как мне кажется, лишь известные общественные деятели могут разорвать этот порочный круг. Но, к сожалению, очень часто они известны именно потому, что не задают лишних вопросов и ведут себя тихо — ведь мы сами хотим видеть их такими, — лишь очень немногие пускают в оборот символический капитал, который им дает их положение в обществе, и высказываются громко и открыто, чтобы голоса тех, кто не сможет сказать сам за себя, были услышаны»⁴⁴.

Итак, представленные нами вариативные модели участия интеллигентов/интеллектуалов в общественной жизни предназначены для того, чтобы выявить реальные альтернативы включения этих социальных групп в социально-политические трансформации современного мира и оценить их конкретные результаты. Для существующей власти такая модель вполне определенно демонстрирует имеющиеся у нее возможности взаимодействия со столь неоднозначным социальным партнером — каким являются

интеллектуалы или интеллигенты. Что же касается действительных обладателей качеств интеллектуальности и интеллигентности, то и для них предлагаемая модель способствует адекватному осмыслению своего места в мире и потенциальных возможностей на будущее.

Примечания

- ¹ *Страда В.* Интеллигенция как зеркало европейской революции // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 29.
- ² *Фуко М.* Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью. М., 2002. С. 68.
- ³ *Gella A.* An introduction to the sociology of the intelligentsia // *Intelligentsia and the Intellectuals*. Beverly Hills, 1976. P. 22.
- ⁴ *Усманов С. М.* Интеллигенция в социальных трансформациях процессов модернизации: особенности опыта Запада и Востока // *Клио : журнал для ученых*. СПб., 2011. № 5 (56). С. 16.
- ⁵ *Розов Н. С.* (Не)мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // *Политическая концептология*. 2009. № 1. С. 179—198 ; *Фадеева Л. А.* Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // *Диалог со временем*. М., 2012. Вып. 41. С.108—138 ; *Castells M., Himanen P.* *The Informational Society and the Welfare State City: the Finish Model*. Oxford, 2002 ; *Collins R.* *The Sociology of Philosophies : a Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, 1998.
- ⁶ *Мыслящая Россия : интеллектуально-активная группа / отв. ред. В. Куренной*. М., 2008. (Наследие Евразии).
- ⁷ *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2007.
- ⁸ *Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Вместо введения : российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*. Иваново, 2014. С. 8—28.
- ⁹ *Усманов С. М.* «Партизаны», «приказчики», «винтики» и другие // *Поиск новых подходов к изучению интеллигенции : проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф.* Иваново, 1993. С. 54—56.

- ¹⁰ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 100—101.
- ¹¹ Черноперов В. Л., Усманов С. М. Указ. соч.
- ¹² Миллс Ч. Р. Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. 2014. № 2 (94). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/10r.html> (дата обращения: 21.07.2014).
- ¹³ Маркузе Г. Разум и революция : Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000. С. 531.
- ¹⁴ Дубинская-Джалилова Т. Горький на службе у Сталина. URL: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/1g302000/Literature/art12.htm (дата обращения: 30.10.2014).
- ¹⁵ Новодворская В. Унесенный ветром. URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/Valeria_Novodvorskaya_Ilya_Erenburg.2484.html (дата обращения: 17.09.2015).
- ¹⁶ От Кембриджа к научной кинопанораме : беседа с Сергеем Петровичем Капицей. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/10/13/kapitsa/> (дата обращения: 11.09.2015).
- ¹⁷ Беляев Ю. Государство без интеллигенции // Литературная Россия. 1992. № 47. С. 5.
- ¹⁸ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : очерки лит. жизни. Париж, 1975. С. 496.
- ¹⁹ Там же. С. 505.
- ²⁰ Там же. С. 612.
- ²¹ Лотман Ю. М. География интеллигентности: эскиз проблемы // Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2005. С. 257—258.
- ²² Там же. С. 262.
- ²³ Миллс Ч. Р. Указ. соч.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Баррозу Ж. М. Президент Еврокомиссии. URL: <http://lenta.ru/lib/14173008> (дата обращения: 21.07.2014).
- ²⁷ Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 157.
- ²⁸ Там же. С. 159.
- ²⁹ Эко У. Быть интеллигентом в России — знак противостояния // Литературная газета. 1998. 13 мая. С. 3.
- ³⁰ Черноперов В. Л. Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической самореализации западных интеллектуалов // Интеллигенция и мир. 2015. № 2.

- ³¹ *Хабермас Ю.* Первым почуять важное : что отличает интеллектуала? // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html> (дата обращения: 15.11.2014).
- ³² Там же.
- ³³ *Quand la cuture gauche legitime le capitalism...* // Ййiments. 2005. № 16. P. 52. URL: http://www.kelebekler.com/occ/ben_preve2.pdf (дата обращения: 18.11.2014).
- ³⁴ *Alain de Benoist: «Se rebeller contre le systime exige d'adopter des modes de vie ou des styles de vie diffirents».* URL: <http://fr.novopress.info/182033/entretien-exclusif-novopress-alain-de-benoist-se-rebeller-contre-le-systeme-exige-dadopter-des-modes-de-vie-ou-des-styles-de-vie-differents-22/> (дата обращения: 27.11.2014).
- ³⁵ *Anderson P.* L'Europe face a l'гйгйmonie allemande // Le Monde Diplomatique. 2012. Decembre. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2012/12/ANDERSON/48468> (дата обращения: 01.12.2014).
- ³⁶ *Müller J.-W.* The Failure of European Intellectuals? URL: <http://www.eurozine.com/articles/2012-04-11-muller-en.html> (дата обращения: 02.11.2014).
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ *The European Citizen: Just a Myth?* URL: <http://theglobaljournal.net/group/issue-011-may-june-2012/article/695/> (дата обращения: 02.11.2014).
- ³⁹ *Лотман Ю.* Интеллигенция и свобода : (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 122—150.
- ⁴⁰ *Черноперов В. Л.* Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 г. // Личность. Культура. Общество. М., 2005. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 254—274 ; *Черноперов В. Л.* Образы «Россия и русские», «Кайзеровская империя», «Антанта и народы стран Согласия» на страницах дневника Ю. В. Готье (1917—1918 гг.). URL: <http://www.rosmir.irigan.ru/archival.php?id=44> (дата обращения: 21.07.2014).
- ⁴¹ *Сюрпа М.* Портрет интеллектуала в обличье домашней зверушки. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1020295/71/Respublika_slovesnosti_Franciya_v_mirovoy_intellektualnoy_kulture.html (дата обращения: 30.10.2014).
- ⁴² См.: *Сюрпа М.* За границей. 2005. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/3948> (дата обращения: 18.10.2014).
- ⁴³ *Бурдые П., Грасс Г.* Литература: взгляд изнутри. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/other_lang/20000811-pr.html (дата обращения: 04.10.2015).
- ⁴⁴ Там же.

И. В. Сибиряков

**ТЕМА ГОРОДА-ГЕРОЯ СЕВАСТОПОЛЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Советская музыкальная интеллигенция была своеобразной социальной группой. Долгое время, оставаясь одним из самых немногочисленных «отрядов» советской интеллигенции, она, тем не менее, играла важную роль в формировании новой советской культуры, нового советского образа жизни, основ культурно-исторической памяти советского социума. Не случайно многие высшие руководители коммунистической партии и советского государства обращали внимание на творчество и общественную позицию наиболее видных представителей отечественной музыкальной интеллигенции.

Стремление к созданию новой советской традиции, желание получить поддержку со стороны официальных государственных и партийных органов, необходимость адекватного восприятия новых музыкальных произведений советским зрителем и слушателем подталкивали некоторых представителей музыкальной интеллигенции к поиску не только оригинальных приемов, но и новых сюжетов для своего творчества. Эти сюжеты должны были «соответствовать» генеральной политической линии партии, особенностям социально-экономической обстановки в стране, традициям национальной музыкальной культуры, вкусам и ценностям политической элиты Советского Союза. Именно эти факторы, на наш взгляд, объясняют интерес музыкальной интеллигенции к образу советского города-героя Севастополя.

© Сибиряков И. В., 2015

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00219.

Первый раз он ярко проявился в годы Великой Отечественной войны, когда героическая оборона Севастополя в 1941—1942 гг. дала мощный импульс творчеству советских поэтов и композиторов. Одной из первых «вершин» стала песня «Заветный камень» поэта А. А. Жарова и композитора Б. А. Мокроусова. Позже поэт вспоминал: «Еще в июле 1941 г. мы с Мокроусовым начали работу над песней о героических моряках Севастополя... Мысль эта пришла к нам в бомбоубежище, недалеко от Графской пристани. Мы только что побывали на кораблях, береговых батареях, видели черноморцев, героев первых боев». А. А. Жаров подчеркивал: «...когда начали уже появляться первоначальные музыкальные наброски, мелодические ходы, стали вместе думать, работать над содержанием... Получилось не сразу. Борис поставил трудную задачу: создать песню, предвещающую победу над врагом (уже тогда!). Для этого песня должна нести в себе горькую правду первого периода войны. Иначе не было бы художественно убедительным и предсказание победы. Долго не могли отыскать центрального кульминационного эпизода, который бы определил главную идею сочинения. Наконец он был подсказан самой жизнью...»¹ В 1943 г. Б. А. Мокроусов прочитал в газете «Красный флот» очерк Л. Соловьева «Севастопольский камень» о легендарных последних защитниках города, которые, покидая Севастополь, взяли с собой камень как частицу родной земли. Работа над песней возобновилась, а сюжет газетного очерка превратился в стихотворение А. А. Жарова. В его первом варианте последние строчки носили очень символический и оптимистический характер: «Взойдет на утес черноморский матрос, кто родине новую славу принес, и в мирной дали пойдут корабли под солнцем родимой земли»².

9 января 1944 г. в газете «Красная Звезда» были опубликованы ноты и текст песни под ее первым названием «Камень Севастополя»³. В архиве композитора «удалось разыскать и более раннее ее издание, датированное октябрём 1942 г. — репертуарную листовку для краснофлотской художественной самодеятельности “Краснофлотская эстрада”, подготовленную ВДНТ имени Н. К. Крупской и выпущенную издательством “Искусство”»⁴.

Не случайно песня получила широкую известность уже в годы войны. Первая запись песни «Заветный камень» была

сделана на грампластинке Георгием Абрамовым в 1944 г. Ее продолжали активно исполнять и в первые послевоенные годы. Песня вошла в репертуар Б. Гмыри, М. Максаковой, М. Рейзена, Л. Утёсова. В одном из телевизионных эфиров именно Л. Утёсов произнес знаменитую фразу: «Есть у нас царь-пушка, есть царь-колокол и есть у нас царь-песня — “Заветный камень”»⁵.

Песня «Заветный камень» была высоко оценена не только музыкальным сообществом, но и высшим руководством страны. В 1948 г. Совет министров СССР постановил присудить Б. А. Мокроусову Сталинскую премию за выдающиеся работы в области искусства, указав в своем постановлении, что эта премия была присуждена ему, в том числе и за песню «Заветный камень»⁶.

Показательно, что образ Севастополя в советских песнях 40—50-х гг. иногда причудливо соединялся с образом И. В. Сталина. В 1945 г. в «Песне о Сталине», которую написал и исполнил А. Н. Вертинский, прозвучали следующие строки: «Чуть седой, как серебряный тополь, он стоит, принимая парад. Сколько стоил ему Севастополь! Сколько стоил ему Сталинград!»⁷

Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны оказалось очень серьезной экономической и социальной проблемой, решение которой потребовало мобилизации сил не только жителей Крыма. Советские музыканты, стремившиеся в своем творчестве отражать наиболее важные, актуальные для страны явления и процессы, создали несколько музыкальных произведений, посвященных восстановлению разрушенной страны. Одним из таких произведений стала «Песня строителей Севастополя», но широкой известности в СССР она не получила, и на какое-то время сюжеты, связанные с героической историей Севастополя, вышли из центра внимания советской художественной интеллигенции.

Новый всплеск интереса к «севастопольской теме» в среде советской музыкальной интеллигенции был зафиксирован в 50-е гг., когда в СССР широко отмечался 100-летний юбилей героической обороны Севастополя в ходе Крымской войны. Многочисленные торжественные собрания, митинги, лекции, выставки, парады и, наконец, награждение Севастополя орденом Красного Знамени вновь привлекли внимание общества к истории

этого героического города. Но если советские писатели и художники в это время уже стали использовать в своем творчестве сюжеты дореволюционной истории Севастополя, то музыканты и поэты, писавшие о Севастополе, по-прежнему уделяли основное внимание истории героической обороны и освобождения города в годы Великой Отечественной войны.

В 1954 г. появилась одна из самых известных советских песен о Севастополе «Легендарный Севастополь». Автором слов этой песни был П. М. Градов, музыку написал В. И. Мурадели. Идея «Легендарного Севастополя» возникла у композитора еще в 1944 г., когда он во главе Центрального ансамбля песни и танца Военно-морского флота СССР приехал в только что освобожденный город. А через 10 лет известный композитор вновь посетил Севастополь и член Военного совета флота вице-адмирал Н. М. Кулаков официально, от имени всех севастопольцев и моряков-черноморцев, предложил ему написать «хорошую песню к 100-летию обороны Севастополя». В. И. Мурадели принял это предложение и обратился к ряду поэтов за текстом. Слова, написанные А. А. Жаровым, композитору не понравились, а вот стихи менее известного поэта П. М. Градова пришлись по душе⁸. Основной сюжетной линией песни стал рассказ о мужестве защитников Севастополя, которое они проявили в годы войны. «Скинув черные бушлаты, черноморцы в дни войны здесь на танки шли с гранатой, шли на смерть твои сыны». Важно отметить, что авторы песни обратили внимание на историческую преемственность героического подвига советских защитников Севастополя: «Всем на свете ты поведай, как на крымских берегах воевали наши деды и прославили в боях легендарный Севастополь...»

В том же 1954 г. впервые прозвучала песня Б. В. Боголепова и А. Сальникова «Сапун-гора». Она была посвящена сражению, которое развернулось в Крыму в мае 1944 г. Главным в песне стал образ Сапун-горы, получивший особый вневременной характер.

Примерно в это же время впервые прозвучала песня «Севастопольский вальс» поэта Г. Л. Рублева и композитора К. Я. Листова. Первыми ее исполнителями были Г. К. Отс и В. А. Бунчиков. Такого лирического, спокойного, «мирного» музыкального произведения, посвященного Севастополю, советское музыкальное

искусство еще не знало. «Севастопольский вальс, золотые деньки; мне светили в пути не раз ваших глаз огоньки. Севастопольский вальс помнят все моряки. Разве можно забыть мне вас, золотые деньки!» Появление песни «Севастопольский вальс» свидетельствовало о том, что в среде советской музыкальной интеллигенции, как и в стране в целом, происходят очень важные изменения.

В конце 50-х гг. XX в. в Советском Союзе сложилась совершенно новая социально-политическая атмосфера, существенно изменились настроения в рядах самой интеллигенции, что привело к рождению уже нового образа Севастополя в творчестве советских музыкантов. Самым ярким произведением этого периода стала знаменитая оперетта «Севастопольский вальс», написанная композитором К. Я. Листовым. Авторами либретто были Е. М. Гальперина и Ю. Л. Анненков. «Севастопольский вальс» представил советскому зрителю новый образ Севастополя, который не только оставался городом-героем, символом мужества советских людей, проявившегося особенно ярко в годы Великой Отечественной войны, но и стал городом, которому удалось преодолеть все тяготы послевоенного восстановления и превратиться в город молодых, энергичных, влюбленных и счастливых людей. Его уникальный внешний вид, его уникальная история создавали образ праздничного города, так востребованный в советском социуме 50—60-х гг. Совершенно не случайно оперетта «Севастопольский вальс» стала одной из самых популярных музыкальных постановок в СССР. Авторам оперетты удалось гармонично соединить патриотические, военные и лирические сюжеты в рамках целостной музыкальной конструкции, закрепив в сознании многих советских людей уже новый образ Севастополя.

В 1963 г. в Киеве был издан сборник «Песни о Севастополе. Для голоса и хора в сопровождении фортепьяно». Составителем выступил многолетний руководитель ансамбля песни и пляски Черноморского флота Б. В. Боголепов, включивший в сборник 13 музыкальных произведений. Анализ даже некоторых из них позволяет лучше увидеть наиболее важные детали того образа Севастополя, который формировался в музыкальных произведениях, созданных представителями советской музыкальной интеллигенции в послевоенные годы. Естественно, что в сборник

вошли песни «Заветный камень» и «Севастопольский вальс», которые к тому моменту уже стали самыми популярными песнями о Севастополе и исполнялись на разных сценах различными музыкальными коллективами. Кроме того, в него были включены четыре песни («Вечный огонь», «Песня о Нахимове», «Героический Севастополь» и «Севастопольские встречи»), автором слов в которых являлся А. С. Красовский.

Афанасий Степанович Красовский был известным севастопольским поэтом, фронтовиком, человеком, для которого всё, что было связано с городом Севастополь, имело особое значение и ценность. Не случайно многие его произведения (несмотря на то что они редко исполняются в эфире, например песня «Севастопольские улицы вечерние», в которой был создан совершенно особый «домашний» образ города) до сих пор хорошо известны творческой интеллигенции Севастополя.

В сборник были включены три песни, музыку к которым написал сам Б. В. Боголепов («Вечный огонь», «Сапун-гора», «Героический Севастополь»). Сборник открывался текстом песни «Родной Севастополь» (С. Алымов — В. Макаров), написанной еще в 1947 г. В ней город предстал уже в традиционном для советских музыкантов героическом образе — «Здесь кровью святою омыты утесы, здесь славой оваян бетон батарей, здесь курс на бессмертье держали матросы в боях за свободу отчизны своей»⁹. Вторая песня, включенная в сборник, называлась «Город Славы» (В. Малков — К. Иванов). Она также создавала у слушателя образ города-крепости, сыгравшей важную роль в военной истории страны: «Родной Севастополь, форпост черноморский, бессмертно на вахте стоит боевой, оваянный русскою славой матросской, наш солнечный город-герой»¹⁰.

Но наиболее полно традиционный образ Севастополя, на наш взгляд, был воплощен в песне А. С. Красовского и Б. В. Боголепова «Героический Севастополь»: «Ты стоишь над морем гордо, словно воин величавый, Севастополь — русский город, город подвигов и славы»¹¹.

«Русская» составляющая славы Севастополя прозвучала в текстах еще нескольких произведений, включенных в сборник «Песни о Севастополе». Очевидно, это произошло не случайно. После передачи Крыма в состав Украинской советской

социалистической республики, «русская тема» в истории полуострова приобрела особый характер. Ее обсуждение в рамках открытого политического пространства оказалось невозможным; и как это часто бывает в истории нашей страны, табуированная в официальном дискурсе, она проявила себя через произведения искусства. В среде художественной интеллигенции в целом и в среде музыкальной интеллигенции в частности существовали различные точки зрения об исторической судьбе Крыма и Севастополя. Часть представителей советской интеллигенции была уверена в необходимости сохранить статус Севастополя как совершенно особого города не только на Крымском полуострове, но и в стране в целом. «Русские сюжеты» в песнях о Севастополе были не только констатацией исторической реальности, но и своеобразным сигналом о важности этого вопроса для культурно-исторической памяти страны, для более глубокого понимания проблем ее прошлого и настоящего как представителями политической элиты, так и самыми широкими слоями населения.

Особое место в сборнике занимала «Песня о Нахимове» (А. Красовский — К. Карпенко). Это было одно из немногих музыкальных произведений, включенных в текст сборника, авторы которого напрямую связали героическую доблесть защитников Севастополя в годы Великой Отечественной войны с военными подвигами участников обороны Севастополя в годы Крымской войны. Если в научной и художественной литературе, в публикациях журналистов, в выступлениях политиков и военачальников такие «связи» просматривались уже достаточно давно, то в музыкальных произведениях, особенно песенного жанра, созданных в начале 60-х гг., широкого распространения они не имели. «Адмирал-патриот в сердце нашем живет, на советских морях реет родины флаг, и к родным берегам нет дороги врагам»¹².

Показательно, что в 60—70-е гг. XX в. «севастопольская тема» вызывала интерес не только у авторов песенных композиций. Именно в это время представителями советской музыкальной интеллигенции были созданы совершенно новые музыкальные образы Севастополя. Так, Б. А. Чайковским была написана «Севастопольская симфония» для большого симфонического оркестра¹³. А композитор И. Б. Драго сочинил ораторию «Дифирамб Севастополю»¹⁴. В ее исполнении должны были

участвовать мужской хор, симфонический оркестр, солисты. Оратория состояла из шести частей и в сложной музыкальной форме показывала исторический путь Севастополя от древности до середины XX в. В этом плане показательна последовательность названий основных частей оратории: «Херсонесский колокол», «Мекензиевы горы», «Остров Березань», «Цемесская бухта», «Красные маки», «Слава». Оратория И. Б. Драго стала одним из немногих музыкальных произведений советских авторов, в рамках которого была предпринята попытка рассказать обо всех важнейших этапах исторической судьбы Севастополя, объединенных общей музыкальной идеей.

Важно подчеркнуть, что даже в это время (время реализации масштабных музыкальных проектов) произведений, полностью посвященных роли Севастополя в истории российского революционного движения и получивших широкую известность в СССР, было создано очень немного (например, опера «Лейтенант Шмидт» композитора Б. Л. Яровинского, которая была поставлена в 1970 г. в Харьковском оперном театре. Первая опера с таким же названием была написана еще в 1938 г. композитором Н. И. Платоновым). Для советских музыкантов Севастополь всё же в первую очередь оставался городом военной славы, непобежденной героической крепостью, городом-героем.

Наиболее ярко признаки такого подхода к образу Севастополя проявились при издании сборников песен в 80-е гг. XX в. В 1983 г. в Киеве был издан один из таких сборников под названием «Легендарный Севастополь. Вокальные произведения в сопровождении фортепьяно»¹⁵. Сборник включал в себя тексты 15 песен. Практически в каждой из них либо встречалось упоминание о войне, либо военный сюжет носил доминирующий характер. В предисловии главнокомандующий Военно-морским флотом СССР С. Г. Горшков писал: «Этот сборник музыкальных произведений — хороший подарок славному юбилею — двухсотлетию города. Он послужит благородному делу воспитания советских людей, прежде всего молодых строителей коммунизма в духе верности нашим революционным, боевым и трудовым традициям, горячей любви к своему социалистическому отечеству»¹⁶.

Сборник открывался текстами самых известных песен о Севастополе — «Легендарный Севастополь» и «Заветный

камень», а также включал в свой состав «Севастопольский вальс» К. Я. Листова и Г. Л. Рублева. Но в него вошли и менее известные широкой аудитории музыкальные произведения, посвященные славному городу, такие как «Севастопольские маки», «Черноморских границ часовой», «Песня о боевой молодости» и др. Уже сами эти названия отражали особый «военный дух». Среди авторов песен были участники Великой Отечественной войны Е. Жарковский, А. Красовский, Д. Рымарев и др. Типичными для данного сборника литературными образами Севастополя, на наш взгляд, стали образы «стража морской державы» и «часового черноморских границ». Практически во всех песнях встречалось упоминание о кораблях, море, бухтах. Но одна из песен, включенных в текст сборника, носила совершенно особый характер и представила тот пласт музыкальной культуры, который очень редко попадал на страницы официальных музыкальных изданий в СССР. Речь идет о песне Я. Машарского и В. Орлова «Ребята севастопольской прописки» — «Здесь каменные лестницы, как трапы корабля, оваян город славою российской, и дорога до камешка священная земля ребятам севастопольской прописки»¹⁷. Уникальность этой песни, в первую очередь, заключалась в том, что она получила очень широкое распространение в непрофессиональном исполнении как явление подлинно народной культуры, далекое от политической ангажированности. Песня отражала особенности именно «севастопольского взгляда» на историю города, так как была написана от лица тех, кто родился и вырос в Севастополе. Не случайно песня «Ребята Севастопольской прописки» до сих пор сохранила свою популярность у жителей города, став для многих более символичной и близкой, чем официальные гимны и традиционные для торжественных мероприятий произведения. Несмотря на то что в Севастополе, как и в других крупных городах Советского Союза, во второй половине XX в. сформировалась своя музыкальная субкультура, очень немногие песни, рожденные в ее среде, получили широкое распространение за пределами города и исполняются до сих пор.

Еще одним самостоятельным музыкальным направлением для советских композиторов, занимавшихся «севастопольской темой», были мелодии, которые создавались для художественных кинофильмов. Первые такие мелодии были написаны еще в годы

Великой Отечественной войны. В 1944 г. на экраны страны вышел художественный фильм «Иван Никулин — русский матрос» режиссера И. Савченко. В фильме прозвучала песня «Морская баллада», написанная поэтом А. А. Сурковым и композитором С. И. Потоцким. Исполнил ее очень популярный в СССР артист Б. П. Чирков. Именно в этой песне были созданы наиболее трагические образы, связанные с гитлеровской оккупацией города: «На ветвях израненного тополя теплое дыханье ветерка, над пустынным рейдом Севастополя ни серпа луны, ни огонька»¹⁸. В 1958 г. в прокат вышел фильм «На дорогах войны» режиссера Л. Н. Саакова, в котором прозвучала песня о Севастополе, написанная К. В. Молчановым и Е. А. Долматовским. Несмотря на то что фильм посвящался трагическим событиям войны, в тексте песни не было военных сюжетов и образов. В 1970 г. на экраны советских кинотеатров вышел еще один фильм режиссера Л. Н. Саакова «Море в огне», воссоздавший многие важные страницы героической обороны Севастополя в 1941—1942 гг. Фильм начинался песней В. Е. Баснера на стихи М. Л. Матусовского «Севастопольские бастионы». Ее исполнил певец В. К. Трошин. Эта песня продолжила традицию создания самостоятельных песенных композиций для художественных и документальных фильмов о Севастополе. Одним из главных в ней стал образ сева-стопольских бастионов, в годы войны объединивших представи-телей самых разных родов войск.

Для научно-популярного фильма «Я — Севастополь», который был снят в СССР в 1975 г., поэт Г. М. Поженян написал два стихотворения, одно из них стало поэтической основой песни «Севастопольские маки»¹⁹. Ключевыми, наиболее узнаваемыми для слушателя образами Севастополя в этой песне, как и во многих других музыкальных композициях советских авторов, были Малахов курган и Сапун-гора: «На Федюнинских холмах тишина, над Малаховым курганом сны, словно не было войны, но война похоронена на дне тишины...» Музыку к первому варианту песни написал В. Е. Баснер, а ее исполнителем был известный советский певец Э. А. Хиль.

Но в 1981 г. появился новый вариант песни, автором музыки которого стал певец и композитор Ю. М. Антонов. Он же

исполнял эту песню долгие годы в рамках своих сольных концертов и различных торжественных мероприятий.

В 1983 г. в честь 200-летия основания города в Севастополе был объявлен конкурс, победителем которого стала композиция «Севастополь — песня моя» (Б. А. Миронов — Б. М. Эскин): «И счастья, и горя ты много познал Севастополь. Иному хватило б на тысячи, тысячи лет. К седым обелискам восходят скалистые тропы. Над бухтой встает золотистый рассвет». Именно в такой завуалированной форме в тексте песни была отражена военная история Севастополя. Но основным, доминирующим в композиции стал лирический сюжет — «Ты синий и белый, ты словно тельняшка матроса. Ты молод, как песня, тебя не состарят века. И маки у моря пылают при утренних росах, и светит влюбленным огонь маяка». Победа в конкурсе композиции «Севастополь — песня моя», на наш взгляд, свидетельствовала о серьезном изменении образа Севастополя в сознании части советского общества. На смену традиционному образу города-крепости пришел образ праздничного, солнечного, счастливого города. С точки зрения большинства советской музыкальной интеллигенции, этот образ наиболее полно отражал представления о Севастополе, существовавшие у самых разных групп населения страны.

Показательно, что в 80-е гг. XX в. «севастопольская тема» по-прежнему присутствовала в творчестве многих советских музыкантов, но создать произведения, которые бы получили общесоюзную известность и широкую народную популярность, в этот период уже не удалось. Последней «советской» песней, имевшей мощную эфирную поддержку, стала «Песня о Севастополе» Е. П. Крылатова и И. Р. Резника в исполнении Ю. И. Богатикова. Несмотря на то что в ее текст вернулась традиционная военная тема, заканчивалась песня следующими строчками: «Здесь прошли мои годы юные, здесь я полюбил корабли, и всегда в походе я думаю о тебе, мой город солнца и любви»²⁰.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что «севастопольская тема» оказалась одной из наиболее востребованных героических тем, позволявших представителям советской музыкальной интеллигенции в середине и второй половине XX в. нередко находить «общий язык» как с представителями власти, так и с широкими слоями населения.

Она была востребована и как инструмент патриотического воспитания молодого поколения советских людей, и как инструмент сохранения исторической памяти о трагических событиях Великой Отечественной войны.

Стремление советской музыкальной интеллигенции интегрировать связанные с историей советского Севастополя сюжеты в более масштабный исторический контекст, которое ярко проявилось в 60-е гг. XX в., отражало общее стремление части творческой интеллигенции СССР к восстановлению целостной картины исторического прошлого страны.

При этом «севастопольская тема» позволяла советским музыкантам, в первую очередь авторам песенных композиций, затронуть в своем творчестве и многие универсальные общечеловеческие проблемы, имевшие вневременной характер. Разговор о таких ценностях, как любовь, дружба, мужество, которые очень ярко проявились в дни героической обороны Севастополя и в дни его освобождения, в первые послевоенные годы, был очень интересен для самых широких слоев населения, что привело к созданию музыкальных произведений, получивших народное признание. Такое признание было в СССР одной из самых высоких оценок деятельности советской музыкальной интеллигенции. Но постепенно интерес к «севастопольской теме» со стороны государственных структур стал слабеть, и она ушла из центра внимания музыкальной общественности. В результате на смену образу города-крепости, города-героя постепенно пришел более сложный образ города, в котором гармонично сочетались «героическое» и «лирическое» начала. Более того, на короткий исторический период лирический образ Севастополя, проявившийся в целом ряде музыкальных произведений, созданных советскими авторами в 80-е гг. XX в., смог на некоторое время закрепиться в сознании и исторической памяти советских людей.

Эта трансформация образов Севастополя была связана с целым комплексом причин, главными из которых, по нашему мнению, были изменения в социально-политической атмосфере советского общества на последнем этапе существования СССР, смена поколений, произошедшая среди советских поэтов и музыкантов в 70—80-е гг. XX в., более быстрое развитие новых жанров искусства, кризис традиционных музыкальных форм и сюжетов и т. д.

Примечания

- ¹ *Шварц Д.* Песня о войне. «Заветный камень». URL: <http://www.liveinternet.ru/users/2496320/post213694257/> (дата обращения: 18.09.2015).
- ² Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 3067. Оп. 1. Д. 67. Л. 5 об.
- ³ *Жаров А. А., Мокроусов Б. А.* Камень Севастополя // Красная Звезда. 1944. 9 янв. С. 4.
- ⁴ *Шварц Д.* Указ. соч.
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 3067. Оп. 1. Д. 363. Л. 176.
- ⁶ Там же. Л. 34.
- ⁷ *Вертинский А.* Он : (Песня о Сталине). URL: http://www.jooov.net/text/1132574/avertinskiy-on_pesnya_o_staline.htmls (дата обращения: 18.09.2015).
- ⁸ *Иванов В.* Послевоенный Севастополь, 1944—1954 гг. URL: http://koleso.info/page_arch.php?id=1160 (дата обращения: 18.09.2015).
- ⁹ Песни о Севастополе : для голоса и хора в сопровождении фортепьяно. Киев, 1963. С. 3.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 28.
- ¹² Там же. С. 23.
- ¹³ *Чайковский Б. А.* Севастопольская симфония : для большого симфонического оркестра : партитура. М., 1965.
- ¹⁴ *Драго И. Б.* Дифирамб Севастополю : оратория : в 6 ч. Киев, 1973.
- ¹⁵ Легендарный Севастополь : вокальные произведения в сопровождении фортепьяно. Киев, 1983.
- ¹⁶ Там же. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 64.
- ¹⁸ *Сибиряков И. В.* Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. С. 26.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 3. Д. 267. Л. 52.
- ²⁰ *Крылатов Е. П., Резник И. Р.* Песня о Севастополе. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=sevast> (дата обращения: 18.09.2015).

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)613-284.6

Г. А. Ивакин

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ-МОНАРХИСТОВ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

После революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной большинство представителей монархического движения, и в том числе черносотенных организаций, были вынуждены эмигрировать за пределы Советской России. Среди идейных течений в среде русской эмиграции особое место занимает монархическая идеология, нашедшая новых сторонников среди покинувших Родину представителей российского общества.

В землячествах и общинах русских эмигрантов в 1920-е гг. наблюдается всплеск внимания к идеям и программатике монархических организаций, возникших в этот период. Многие из эмигрантов становятся на монархические позиции и вступают в легитимистские организации, одни из которых представляют собой воссоздание за рубежом черносотенных союзов, другие принимают конституционно-монархическую программу. Идейные поиски и их влияние на политическую жизнь в среде русских эмигрантов-монархистов являются важными и связаны с сохранением традиционных основ русской идентичности в эмигрантской среде.

© Ивакин Г. А., 2015

Ивакин Григорий Анатольевич — доктор исторических наук, заместитель начальника Управления образовательной политики, профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва). ivakin@ranepa.ru

При этом вопросы идейно-политической жизни в монархической среде русской послереволюционной эмиграции остаются не вполне исследованными, особенно это касается влияния воззрений наиболее видных мыслителей на общественно-политическую деятельность эмигрантских монархических организаций. Данные вопросы и составляют предмет внимания настоящей статьи.

Российская эмиграция периода 1917—1920-х гг. является собой уникальный социальный феномен. Это связано не только с тем обстоятельством, что покинуть Родину вынуждены были представители самых разных слоев населения, среди которых немалую часть составляла русская интеллигенция — наиболее образованный и культурный слой предреволюционного русского общества, но и с тем, что в большинстве своем русские эмигранты, вынужденные адаптироваться к иностранной социально-культурной среде, так и не смогли вернуться в свое Отечество. С другой стороны, нельзя не сказать и о том, что русские эмигранты стремились сохранить традиционные основы русской общественной, интеллектуальной и культурной жизни, образовывая свои землячества, общества и другие организации (например, Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей — «Земгор», созданный в Париже в феврале 1921 г.).

Еще одним обстоятельством, выделяющим эмигрантский поток, последовавший после революционных событий и Гражданской войны, стала его социальная разнородность. Современники отмечали среди эмигрантов лиц, живущих за счет своих капиталов, государственных чиновников, врачей, ученых, учителей, военных и многочисленных промышленных и сельскохозяйственных рабочих, крестьян. Всё это во многом определило не только разные пути социальной адаптации и общественной консолидации эмигрантов, но и их разные политические взгляды, в основном сосредоточенные на проблемах российской политики, как предшествовавшей революции, так и последовавшей за ней.

Безусловно, на этом фоне наблюдалось новое обращение к такой традиционной основе русского общества дореволюционного периода, как идея монархии, происходило ее переосмысление. Оказавшись в эмиграции, многие видные представители черносотенства были вовлечены в бурную интеллектуальную жизнь

русских эмигрантских сообществ, отмеченную обсуждением не только причин революционных потрясений, но и дискуссиями по вопросам возможного государственного устройства России.

Новый этап в истории черносотенного движения связан с началом революционных потрясений 1917 г. Падение самодержавия вызвало в нем кризис, многие из лидеров черносотенного движения и сторонники монархии были арестованы Чрезвычайной следственной комиссией, созданной Временным правительством (Н. Е. Марков, Н. А. Маклаков, В. Н. Воейков, А. Н. Хвостов, А. И. Дубровин, В. Г. Орлов, А. И. Коновницын), перед которой изначально была поставлена задача «с точки зрения политической исследовать всю деятельность до первоисточников, не выходя, однако, за пределы XX в.»¹. Черносотенные газеты оказались под запретом. Таким образом, со времени Февральской революции 1917 г. черносотенные движения, как поддерживающие монархическую власть, оказались вне пространства легитимной политической жизни России, а по сути — под запретом.

Вскоре со стороны Советского государства последовало и юридическое оформление положения русских эмигрантов. Так, 5 января 1922 г. был опубликован «Декрет о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» ВЦИК и Совнаркома от 15 декабря 1921 г. В соответствии с положениями данного правового акта лишались прав гражданства лица, находившиеся за границей без разрешения Советской власти и не получившие советского паспорта, участники контрреволюционных организаций.

Крушение монархического строя, произошедшее в короткий срок, дезориентировало черносотенцев. Среди лидеров только В. М. Пуришкевич пошел на сотрудничество с Временным правительством, некоторые были арестованы, а другие, оказавшись в подполье, практически сразу образовывали организации, деятельность которых была связана с противодействием «советам».

Так, уже в ноябре 1918 г. в Финляндии, в Хельсинки, монархистами создается «Русский комитет», деятельность которого была ориентирована на Германию с целью побудить ее правительство к интервенции в Россию. В Финляндии в 1920 г. вел организационную работу великий князь Кирилл Владимирович с целью вербовки офицеров для похода на Петроград².

За пределами России монархисты-черносотенцы оказались разбросанными по всему миру. Та часть, которая отличалась наибольшей приверженностью монархическим идеалам и обладала значительными сбережениями, поселилась в обеспеченных европейских странах, таких как Германия и Франция. Те же, кто не обладал достаточными финансовыми средствами, были вынуждены в качестве места своего пребывания выбирать Балканский полуостров, в первую очередь православную Сербию, король которой Александр благосклонно относился к русским эмигрантам-монархистам, а также далекий от российских областей с укрепившейся властью большевиков Китай.

Одним из центров сосредоточения русских эмигрантов-монархистов стала Бавария. И. В. Сабенникова отмечает, что «одним из наиболее крупных центров русской эмиграции в Германии того периода был Мюнхен, где в политическом спектре преобладали правые монархисты, которые находили Баварию более спокойной, в отличие от Берлина, наполненного левой прессой и полицией»³. Вполне закономерным в этой связи выглядит и то, что первый съезд русских монархистов состоялся в баварском городе Рейхенгалль в 1921 г.

Нужно сказать, что многие русские эмигранты выбрали местом своего пребывания за границей Францию и ее столицу — Париж. «Русский Париж» отличался высокой интенсивностью общественной и культурной жизни. Тем не менее, монархистов во Франции было немного и они мало влияли на интеллектуальную жизнь русского сообщества. Показательно, что большинство издаваемых в Париже периодических газет и журналов русской эмиграции имели либеральную направленность: например, одна из двух ежедневных газет «Последние новости», издаваемая П. Н. Милюковым (вторая была националистической направленности), выходил «толстый» журнал «Дни» (под редакцией А. Ф. Керенского)⁴. Всё это указывает на незначительное влияние монархистов в эмигрантских кругах Франции.

Несмотря на это, эмигранты-монархисты во Франции и Париже отличались высокой активностью и сплоченностью. Одним из наиболее важных центров притяжения монархически настроенных эмигрантов был Александро-Невский кафедральный храм, впоследствии ставший кафедральным собором. С этим местом

связано начало деятельности митрополита Евлогия (Георгиевского) за границей, формирование русской общины, состоящей преимущественно из людей, сохранивших приверженность монархическим взглядам. Среди русских эмигрантов, так или иначе участвовавших в жизни общины и храма, можно назвать великого князя Кирилла Владимировича, Е. А. Ефимовского, П. В. Гендрикова, Н. М. Зернова, А. Н. Крупенского, Н. А. Лохвицкого, В. А. Маклакова, А. М. Масленникова, Н. Д. Тальберга, А. Ф. Трепова, В. Н. Коковцова и мн. др. Как отмечает Н. Г. Росс, митрополит Евлогий, не будучи настоятелем, находился в центре церковной жизни Александро-Невской церкви, связанной, в том числе, и с распространением монархических книг, периодической литературы, сбором пожертвований, проведением собраний. Собор «стал местом главных церковных, военных, официальных и семейных торжеств эмиграции. В храме отпевали известных политических деятелей, писателей, артистов, видных военачальников»⁵. Значимыми событиями в жизни храма и общины стали Рейхенгалльский съезд монархистов, собор в Сремских Карловцах, а также учреждение «Романовских дней», в которые происходило поминовение убитых членов императорской фамилии.

Необходимо отметить, что деятельность политических организаций русской эмиграции сразу же оказалась предметом пристального внимания со стороны советских спецслужб, прежде всего ГПУ. Как отмечает Л. П. Колодникова, уже в начале 1922 г. ГПУ сообщало о следующих двух тенденциях: если работа монархистов внутри страны «практически ничтожна» и сосредоточивается главным образом на присланных из-за границы прокламациях, литературе, листовках и письмах с воззваниями контрреволюционного и монархического характера, то заграничная деятельность русских монархических группировок и организаций серьезно оживилась⁶.

При анализе организаций эмигрантов-монархистов в рассматриваемый период можно говорить о «Берлинской группе» и «Парижской партии». Представители «Берлинской группы» (Н. Е. Марков) ставили восстановление монархии в России в зависимость от торжества монархических идей в Германии, тесно взаимодействовали с немецкими монархистами и, следовательно, допускали пересмотр Версальского договора. «Парижская

партия» (А. Ф. Трепов) связывала свои чаяния с Францией и даже с Америкой. Несмотря на последующие попытки объединения русского монархического движения, его консолидация оказалась недостижима.

Следует отметить, что если дореволюционный монархизм связан главным образом с черносотенным движением и такими организациями, как «Русское собрание», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», то в эмиграции идея монархизма вышла за пределы круга преемников черносотенства и оказалась воспринята многими представителями эмиграции, не относившими себя к черносотенцам. Н. В. Антоненко отмечает, что «пестрый социально-политический состав естественным образом обуславливал дифференциацию русского зарубежного монархизма и, как следствие, — множественность идеологических доктрин среди разных направлений монархической мысли»⁷. Разнообразие социального состава русского эмигрантского монархизма во многом определило не только различие взглядов и политических пристрастий, но и позволило расширить монархический дискурс в эмигрантской среде, что нашло отражение в периодических изданиях, публиковавшихся эмигрантами-монархистами.

Интеллектуальная жизнь русского монархического зарубежья получила выражение в многочисленных изданиях работ, в которых поднимались вопросы, связанные с новым идеологическим обоснованием монархических воззрений. Среди них особого внимания заслуживают труды И. А. Ильина «О монархии и республике», П. Б. Струве «Дневник политика (1925—1935)», В. В. Шульгина «Дни. 1920. Записки», И. Л. Солоневича «Белая Империя»⁸.

Основным периодическим изданием русских монархистов в эмиграции стал журнал «Двуглавый Орел» (издавался в 1920—1922 гг. (Берлин) и в 1926—1931 гг. (Париж)). Внимание издания было сосредоточено на деятельности монархических организаций, особо подробно в нем освещалась работа двух съездов легитимистского толка: «Съезда для обсуждения восстановления России» — I монархического съезда (Рейхенгалль, 1921 г.) и Русского заграничного православного собора (Сремски-Карловцы, 1921 г.).

После образования Высшего монархического совета (ВМС), состоявшегося на I монархическом съезде, стало выходить еженедельное издание «Высший монархический совет», на страницах

которого обсуждались вопросы устройства России, а также организационные проблемы русского монархического движения.

В Баварии, одном из центров русского зарубежного монархизма, выходил журнал «Луч света» (1919—1926), там же издавался «Вестник Русского монархического объединения в Баварии» («Вестник русского легитимизма»). Следует отметить, что такие издания, как «Двуглавый Орел», «Луч света», выпускались издательством «Союз верных», связанным с издателем «Крейц-Цайтунг», Мюллером фон Гаузенем, известным своими антиеврейскими настроениями⁹.

Кроме того, к числу монархических изданий можно отнести газеты «Грядущая Россия» (под ред. Е. А. Ефимовского), «Возрождение» (П. Б. Струве), «Царский вестник» (под ред. Н. П. Рклицкого), «Россия и славянство», «Луч», журналы «Русский колокол» (изд. И. А. Ильин), «Часовой» (изд. РОВС).

Многие издания выходили в свет со значительными перерывами, что было связано главным образом с финансовыми трудностями обществ эмигрантов-монархистов. Тем не менее можно утверждать, что монархическая периодика рассматриваемого времени представляет собой значительное явление культурной жизни русских монархистов за рубежом. В основном газеты и журналы монархической направленности издавались в Германии, Чехословакии и Югославии, что связано было, конечно же, с тем, что большинство эмигрантов-монархистов осели в этих странах.

Необходимо отметить и широту взглядов, выражаемых на страницах перечисленных периодических изданий. Позиции монархистов всё более отклонялись от утверждения идеи самодержавной монархии, что характерно для дореволюционного черносотенства, в сторону признания различных вариантов конституционного ограничения монархии. Как отмечали сами монархисты, «в каком виде должна быть восстановлена монархия, в какой мере должны быть привлечены к управлению народные представители, в каком объеме необходимы реформы, это подробности, о которых могут существовать разные мнения»¹⁰.

Одним из основных лейтмотивов идейных течений эмигрантов-монархистов была ностальгия по потерянному Отечеству и своему социальному положению. Данное обстоятельство не скрылось от советских исследователей. Например, Г. З. Иоффе

отмечал, что постепенно под влиянием воспоминаний о прошлой жизни «монархия окружалась новым ореолом»¹¹. Представляется возможным согласиться с советским исследователем, память о прошедших событиях стала одним из основных факторов своего рода ренессанса монархизма, его достаточно высокой популярности в эмигрантских кругах, особенно в начале 1920-х гг.

Многие монархисты не видели альтернативы самодержавной монархии. Так, И. В. Солоневич указывал на монархическую власть в России «как власть, основанную на религиозно-нравственных началах, стоящую над партиями, классами и народами страны, бесспорную по праву наследования и бесспорно выражающую тысячелетнюю волю народа»¹². Многие крайние монархисты примыкали к Н. Е. Маркову, пополняя ряды ВМС, выступая тем самым своего рода преемниками дореволюционно-го черносотенства.

Вообще И. Л. Солоневичу была свойственна высокая публицистическая активность, направленная на распространение идей народной монархии, опирающейся не на помещиков и буржуазию, а на русское крестьянство. Образцом этого государственного устройства он считал московский период российской истории¹³.

В противоположность И. Л. Солоневичу, И. А. Ильин занимал более умеренную позицию. Он отстаивал саму идею монархии как наиболее оптимальной формы правления, связанной с коренными потребностями общества в справедливом управлении¹⁴. Ильин вынужден был признать, что самодержавная монархия в России утратила способность соответствовать интересам общества.

При этом И. А. Ильин определял пять условий восстановления монархии в России: должны назреть в самом народе внутренние — политические, нравственные и религиозные — тяготения; должен сложиться кадровый пул идейных монархистов; должна разложиться или просто рухнуть революционная или, соответственно, республиканская власть в стране; должна быть морально, политически и стратегически подготовлена международная конъюнктура; должна сложиться и окрепнуть вера в данную династию¹⁵. Мыслитель указывал и на то, что восстановление монархии не обязательно означает воцарение кого-либо из Романовых, он допускал утверждение на российском троне

и другой династии. В целом можно сказать, что в своих теоретических построениях И. А. Ильин был близок к легитимистской идеологии.

Как уже указывалось, идейно-теоретические основы взглядов эмигрантов-монархистов были сформированы довольно узким кругом лиц. Ведущие позиции заняли такие мыслители-консерваторы, как И. А. Ильин, П. Б. Струве, И. Л. Солоневич, В. В. Шульгин. Никого из них нельзя однозначно отнести к числу видных деятелей черносотенного движения. Тем не менее интерпретация ими идей монархии оказывалась в наибольшей степени воспринята русскими эмигрантами.

На страницах монархической периодики поднимались различные вопросы, связанные с обсуждением монархической идеи, главным образом, в ракурсе перспектив государственного устройства России, но постепенно данная проблематика уходила на второй план под влиянием событий в русской монархической эмигрантской среде.

Так, уже в 1922 г. берлинская резидентура ИНО ОГПУ сообщала, что «в настоящее время среди русской эмиграции наблюдается широкое распространение монархической идеи. Оно определяется психологическими чертами самой эмиграции. За редким исключением — все это люди или боровшиеся против соввласти, или пострадавшие во время социальной революции, то есть потерявшие положение, имущество, родных, а теперь и родину»¹⁶. В том же сообщении отмечалось, что ввиду разнообразия взглядов среди монархистов-эмигрантов, а также потому, что «сама идеология монархии у монархистов еще не вполне выкристаллизовалась в деталях, а монархические мысли разнотносятся к основным целям движения, как, например, пути и способы восстановления монархии в России и природа будущего монархического строя»¹⁷, «надо рассматривать монархическое движение в определенном систематическом порядке»¹⁸.

В августе 1922 г. Русский монархический совет опубликовал сообщение об Обращении великого князя Кирилла Владимировича к Русскому народу и Русскому воинству. В Обращении он брал на себя обязательства по руководству русскими людьми в изгнании до тех пор, пока в России не восстановится монархия и престол не вернется в руки Николая II. Обратимся

к этому историческому документу. В первую очередь важно отметить, что, несмотря на свой статус главы монархической эмиграции, Кирилл Владимирович отмечал непоколебимое превосходство Николая II: «Мы уповаем на то, что жив государь Николай Александрович и что весть о его убиении распространена теми, для коих его спасение было угрозою. Не может наше сердце отказаться от надежды на то, что вернется он, пресветлый, к престолу своему»¹⁹.

Говоря о той миссии, которая легла на его плечи, князь писал: «До того же времени, когда, изволением господним и на счастье возрожденной Родины нашей, законный государь возьмет нас под благодатную десницу свою, русские люди не могут оставаться более без возглавителя их трудов, ко спасению Родины направленных»²⁰.

Римская резидентура иностранного отдела ОГПУ следующим образом комментировала реакцию в стане монархистов-эмигрантов на обращение князя Кирилла Владимировича: «...нужно сказать, что его [князя Кирилла Владимировича] недавнее обращение к русским людям вызвало негодование среди монархистов-николаевцев»²¹. Под «николаевцами», разумеется, имелись в виду сторонники князя Николая Николаевича — основного соперника Кирилла Владимировича. Итак, в право монархической эмиграции к 1922 г. назрел явный раскол.

Как отмечают российские исследователи А. А. Корнилов и К. А. Лушина, «настроения и разногласия в монархическом лагере русской эмиграции привели к тому, что в 1922 г. лидеры монархических общественных структур приняли Устав Русского монархического объединения, в котором сообщалось, что “все течения русской монархической мысли должны тесно сплотиться для совместной работы, направленной к общей великой цели”»²². Этот факт, безусловно, свидетельствует о том, что уже в 1922 г. в стане монархистов назрели серьезные противоречия, которые требовали немедленного организационно-административного вмешательства.

Организационные мероприятия достигли временного эффекта. Как указывалось в сообщении иностранного отдела ГПУ о ходе переговоров по объединению различных эмигрантских группировок в Париже и по другим вопросам, «к настоящему

времени достигнуто соглашение между конституционными монархистами и другими Парижскими группами, как то: “Союзом возрождения”, “Национальным объединением” и торгово-промышленными группами»²³.

Идеологические разногласия вели к размыванию и без того нестабильного спектра монархических организаций. Как показало будущее, призывы лидеров движения так и не были услышаны: дробление внутри монархического лагеря продолжилось.

В письме председателя ВМС Н. Е. Маркова генералу А. М. Драгомирову от 9/22 июня 1924 г. № 308 сообщалось, что указание, выраженное в разъяснении генерала Драгомирова о том, что ВМС сочувствуют далеко не все монархические организации и которые поэтому являются узкопартийными, не соответствует действительности. «Такое указание неправильно, ибо в действительности возглавляемое Высшим монархическим советом Монархическое объединение, включая в себя все течения и большинство группировок русского монархического движения, является отнюдь не узкопартийным, а широконациональным русским движением, тесно и плотно связанным с монархистами в России и на Дальнем Востоке. Единственный крупный Монархический союз, не идущий с Высшим монархическим советом, — это Союз монархистов-легитимистов, но этот Союз в вопросе об отношении к “аполитичности” офицеров стоит еще на более определенной позиции, нежели Высший монархический совет»²⁴.

В 1924 г. произошел раскол между Высшим монархическим советом, возглавляемым Н. Е. Марковым, и организацией конституционных монархистов «Союза освобождения» во главе с Н. Н. Шебеко (председатель)²⁵.

В мае 1924 г. римская резидентура иностранного отдела ОГПУ сообщала по поводу разногласий, возникших в стане монархистов: «Первая неделя текущего месяца обозначилась значительным оживлением во всех русских монархических кругах. Монархический мир разбит как бы на два лагеря, сконцентрированных около имени великого князя Николая Николаевича, с одной стороны, и великого князя Кирилла Владимировича — с другой. Движение, возглавляемое великим князем Кириллом, расходится с николаевцами не только в тактических приемах, но и в различном понимании общей цели восстановления российского престола»²⁶. В чем же заключались эти разногласия?

Обратимся к вопросу о духовно-политическом лидерстве в монархическом движении в эмиграции. Следует отметить, что за рубежом в этом вопросе наступили серьезные перемены. Если до революции черносотенцы, словно позабыв о самом государе, делили власть между собой, то в эмиграции серьезным испытанием для единства монархистов-черносотенцев стал вопрос о выборе престолонаследника Российского самодержца, особенно после новостей из России о расстреле царской семьи. Основными претендентами выступали великий князь Николай Николаевич и великий князь Кирилл Владимирович. Николай Николаевич, как бывший Верховный главнокомандующий, обладал большим весом в глазах военных кругов эмигрантских общин и, кроме того, был довольно харизматичной личностью. Но Кирилл Владимирович обладал большим династическим старшинством, что дало ему основания в 1922 г. объявить себя блюстителем престола России, а спустя два года и Императором Всероссийским. На этой почве в Высшем монархическом совете возникли серьезные разногласия, закончившиеся отставкой Н. Е. Маркова, поддержавшего после смерти Николая Николаевича великого князя Кирилла Владимировича. После этого Совет возглавил А. Н. Крупенский²⁷ — бывший член «Союза русского народа».

Из донесений агентуры ИНО ОГПУ можно почерпнуть крайне важные сведения о тех различиях, которые существовали между двумя лагерями монархистов, поддерживавших того или иного великого князя. Так, если у Николая Николаевича была поддержка со стороны аристократии, бывших сановников и крупных деятелей старого режима, генералов и офицеров, то у Кирилла Владимировича состав был «исключительно демократический, без громких имен в прошлом, без большого влияния и положения в настоящем»²⁸. Докладывала агентура и о существенных различиях в идеологии обоих течений. Так, если «партия» Николая Николаевича считала, что «спасти Россию может лишь монархия с царем, избранным всем народом “по сердцу”, который вернет России могущество, порядок и богатство, а всем потерпевшим свои состояния — вернет всё потерянное»²⁹, то «идеология легитимистов основана на предположении, что государство будет доведено Советской властью до обнищания и оскуднения. Тогда, после переворота, произведенного внутренними

силами русского народа, должна прийти монархия в лице законного наследника на русский престол согласно основным законам Русской империи»³⁰. При этом, согласно легитимистам, «новая монархия должна быть широко демократической, опираться на народ и вести Россию по ее культурным самобытным путям»³¹.

Также необходимо сказать о том, как представители этих разных монархических лагерей видели возможность восстановления монархии. Если сторонники Николая Николаевича рассматривали главным образом на иностранную вооруженную интервенцию, то последователи Кирилла Владимировича в значительно большей степени были склонны допустить то, что сама Россия под влиянием внутренних процессов призовет монарха.

При всем этом в программатике обоих претендентов можно найти элементы следования идейным построениям ведущих мыслителей монархистов русского зарубежья. Например, Николай Николаевич и его сторонники в своем утверждении о соответствии монархии интересам народа корреспондировали воззрениям И. Л. Солоневича о «народной монархии». Так, в письме императрице Марии Федоровне сам Николай Николаевич указывал на то, что вопрос о государственном устройстве России должен решаться в соответствии «с чаяниями русского народа»³².

С другой стороны, Кирилл Владимирович и его сторонники в своих программах и воззрениях скорее адресовывались к идеям И. А. Ильина о необходимости вызревания в самой России потребности в восстановлении монархии и ее соответствии новому постреволюционному укладу российской жизни, его институтам. Среди последних Кирилл Владимирович допускал сохранение и системы советов, правда, с той оговоркой, что всю систему власти будет венчать монарх³³.

Таким образом, в среде эмигрантов-монархистов сформировалось два политических течения. Д. Д. Богоявленский определяет их как легитимистов (сторонников великого князя Кирилла Владимировича) и сторонников «вождя национального движения великого князя Николая Николаевича». При этом деление внутри приверженцев Высшего монархического совета усугублялось и дальнейшим разделением их на германофилов (лидер Н. Е. Марков) и франкофилов (ориентированных на Антанту). Как указывает исследователь, сторонники Высшего монархического совета

«...в отличие от легитимистов, не столь зависели от своего “верховного” вождя и проявляли внимание к общественному мнению»³⁴. По мнению Н. В. Антоненко, «по большому счету, легитимисты являлись самой мощной и организованной политической силой в структуре монархического зарубежья»³⁵. Наступивший в 1922 г. раскол в монархической среде свидетельствовал о глубоком кризисе всего монархического движения, которое, даже в столь ответственный исторический период, не смогло найти в себе сил для консолидации и объединения ради достижения поставленных целей.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Перегудова З. И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. Последние дни императорской власти. М., 2012. С. 315.
- ² Донесение резидента Особого отдела ВЧК из Финляндии о расстановке политических сил и деятельности антибольшевистских организаций в стране, 20 апреля 1920 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. : док. и материалы : в 3 т. Гея, 1998. Т. 1, кн. 1. С. 74.
- ³ *Сабенникова И. В.* Русская эмиграция как социокультурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 177.
- ⁴ Там же. С. 179.
- ⁵ *Росс Н. Г.* Русская церковь в Париже : Александро-Невский кафедральный храм, 1918—1939 гг. Эпине-су-Сенар, 2015. С. 11.
- ⁶ *Колодникова Л. П.* Документы информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х гг. русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 2. С. 250.
- ⁷ *Антоненко Н. В.* Идеология и программа монархического движения русской эмиграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 4.
- ⁸ *Ильин И. А.* О монархии и республике // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4 ; *Солоневич И. Л.* Белая Империя. М., 1997 ; *Струве П. Б.* Дневник политика (1925—1935). М. ; Париж, 2004 ; *Шульгин В. В.* Дни, 1920 : записки. М., 1989.
- ⁹ Сводка донесений особого отдела ВЧК о деятельности антисоветских военно-эмигрантских организаций в Европе, 23 сентября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. Т. 1, кн. 1. С. 162.
- ¹⁰ *Крупенский А.* О задачах Съезда // Двуглавый орел. 1921. Вып. 10. 15 (28) июня. С. 19.

- ¹¹ *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 275.
- ¹² *Солоневич И. Л.* Проект общемонархической программы // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 155.
- ¹³ См., напр.: *Солоневич И. Л.* Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12; *Солоневич И. Л.* Диктатура импотентов // Солоневич И. Л. Наша страна, XX век. М., 2001; *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 2003.
- ¹⁴ *Ильин И. А.* О монархии и республике.
- ¹⁵ *Ильин И. А.* Трагедия династий без трона // Собр. соч. : Т. 2, кн. 1.
- ¹⁶ Донесение берлинской резидентуры иностранного отдела ОГПУ с анализом состояния монархических партий и групп эмиграции // Русская военная эмиграция 20—40-х гг., XX в. М., 2010. Т. 5 : Раскол, 1924—1925. С. 131.
- ¹⁷ Там же. С. 132.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Сообщение об обращении великого князя Кирилла Владимировича к Русскому народу и Русскому воинству, 6/19 августа 1922 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. : док. и материалы. Т. 1, кн. 2. С. 309.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Сообщение римской резидентуры иностранного отдела ОГПУ о деятельности русских монархистов в Париже. Рим, 15 мая 1924 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х гг., XX в. Т. 5. С. 46.
- ²² *Корнилов А. А., Лушина К. А.* Русские общественно-политические организации Парижа в 1920-е гг.: объединительные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 222.
- ²³ Сообщение иностранного отдела ГПУ о ходе переговоров по объединению различных эмигрантских группировок в Париже и по другим вопросам // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. : док. и материалы. Т. 2. С. 377.
- ²⁴ Письмо председателя Высшего монархического совета Н. Е. Маркова генералу А. М. Драгомирову о характере русского монархического движения за границей // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. : док. и материалы. Т. 4 : У истоков «Русского общевоинского союза» 1924 г. С. 124.
- ²⁵ Письмо генерала П. Н. Шатилова генералу П. А. Кусонскому с информацией о политических событиях среди русской военной эмиграции. Не позднее мая 1924 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х гг. : док. и материалы. Т. 4. С. 462.

- ²⁶ Сообщение римской резидентуры... С. 44.
- ²⁷ *Степанов С. А.* Черная сотня : что они сделали для величия России? М., 2013. С. 603.
- ²⁸ Донесение берлинской резидентуры... С. 136.
- ²⁹ Там же. С. 134.
- ³⁰ Там же. С. 138.
- ³¹ Там же. С. 139.
- ³² Подробнее см.: *Антоненко Н. В.* Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2007. С. 76.
- ³³ *Снесарев Н.* Кирилл Первый император... Кобургский. Берлин, 1925. С. 19.
- ³⁴ *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в «Союзе русского народа». М., 2012. С. 211.
- ³⁵ *Антоненко Н. В.* Идеология и программатика русской монархической эмиграции. С. 13.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(4Пол)64-283.2

И. С. Борзова

РАЗВИТИЕ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША: ПУТЬ ПОЛЬСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Изучая феномен политической оппозиции, анализируя политическую борьбу современных оппозиционных интеллектуалов в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в., современные исследователи сходятся во мнении, что в каждой отдельно взятой стране существует свой вариант взаимоотношений власти и оппозиции: от напряженного противостояния до вооруженных выступлений, от парламентских споров до позиционной борьбы — это зависит от конкретных исторических условий, типа политического режима, политической системы и конкретных субъектов власти и оппозиции¹.

© Борзова И. С., 2015

Борзова Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. irafor@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

Польша — одна из тех стран Восточной Европы, которая не только успешно выстраивает свою модель взаимодействия власти и оппозиции, но и активно транслирует данную модель политической борьбы в другие близлежащие страны, пытаясь позиционировать себя как своеобразного носителя стандартов демократизации в регионе.

В Польше за последние несколько десятилетий сформировался современный демократический режим, при котором оппозиция имеет возможность активно принимать участие в принятии внутри и внешнеполитических решений. Каким же образом протекает политическая борьба оппозиционных интеллектуалов в современной Польше?

Изучая деятельность оппозиции в Польше, особое внимание необходимо уделить периоду конца 1980-х гг., которые ознаменовались созданием оппозиционного профсоюза «Солидарность». Ведь именно профсоюзное движение «Солидарность» стало главным проводником демократии в рамках существовавшего коммунистического режима в Польской Народной Республике. Ситуация, сложившаяся в Польше на рубеже XX — начала XXI в., является показательной, поскольку здесь движение народного сопротивления превратилось в организованную оппозиционную силу и смогло в корне изменить весь ход польской истории².

Формирование демократической оппозиции в Польше в целом можно отнести к периоду 1970-х гг., когда в республике начала оформляться группа интеллектуалов, не согласных с действиями режима и желающих перемен в различных сферах жизни общества. Оппозиционное движение в Польской Народной Республике смогло появиться, в том числе, и потому, что в области науки и культуры режим был более либеральным, открывая полякам двери в мир западной культуры.

Идеологическую базу для польской оппозиции помогла сформировать польская эмиграция (например, представители польского Литературного института в Париже). «Именно здесь... группой хорошо законспирированных интеллектуалов (так называемое Польское независимое соглашение, созданное З. Найдером) была сформулирована самая первая по времени целостная концепция борьбы против существовавшего в Польской Народной Республике строя»³.

Деятельность научной и художественной интеллигенции привела к созданию в конце 1980-х гг. Общества научных курсов, которое дало возможность тысячам поляков посещать открытые лекции и семинары, проводившиеся, как правило, в костелах.

Важным событием на пути формирования гражданского самосознания в независимой Польше стали визиты папы римского Иоанна Павла II, поляка по происхождению, «который в своих проповедях недвусмысленно поддержал всех тех, кто выступал против командно-административной системы... Посещение папой Польши дало миллионам поляков возможность пережить ощущение единения и силы, усилить чувство солидарности, уверенности и независимости общества»⁴.

Начало 1980-х гг. ознаменовалось серьезным экономическим и политическим кризисом в Польской Народной Республике. Коммунистический режим был не в состоянии решить те проблемы, с которыми сталкивалась страна. 1980-е гг. отмечены ухудшением уровня жизни: более 60 % населения проживало за чертой бедности. Долг Польши к концу 1980-х гг. перед различными банками и правительствами зарубежных стран составил 42,3 млн долларов⁵. Фактически в экономическом плане государство было на грани банкротства. Всё это повлекло за собой многочисленные волны забастовок из-за повышения цен и ухудшения уровня жизни.

В стране постепенно началось оформление забастовочных комитетов рабочих в единую монолитную силу — независимый и самоуправляемый профессиональный союз «Солидарность». «Солидарность» объединила в себе черты оппозиционной организации и выразителя интересов польского общества.

В этих условиях назначение Войцеха Ярузельского в феврале 1981 г. на пост главы правительства в целом было положительно воспринято в обществе. Позже, в октябре 1981 г. генерал Ярузельский был избран первым секретарем ЦК.

Первый организационный съезд «Солидарности» прошел в сентябре 1981 г. в Гданьске. На съезде была принята программа, во главу угла которой поставлено строительство солидарного общества и самоуправляющейся Речи Посполитой. Председателем союза «Солидарность» был избран Лех Валенса.

В условиях нарастающей конфронтации «Солидарность» выдвинула требование о необходимости провести референдум, на котором должен был быть решен вопрос о руководящей роли коммунистической партии и линии дальнейших отношений между Польской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. Этот шаг привел к апогею конфронтации оппозиции и власти.

В стране было введено военное положение, и власть перешла к Военному совету национального спасения и лично к генералу Ярузельскому с 13 декабря 1981 г. Активисты «Солидарности» стали преследоваться властями, и им не оставалось ничего другого, как действовать в подполье⁶. Вскоре «Солидарности» пришлось заявить о готовности к диалогу с властями. 22 июля 1983 г. в стране было отменено военное положение, политические заключенные были амнистированы, что позволило в конечном итоге начать системный диалог оппозиции с властью. Согласно планам, разработанным реформистским крылом Польской объединенной рабочей партии, предполагался переход к парламентской демократии и введение политического плюрализма.

Послабления власти привели не только к выходу различных оппозиционных групп из подполья, но и к завершению подпольной работы «Солидарности» в целом. В своем докладе М. Раковский так пишет о польской оппозиции тех лет: «В сравнении со второй половиной 1970-х гг. нынешняя оппозиция количественно и качественно более сильна... Сейчас главной целью оппозиции является получение законной гарантии своего существования и деятельности... Фактически мы уже признали оппозицию в качестве постоянного элемента на политической карте страны»⁷.

Переговоры оппозиции с властью проводились в Польше в формате «круглого стола». Исторические для судьбы всей польской нации переговоры проходили с 6 февраля по 5 апреля 1989 г. Соглашаясь на переговоры за «круглым столом», оппозиционные интеллектуалы принимали во внимание и внешние условия (Польша как часть советской сферы влияния), и внутренние условия (реальная власть коммунистов, слабость оппозиционных структур, вынужденных находиться в подполье, неконтролируемая забастовочная ситуация)⁸.

В переговорах участвовали 56 человек, из них 14 представителей коалиции от правящей партии, 20 представителей оппозиции. Торжественная церемония открытия переговоров транслировалась по радио и телевидению. Лех Валенса, представлявший основные программные идеи оппозиции, высказывался за глубокие реформы в экономике, а также за легализацию деятельности профсоюза «Солидарность», независимость судов, введение местного самоуправления, свободу средств массовой информации, свободу объединений в Польше. Именно реформы в политической сфере стали наиболее значительным достижением данных переговоров.

В вопросе о принципах проведения выборов в Сейм и Сенат представители оппозиции согласились на компромиссное разделение мест: оппозиция могла претендовать на 35 % свободных мест в парламенте, при сохранении 65 % мест за Польской объединенной рабочей партией и ее союзниками⁹.

Дискуссионным был вопрос о введении поста президента в Польше. Главным гарантом и идеологом сохранения власти коммунистов являлся В. Ярузельский. Такой вариант политического устройства страны был неприемлем для представителей «Солидарности». Участникам переговоров пришлось отказаться от идеи всеобщих выборов президента в пользу решения о выборе президента обеими палатами польского парламента.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что данные договоренности были достигнуты на 4 года, после чего планировалось, что выборы в парламент станут полностью свободными. Основным результатом переговоров можно считать то, что они положили начало демократизации всей политической жизни страны. Польша первой в Восточной Европе продемонстрировала образец массовой политической мобилизации, которая привела к смене государственной власти и общественного строя.

При анализе состояния развития польской оппозиции тех лет необходимо отметить ее неоднородность: часть представителей оппозиционных сил выразили явное несогласие с решениями, принятыми в ходе переговоров «круглого стола». Как вспоминает в своем интервью известный польский политик-оппозиционер Кароль Модзелевский, «мы были убеждены, что это ужасный тупик, что нам придется взять на себя ответственность

за экономическую катастрофу, в которой не было нашей вины. Короче говоря, что мы окажемся в золотой клетке. Однако, с другой стороны, мы отдавали себе отчет в том, что такова цена согласия на повторную легализацию «Солидарности»¹⁰.

В марте 1989 г. был созван Конгресс антисистемной оппозиции, куда съехались представители Конфедерации независимой Польши, «Борющейся Солидарности», движения «Свобода и мир». Представители этих оппозиционных сил утверждали, что именно они являются носителями истинных идеалов «Солидарности», а умеренный курс Леха Валенсы ими оценивался как сошлащательский.

4 июня 1989 г. впервые за более чем 60 лет в Польше состоялись свободные (относительно) парламентские выборы. 100 % мест, на которые могла претендовать оппозиция, были заняты представителями «Солидарности».

Практически сразу же после парламентских выборов 19 июня 1989 г. состоялись выборы президента Польской Народной Республики. Им стал Войцех Ярузельский, который, используя формулу оппозиции «ваш президент — наш премьер», назначил на пост премьер-министра представителя «Солидарности» Тадеуша Мазовецкого.

29 декабря 1989 г. Сейм внес ряд поправок в конституцию страны, согласно которым государство стало именоваться Республика Польша, был закреплён принцип свободного формирования политических партий, а также право на частную собственность и свобода предпринимательской деятельности.

Как закономерный итог — в январе 1990 г. прекратила свою деятельность Польская объединённая рабочая партия, а в конце 1990 г. состоялись первые свободные выборы президента, на которых активно выступила оппозиция, и победу одержал лидер «Солидарности» Лех Валенса.

В октябре 1992 г. польскими властями был принят документ, сыгравший важную роль в развитии польского конституционализма. Это так называемая Малая конституция, в соответствии с которой позиция правительства по отношению к президенту и парламенту была усилена. Так, например, президент мог отстранить министров от должности только по запросу премьер-министра и не мог отстранить всё правительство в целом.

Такого рода изменения способствовали институционализации ветвей власти в стране и установлению смешанной парламентско-президентской системы.

Успех в политическом развитии Польши в 1990-е гг., который позволил ей в итоге стать полноправным членом «европейской семьи», связан, во-первых, с переходом власти от коммунистической партии к демократической оппозиции; во-вторых, с экономическими реформами, начатыми в 1990 г. министром финансов Лежком Бальцеровичем.

Так называемый «план Бальцеровича» основывался на «шоковой терапии», которая была призвана прекратить гиперинфляцию. Этот комплекс социально-экономических реформ заложил основу для мощнейшего экономического роста всего региона Восточной Европы¹¹. План Бальцеровича позволил сохранить управляемость экономики, избежать ее криминализации и нивелировать последствия радикальных реформ, хотя полностью избежать негативных последствий не удалось. Особенно это проявилось на начальном этапе существования Республики Польша в 1990—1993 гг., когда распалась система социальных гарантий и значительно снизился жизненный уровень населения. Позднее польская экономика вступила в полосу стабилизации: за несколько лет был существенно развит сектор частного предпринимательства, что обеспечило занятость для 1,5 млн человек.

К середине 1990-х гг. в Польше сложилась стабильная многопартийная система, произошло ее упорядочение и в целом — консолидация политических сил в стране с явным разграничением на левые и правые политические силы.

Анализируя программы современных польских политических партий, можно условно разделить их на антикоммунистические, посткоммунистические и так называемые «новые политические партии»¹².

Партии *антикоммунистической направленности* в основном берут свое начало от движений, близких к «Солидарности», или возникли после ее раскола — это соглашение «Центр», Демократический союз, Союз реальной политики, Конфедерация независимой Польши, партия «Право и справедливость».

К *посткоммунистическим партиям* можно отнести Социал-демократию Польской Республики, Демократическую партию,

Союз демократических левых сил и другие объединения, идеология которых близка к идеологии Польской объединенной рабочей партии.

Что касается *новых политических партий*, то тенденция их появления может быть объяснена интернационализацией политического процесса внутри страны и участием в партийной конкуренции новых сетевых игроков (речь идет о Самообороне, Гражданской платформе, Лиге польских семей).

Важным этапом в политической жизни страны являются президентские выборы 2000 г. Позиции действующего на тот момент президента Александра Квасьневского были очень сильны, что позволило властям в целом спокойно провести избирательную кампанию. Квасьневский одержал уверенную победу над другими кандидатами (Кшаклевским, Олевским), набрав 54,5 % голосов. Лех Валенса, тоже принимавший участие в выборах, набрал менее 1 % голосов¹³.

Предвыборная кампания президентских выборов 2000 г. плавно перетекла в кампанию парламентских выборов 2001 г., в ходе которой сформировалось несколько новых оппозиционных движений.

В этот период оформилось новое политическое образование — Гражданская платформа, которая составила конкуренцию Союзу свободы, объединявшему лидеров прежней оппозиции. Гражданская платформа возникла в 2001 г. под руководством Дональда Туска. Ее лидеры ставили во главу угла проевропейские и рыночные ценности, призывая к развитию малого и среднего предпринимательства и скорейшей интеграции в европейское пространство.

Правоцентристы, объединив усилия, создали партию «Право и справедливость», лидерство в которой принадлежало братьям-близнецам — Леху и Ярославу Качинским. Партию «Право и справедливость» можно отнести к партиям антикоммунистической консервативной направленности, выступающим за сохранение польской национальной самобытности и создание сильного национального государства.

Гражданскую платформу и партию «Право и справедливость» объединяют общие корни, стремление к власти и антикоммунистическая направленность. Разделяет их, в первую очередь,

отношение к прошлому. Для «Права и справедливости» история — один из самых существенных элементов программы. Польские интеллектуалы, сторонники «Права и справедливости», придерживаются того, что именно история должна подпитывать общественное самосознание и быть орудием внешней политики. Между тем, в программе Гражданской платформы ссылки на историю отсутствуют, и в целом программа этой партии устремлена в будущее. Наконец, у них различное отношение к государству и его роли в жизни общества. «Право и справедливость» взяла на вооружение оставленный Союзом демократических левых сил лозунг государственного интервенционизма, в то время как электорат Гражданской платформы ожидает ограничения полномочий государства и снижения налогов¹⁴.

На парламентских выборах 2001 г. активно проявил себя левоцентристский блок, который вывел на политическую арену Союз демократических левых сил. Правящие до этого Избирательная акция «Солидарность» и Союз свободы даже не преодолели необходимый для членства в парламенте барьер.

Польский сейм созыва 2001 г. ознаменовался появлением в нем радикальной оппозиции — это крайне правая Лига польских семей и крайне левая «Самооборона». В целом явка избирателей была невысокой — всего 46 %. Жители крупных городов и люди с высшим образованием традиционно проявили наибольшую активность.

Партия «Самооборона» относится к левым оппозиционным партиям, занимая крайнее положение в этом спектре. «Самооборона» выступает резко против евроинтеграции, слепое следование которой, по мнению евроскептиков «Самообороны», приведет к потере национальной идентичности.

Столь убедительная победа левых связывалась, прежде всего, с последствиями поражения на президентских выборах 2000 г. правых, когда они фактически перессорились между собой. Польские аналитики подчеркивали, что объективным союзником левых была экономическая и политическая ситуация: замедление темпов экономического роста, бюджетный дефицит, приведший к серьезному финансовому кризису, высокий уровень безработицы, несовершенство реформы здравоохранения, многочисленные забастовки¹⁵.

Следующим этапом противостояния власти и оппозиции стали парламентские выборы 2005 г. Активность избирателей была низкой как никогда — на выборы пришло только 40 % избирателей. Лидерами на этот раз стали находящиеся ранее в оппозиции «Право и справедливость», Гражданская платформа, «Самооборона». В аутсайдерах оказался Союз демократических левых сил.

Выборы 2005 г. поменяли расстановку политических сил в стране, и на смену левым пришли правые партии. Правым кандидатам пришлось уже вскоре бороться между собой на президентских выборах, которые состоялись в октябре 2005 г. Во втором туре основная борьба развернулась между лидером «Права и справедливости» Лехом Качинским и представителем Гражданской платформы Дональдом Туском.

В 2005 г. Польша окончательно сделала «правый» выбор. Победу одержали Лех Качинский и партия «Право и справедливость», которую возглавил его брат Ярослав.

Широкую известность приобрела резко негативная позиция правых в вопросах о легализации однополых браков и абортот. Как пишут авторы сборника «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Качинский выиграл в традиционной Польше, где сильно влияние церкви, где высоки ожидания помощи от государства, а слово “либерализм” и всё связанное с ним вызывают ненависть»¹⁶.

Однако прочность правящей коалиции «Право и справедливость», «Самооборона» и Лига польских семей оказалась недостаточной. После увольнения лидера «Самообороны» Леппера с поста заместителя премьер-министра (премьер-министром стал на тот момент Ярослав Качинский) из-за обвинений в коррупции в стране возникла сложная политическая ситуация противоборства власти и оппозиции, приведшая в итоге к досрочным парламентским выборам в октябре 2007 г.

Леппер встал в жесткую оппозицию к братьям Качинским. Он требовал провести референдум по вопросу о размещении элементов системы противоракетной обороны США на территории Польши, выступал за вывод польских войск из Ирака и Афганистана.

Досрочные выборы в парламент 2007 г. стали ареной противостояния между партией власти (ей на тот момент оставалась

партия «Право и справедливость») и стоящей в оппозиции Гражданской платформой. Поддержку оппозиции на этот раз оказали широкие круги поляков, недовольные законом о люстрации (согласно которому нужно было доказывать свою непричастность к сотрудничеству со спецслужбами в прошлом), учителя, возмущенные реформой образования, врачи, недовольные медленными изменениями в сфере здравоохранения.

Гражданская платформа Дональда Туска настаивала в своих программных заявлениях на скорейшем выводе польских войск из Ирака, на необходимости изменений в налоговой сфере, на повышении зарплат и пенсий.

Эти положения программы Гражданской платформы, а также удачные выступления Дональда Туска на теледебатах привели к победе Гражданской платформы, которая набрала более 41 % голосов. Партия «Право и справедливость» получила чуть более 32 %, что свидетельствует о снижении популярности братьев Качинских. Таким образом, обстановка на политической сцене Польши изменилась — из правящей партия «Право и справедливость» превратилась в оппозиционную.

После трагической гибели президента Польши Леха Качинского в авиакатастрофе под Смоленском, внеочередные выборы в Польше были назначены на июнь 2010 г. Свои кандидатуры на президентский пост выдвинули 10 политиков. Среди них — Ярослав Качинский (бывший премьер-министр, представитель партии «Право и справедливость»), Бронислав Коморовский (представитель Гражданской платформы), Марек Юрек (представитель «Правых сил Республики Польша»), Гжегож Наперальский («Союз левых демократических сил»), Януш Корвин-Микке (партия «Свобода и правопорядок») и др.¹⁷

Победителя в ходе первого тура выявить не удалось, поэтому был проведен второй тур президентских выборов, где за победу боролись Ярослав Качинский и Бронислав Коморовский. Последнему, в итоге, удалось одержать победу, набрав около 53 % голосов.

Последние на сегодняшний день выборы президента в Польше, которые завершились в мае 2015 г., продемонстрировали новый расклад политических сил и стали очередным витком в борьбе польских оппозиционных интеллектуалов за власть.

Выборы 2015 г. проходили в довольно напряженной обстановке и ознаменовались противостоянием двух основных политических сил — Гражданской платформы (в лице Бронислава Коморовского) и партии «Право и справедливость» (в лице Анджея Дуды). Такое противостояние довольно точно, на наш взгляд, было названо Л. С. Лыкошиной «польско-польской войной»¹⁸, которая делит польское общество на две части. В ходе второго тура выборов за Анджея Дуду проголосовали 52 % избирателей, а за лидера Гражданской платформы Бронислава Коморовского — 48 %. Примечательно, что более 20 % избирателей проголосовали за независимого кандидата, рок-музыканта Павла Кукиза, что стало настоящей сенсацией польской политической жизни.

С вступлением страны в Европейский союз, «Польша хочет больше значить в Европе»¹⁹. В последние годы в республике начали складываться и оформляться новые тенденции в политической борьбе оппозиционных интеллектуалов за власть, связанные, в первую очередь, с участием польских политиков в выборах в Европейский парламент и участием в деятельности Европейской комиссии. Это новое для восточноевропейских стран направление политической активности привело, во-первых, к расширению спектра политических игроков (из-за запрета одновременного членства в национальном и европейском парламентах). Во-вторых, можно говорить об оживлении электоральной активности, поскольку население Польши теперь должно не только выбрать членов Сейма, но и делегировать представителей в Европарламент. Наконец, последняя тенденция — это вхождение политических партий в общее политическое пространство ЕС.

Одна из новейших тенденций — включение польских оппозиционных интеллектуалов и оппозиционных партий в деятельность международных сетевых политических структур. Так, например, в Польше функционируют такие сетевые транснациональные группы, как Зеленые-2000, Польская партия пиратов, Польская партия женщин. Они являются членами соответствующих международных сетевых структур, которые открывают свои «филиалы» в разных странах мира.

В целом, несмотря на определенные трудности польского политического процесса, можно отметить успех Польши на пути построения гражданского общества, что находит отражение

в реальной многопартийности, сменяемости власти (это происходит практически после каждого электорального цикла), главенстве закона и т. д.

Как отмечает в своем интервью журналу «Новая Польша» польский исследователь, дипломат и (недолгое время) министр иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд, «наконец-то мы после 89-го года имеем государство не только полностью суверенное, но и — что немаловажно — государство нормальное. Со всеми позитивными и негативными явлениями. Эта нормальность представляет собой большую ценность. Иногда недооцениваемую и не в полной мере осознаваемую»²⁰.

Согласно мнению директора Центра польских исследований И. И. Жуковского, «партийная система в Республике Польша демонстрирует с самого начала своего создания движение к прагматизации политической конкуренции, что выражается в создании и сохранении четких институциональных рамок партийной конкуренции, обеспечении равных... и понятных возможностей политического участия акторов в борьбе за власть и стабилизации внешней среды партийной системы — наряду с общим благоприятным трендом социально-экономического развития. Электоральное законодательство стабилизировалось к началу XXI в., что выражалось в проведении трех парламентских выборов (начиная с 2001 г.) в рамках одного и того же формата. Поскольку изменений электорального законодательства не предполагается... то можно сделать вывод об успешности и стабильности электоральной системы Республики Польша, которая создает прагматическое пространство для конкуренции политических партий-игроков»²¹.

К началу XXI в. сложились определенные черты, свойства польской политической системе, в рамках которой происходит борьба за власть оппозиционных интеллектуалов:

— относительно большое значение политических программ, особенно идеологии при одновременном прагматизме в повседневной деятельности;

— относительно сильная политическая поляризация на правых и левых;

— низкая численность партий, специфическая «кадровость» группировок;

— формирование группировок вокруг лидеров приводит к медленной ротации политических элит;

— значительное количественное превосходство оппозиционных группировок, идентифицирующих себя как правые или правоцентристские, над левыми;

— большое количество партий, заботящихся о поддержке костела или идентифицирующих себя с католической доктриной;

— значительное участие профсоюзов в политической жизни страны, причем в противоположных политических лагерях;

— исключительно сильная концентрация партийной жизни вокруг парламента и относительно невысокая активность вне его, особенно в местных структурах.

Подводя итог, можно отметить, что в последние годы политическая система Польши вошла в полосу стабилизации. Основные решения, требующие политической и электоральной мобилизации, уже приняты. Польша является полноправным членом ЕС и НАТО. На наш взгляд, эволюционная модернизация польской политической системы будет продолжена, чтобы не терять «марку» носителя стандартов демократизации в Восточной Европе.

Примечания

¹ См., напр.: *Барабанов М. В.* Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития. М., 2011.

² См., напр.: *Волбуев В. В.* Политическая оппозиция в Польше, 1956—1976. М., 2009; *Волбуев В. В.* Неосталинская оппозиция в Польше в 1956—1970 гг. // *Славянский альманах.* 2015. Вып. 1/2.

³ История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 67.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ *Gill G.* Democracy and Post-communism: Political Change in the Post-communist World. Routledge, 2002.

⁶ *Kostecki W., Zukrowska K., Goralczyk B.* Transformation of Post-communist States. London, 2000. P. 231.

⁷ Цит. по: История антикоммунистических революций... С. 164.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ *Kostecki W., Zukrowska K., Goralczyk B.* Op. cit.

¹⁰ *Модзелевский К.* Кто убил «Солидарность»? // *Новая Польша.* 2014. № 7/8. С. 5.

- ¹¹ *Dawisha K., Parrot B.* Politics, Power and the Struggle for Democracy in South-East Europe. Cambridge, 1997.
- ¹² Подробнее см.: *Жуковский И. И., Балобаев В. А.* О некоторых аспектах развития партийной системы современной Польши // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010.
- ¹³ *Dawisha K., Parrot B.* Op. cit.
- ¹⁴ *Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е гг. XX века — начало XXI столетия) / под ред. С. Ю. Новопашина.* М., 2008.
- ¹⁵ Там же. С. 207.
- ¹⁶ Там же. С. 219.
- ¹⁷ *Жуковский И. И., Балобаев В. А.* К вопросу об идеологической дистанции релевантных кандидатов на пост президента Республики Польша 2010 года // Балтийский регион. 2010. № 2.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Лыкошина Л. С.* «Польско-польская война» : политическая жизнь современной Польши. М., 2015.
- ¹⁹ *Смочинский В.* Что будет через десять лет? // Новая Польша. 2014. № 7/8. С. 32.
- ²⁰ *Россия и новый международный порядок : беседа Мартина Заборовского с профессором Адамом Даниэлем Ротфельдом // Новая Польша.* 2015. № 9. С. 3.
- ²¹ *Жуковский И. И.* Становление партийной системы Республики Польша. Калининград, 2010. С. 112.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.529(63)

Н. В. Аронина

ЭФИОПИЯ И ЭФИОПЫ В ВОСПРИЯТИИ АКАДЕМИКА Н. И. ВАВИЛОВА

Как нельзя лучше говорят о выдающемся русском генетике, селекционере, географе Николае Ивановиче Вавилове его же слова: «Я действительно глубоко верю в науку, в ней цель и жизнь. И мне не жалко отдать жизнь ради хоть самого малого в науке...» Высшей похвалой для него было слово «труженик», а любимой поговоркой — «Жизнь коротка, надо спешить!»¹

Эфиопию академик считал центром происхождения злаковых. Н. И. Вавилов стал первым российским ученым, который описал биосферу Эфиопии, ее злаковые растения во время своей научной экспедиции в эту страну в 1927 году. Собранный им генотип образцов семян твердой пшеницы послужил развитию селекции лучших отечественных сортов. Образцы семян из коллекции Вавилова переданы эфиопской стороне и сохраняются в Институте биологического разнообразия в г. Аддис-Абебе. Дело, начатое академиком в 20-е годы прошлого века, с успехом продолжает Совместная Российско-Эфиопская биологическая экспедиция, недавно отметившая свой 25-летний юбилей.

В опубликованных трудах и сохранившихся дневниковых записях академика, помимо бесценных выводов о растениеводческих

© Аронина Н. В., 2015

Аронина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета им. А. Н. и Г. Н. Столетовых. natalya.aronina@mail.ru

ресурсах Эфиопии, присутствуют интересные заметки и о других сторонах жизни африканского государства, а также о быте и нравах его жителей.

Время, выбранное Вавиловым для путешествия, оказалось «исключительно удачным не только в смысле созревания хлебов, но и в отношении сезонного распределения дождей... Во время ливней, в июле — сентябре, дороги становятся непроезжими, и всякое сообщение по стране прекращается»². Железных дорог в Эфиопии, за исключением линии от Джибути до Аддис-Абебы, еще не было. Интересно, что на вопрос Вавилова о причине такого положения дел одному из государственных представителей последовал ответ: «...постройшь дороги — придут европейцы; придут европейцы — конец Эфиопии»³.

Императрица Эфиопии Заудиту оказала Н. И. Вавилову официальный прием, а его имя было занесено в императорский фолиант иностранных почетных гостей. Академик преподнес в подарок эфиопскому правительству карту земледелия СССР, только что изданную Институтом растениеводства, и свою работу «Центры происхождения культурных растений» на английском языке, рассказал кратко о задачах экспедиции, о сельском хозяйстве нашей страны⁴.

Несколько раз встречался с Вавиловым регент Тэфэри (будущий император Хайле Селассие I). Он активно интересовался общественной жизнью и переменами в Советском государстве. Н. И. Вавилов пообещал послать Тэфэри книги на французском языке с программой большевиков, которой он очень заинтересовался⁵. Регент оказывал прямое содействие в организации путешествия академика. Как отмечает Д. А. Макеев, его объявили «гостем эфиопского народа», разрешили посещать «любые» территории страны, выделили проводников и специальную охрану, а администрация провинций предлагалось оказывать путешественнику всемерное содействие, обеспечивать патронами, продовольствием⁶.

Эфиопы произвели на Н. И. Вавилова приятное впечатление: они показались ученому радушными и приветливыми⁷. Немало заметок находим и о внешнем виде местных жителей: «Народ в Аддисе — амарийцы-абиссинцы с европейским лицом, и с пигментом значительно варьирующим. Даже нередко с европейским лицом острым, с характерно выбритой макушкой для пускания крови

или других целей. Галла с прической в тонкие косички. У изб и на базаре постоянно видишь женщин или ищущих вшей... или заплетающих косички. Затем эти косички смазываются маслом и уже с год не заплетаются»⁸. Костюм у абиссинцев представлял собой штаны у мужчин и женщин (поэтому иногда их трудно было отличить друг от друга) и шаме-ткань (обычно белого цвета, синего — в знак траура)⁹. Эта ткань служила также одеялом в ночное время¹⁰. Находим и такие комментарии: «Люди полуголые, нередко совершенно голые»¹¹. На рынке в древней столице Эфиопии — Гондаре — Вавилов обратил внимание, что множество эфиопов имели плетеные зонтики несмотря на отсутствие жары. Оказалось, это был своего рода этикет, местная мода, причем мужчины держались ее даже больше, чем женщины¹².

В своих дневниках академик записывал и характеристики встреченных им здесь русских. Как известно, Африка не попадает в число наиболее популярных регионов поселения русских, в отличие от «классических» зон — Европы, США, Канады, Австралии. Во многих случаях переселение русских на африканский континент было вызвано отсутствием выбора, поскольку западноевропейские государства, с началом Октябрьской революции открывшие нашим соотечественникам широкие возможности для въезда на свои территории, к 20-м годам уже были буквально наводнены ими. Иммиграционные службы этих стран начали чинить разного рода препятствия, ограничивая русскую эмиграцию в Европу. Эфиопская колония в 20-е годы насчитывала не более 100 человек¹³. Преимущественно это были представители русской интеллигенции. Как указывает историк А. В. Хренков, русская община в Эфиопии принадлежала в какой-то степени к привилегированной части эфиопского общества¹⁴.

В целом, правовое положение русских в Эфиопии было очень неплохим вплоть до итальянской оккупации страны в середине 30-х годов, когда началось их активное «вытеснение»¹⁵. Судьбы эмигрантов здесь складывались порой намного счастливее, чем у русских, осевших в Западной Европе. Так, например, граф В. С. Татищев занялся организацией Эфиопского банка; врач В. И. Гаврилов стал личным медиком императрицы Заудиту; граф А. Н. Фермор служил военным инструктором конной гвардии регента, был начальником корпуса Конвоя; И. Ф. Бабичев

был единственным иностранцем, получившим в Эфиопии высокое звание фитаурари — начальника авангарда императорской армии в Эфиопии; генерал-майор Л. А. Дроздовский ведал топографическими работами в Аддис-Абебе; полковник В. Н. Барتنев руководил небольшой правительственной плантацией; агроном Г. А. Турчанинов служил главным инспектором Министерства сельского хозяйства Эфиопии¹⁶. Вавилов отметил, что русские в Аддис-Абебе испытывают «ненависть друг к другу», отбивают друг у друга жен¹⁷.

Хозяйство Эфиопии, по мнению ученого, было «самым примитивным». Что же из себя представлял этот «каменный век воочию»¹⁸? Вавилов поясняет: «Всюду камнетерки, на которых вручную камнями растираются зерна пшеницы, ячменя, джугары. Деревянными ступами вымолачивается полба. Всюду можно достать пиво, которое изготавливается из проросшего ячменя. Этот напиток готовится также весьма примитивно. Проросший ячмень бросают в огромный глиняный кувшин, в котором происходит брожение. Кувшин покрывают обыкновенно куском кизяка. Периодически женщина взбалтывает грязной рукой жидкость»¹⁹.

В одной из древних столиц Эфиопии, Анкобере, Вавилов обратил внимание на построенные из камня и вросшие в землю дома местных жителей, в которых даже не было настила полов, животные и люди спали под одной крышей. В уже упомянутом нами Гондаре, к удивлению научной экспедиции, не оказалось постоянного базара. Устраивался он только раз в неделю. При этом деньги не использовались: здесь был натуральный обмен. Обменной валютой для крупных операций служила соль, а сушеный красный перец, вызывавший невероятное чиханье, шел в качестве мелкой монеты²⁰.

Отдельное внимание уделяет Н. И. Вавилов религии и религиозным обрядам в Эфиопии: «В этой убогой стране, где все в разброде, где один рас не зависит от другого, где начальство плохо иногда отличается от начальника разбойной шайки — в ней когда-то была воля и напряженность. Она обратила страну в христианство, что, бесспорно, было большим культурным делом»²¹.

Действительно, христианская религия, распространение которой в Эфиопии восходит еще к IV веку н. э., глубоко проникла во все сферы жизни государства. Факт принятия христианства

нередко обозначается в литературе как определяющее событие в эфиопской истории²². Первоначально это было ортодоксальное христианство (позднее стало называться православием), но с возникновением монофизитства оно стало быстро терять свои позиции²³. Официально монофизитское направление христианства, основным тезисом которого является признание единой (божественной) сущности «Спасителя» и отрицание Христа-человека, было принято в Эфиопии в V веке н. э.²⁴ Уже в то время христианская религия играла немаловажную роль в политической жизни страны — Аксум в период своего могущества соперничал за преобладание в районе Красного моря с Римом (позднее Византией), и одной из форм этого соперничества стали религиозные противоречия²⁵.

В Аксумском царстве перед взглядом Н. И. Вавилова предстали превосходно сохранившиеся с древнейших времен, «синхронных временам фараонов», огромные обелиски с непочтанными надписями²⁶. Каменные монолиты явились самым реальным, по мнению Вавилова, свидетелем былой напряженности жизни. Эти обелиски из серого гранита оказали на ученого колоссальное впечатление: «Для Эфиопии, во всяком случае, — это удивительные сооружения, свидетели напряженной воли, которой так мало в стране. Когда-то, очевидно, и здесь энтузиазм ли, фанатизм ли объединял массу и увлек ее даже на строительство прекрасных обелисков... Аксум тому свидетель»²⁷.

Пребывание академика в Эфиопии совпало с наступлением христианского Великого поста. Правилами церкви предписывалось перед наступлением поста «вдоволь наесться мяса, чтобы уже шесть недель не трогать его». На своем пути Вавилов постоянно встречал маленькие церкви, расположенные около кладбищ. Каждая из церквей представляла собой «шалаш с конической крышей из тщательно сложенной соломы». Стены были обмазаны глиной или обложены камнями. Вокруг обычно не было никаких украшений. Исключением являлись большие церкви столицы Аддис-Абебы, «куда в свое время из России было направлено значительное количество икон и обрядовой утвари с расчетом на сближение и присоединение эфиопской церкви к православной»²⁸.

Кладбища выглядели своего рода ботаническими садами. Обычно они размещались в лесу: «Около могил сажают всевозможные деревья, зачастую перенесенные издалека. Здесь иногда

встречаются и редкие виды, до цитрусовых включительно. Но в основном это заросли эвкалиптов, пришедшихся особенно по душе абиссинцам. Кладбища привлекательны для путешественника помимо тени еще и тем, что на них всегда можно раздобыть фураж для мулов и продовольствие для людей. По обычаю, 40 дней после похорон идут поминки при кладбище. Само собой разумеется, на поминках в изобилии и тала, и тэчь, и блины из пшеницы и тэффа. Словом, это своего рода постоянный двор, где всегда безотказно можно найти самое необходимое»²⁹.

Многие обычаи эфиопов не были известны Вавилону, и приходилось сталкиваться с реалиями африканской жизни уже на месте. Так, ученый отдельно останавливается на проблеме снаряжения каравана. Дешевизна жизни в Эфиопии позволяла экспедициям, как отмечает академик, снаряжать большие караваны. Обычно длинный путь совершали на мулах, лошади использовались только на короткие расстояния, так как они менее выносливы в условиях Эфиопии. Ученый уточняет: «По обычаям этой страны, надо было брать с собой вооруженную охрану, запастись винтовками, необходимыми для защиты от зверей, особенно при переходах через Нил, кишасший крокодилами». Участникам экспедиции необходимо было запастись продовольствием, консервами, тарой для сборов. Попытка же снабдить спутников каравана обувью не увенчалась успехом: «Приобретенные и розданные членам экспедиции сандалии быстро исчезали, и перед выходом каравана перед нами снова стояла “босая команда”. Пришлось, учитывая горную каменистую дорогу, купить про запас дюжину сандалий, но не раздавать ее до поры до времени». Еще одна неприятность, с которой столкнулся Вавилов по незначению, случилась из-за идеи посадить участников каравана на ослы, в то время как обычно люди каравана в Эфиопии, за исключением старшего переводчика, шли пешком. Вавилов комментирует неприятную ситуацию следующим образом: «Наше намерение было приобрести для каждого по ослу, на которого он мог хотя бы погрузить свой скарб. Однако, как только ослы появились на дворе гостиницы, весь с трудом собранный персонал мигом разбежался. Как нам разъяснили, путешествие на осле оскорбительно для взрослого мужчины, на нем путешествуют только дети и женщины»³⁰.

Эфиопы и сегодня во многом сохранили самобытную культуру, о которой говорил Н. И. Вавилов: «...многие в национальной одежде ходят, жнут хлеб серпами, пашут на волах даже не плугом, а деревянным копьем»³¹. Сохранились и многие обычаи. Так, например, до сих пор в ходу прием, когда на дороге пытаются «строить пакости», чтобы потом «требовать бакшиш».

Вавилов называет Эфиопию страной «без песен и без музыки»: «Музыки нет. Песен, по-видимому, тоже»³². Данное впечатление академика не совпадает с результатами путешествий по Эфиопии поэта Н. С. Гумилёва, побывавшего здесь три раза (в 1909—1910 гг., 1910—1911 гг., 1913 г.). Во время второго путешествия Гумилев начал собирать образцы искусства Эфиопии. В общей сложности поэт перевел 12 эфиопских песен, большинство из которых были сравнительно недавнего происхождения³³. Песни, хоть и достаточно примитивны, но отличались, по мнению Гумилёва, «свежестью чувства, неожиданностью поворотов мысли и подлинностью положений»³⁴.

Покидать Эфиопию Н. И. Вавилову было не жаль. Себя он чувствовал в ней «совсем чужим, прохожим»³⁵. Перед выездом из Аддис-Абебы ученый писал жене: «Это самое трудное путешествие: тем более, что я не знаю языка, а учить некогда». В том же письме Вавилов назвал это путешествие авантюрой³⁶.

Главные итоги экспедиции путешественника в Эфиопию отражены в его фундаментальном труде «Пшеницы Абиссинии и их положение в общей системе пшениц», опубликованном в 1931 году в Ленинграде. Экспедиционные тетради ученого содержат и многочисленные наброски для планировавшейся монографии «Земледельческая Абиссиния», работа над которой не была завершена³⁷. Многие собранные образцы культурных растений оказали заметную помощь сельскому хозяйству нашей страны³⁸. Трудно переоценить результаты проделанной Н. И. Вавиловым работы в африканской стране. Путешествие по Эфиопии далось ему нелегко, но оставило яркий след в череде научных экспедиций академика.

По следам Н. И. Вавилова прошли 85 лет спустя, в ноябре — декабре 2012 года, ученые ведущих российских НИИ в области генетики и растениеводства. В состав экспедиции вошли пять специалистов из научных институтов Москвы, Петербурга,

Новосибирска, а также эфиопский специалист по имени Мулегета из Института биоразнообразия. На некоторых участках пути к ним присоединялись сотрудники Российского культурного центра в Аддис-Абебе, которые организовали лекции о нашей экспедиции в трех университетах страны. В ходе экспедиции было собрано 60 образцов пшеницы, и даже это оказалось нелегко. Как отметил руководитель проекта, доктор биологических наук, заместитель директора по научной работе Института общей генетики имени Н. И. Вавилова А. М. Кудрявцев, «если Вавилов привез из Эфиопии более сотни разновидностей, то мы нашли предположительно около 20. Эфиопские пшеницы исчезают на глазах, у нас буквально последний шанс их собрать. Самое интересное, что эти старые сорта пшеницы можно найти только в тех точках, которые указал Вавилов, в других местах их нет»³⁹.

Эфиопия стала для Н. И. Вавилова «страной для философии земледелия замечательной», в которой чувствовались только «элементы культуры» — «в приветствии друг друга, в братском отношении, в приветливости друг к другу»⁴⁰.

Сегодня о русском академике в африканской стране знают не только ученые. Прежде всего, потому что он показал Эфиопию как центр происхождения культурных растений, и об этом с удовольствием рассказывают в местных школах.

Примечания

¹ Цит. по: Дяченко С. Уроки Вавилова // Коммунист. 1987. № 14. С. 86, 88.

² Вавилов Н. И. Пять континентов. М., 1987. С. 113.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Вавилов Н. И. «Страна для философии земледелия замечательная»: из Абиссинского дневника Н. И. Вавилова // Природа. 1987. № 10. С. 53.

⁶ Макеев Д. А. У истоков российско-эфиопских культурных связей: (эфиопская экспедиция Н. И. Вавилова) // Проблемы истории отношений России с афро-азиатскими странами: ст., материалы и тез. IX Всерос. науч. конф. обществоведов. Владимир, 2004. С. 7.

⁷ Вавилов Н. И. Пять континентов. С. 113.

⁸ Вавилов Н. И. «Страна для философии земледелия замечательная». С. 54.

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Вавилов Н. И.* Пять континентов. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 113.
- ¹² Там же. С. 114.
- ¹³ *Крылова Н. Л.* Социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке // Восток. 1999. № 6. С. 45.
- ¹⁴ *Хренков А. В.* Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке, 20—50-е годы XX века : сб. ст. М., 2001. С. 98.
- ¹⁵ *Рябова В. И.* Правовое положение русских эмигрантов в странах Африки в 1920—1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920—1930-е годы : сб. науч. тр. СПб., 2006. С. 214.
- ¹⁶ См. подробнее: *Аронина Н. В.* Советско-эфиопские отношения в 20—30-е годы XX века и деятельность уроженца Владимирской губернии П. П. Булыгина в Эфиопии // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. 2010. Вып. 23/24. С. 13—19.
- ¹⁷ *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 53.
- ¹⁸ *Вавилов Н. И.* Пять континентов. С. 113.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 113, 116.
- ²¹ *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 55—56.
- ²² См., напр.: *Trimingham J. Spencer.* Islam in Ethiopia. L., 1965. P. 40 ; *Markakis J.* Ethiopia : Anatomy of a Traditional Polity. Oxford, 1974. P. 27—28.
- ²³ *Шпажников Г. А.* Религии стран Востока : справ. М., 1981. С. 202.
- ²⁴ *Вознесенский И.* Монофизиты в Абиссинии // Духовная беседа. 1863. Т. 19, № 47. С. 502.
- ²⁵ *Ягья В. С.* Церковь Эфиопии и ее влияние на общественно-политическую жизнь страны // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 139—140.
- ²⁶ *Вавилов Н. И.* Пять континентов. С. 116.
- ²⁷ *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 55.
- ²⁸ *Вавилов Н. И.* Пять континентов. С. 114, 116.
- ²⁹ Там же. С. 116.
- ³⁰ Там же. С. 112.
- ³¹ См.: *Макеев А.* По следам Вавилова. URL: <http://www.russkiymir.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).
- ³² *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 54.

- ³³ *Малыгина (Аронина) Н. В.* Абиссинское искусство в материалах путешествий Н. С. Гумилёва // Сборник трудов молодых ученых ВГПУ. Владимир, 2002. Вып. 2. С. 86—88.
- ³⁴ *Гумилёв Н. С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 483.
- ³⁵ *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 56.
- ³⁶ Цит. по: *Вавилов Ю. Н., Есаков В. Д.* Самое трудное путешествие // Природа. 1987. № 10. С. 58.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См. подробнее: *Макеев Д. А.* Указ. соч. С. 11.
- ³⁹ *Макеев А.* Указ. соч.
- ⁴⁰ *Вавилов Н. И.* «Страна для философии земледелия замечательная». С. 55.

ББК 63.3(4Пол)64+66.1(4Пол)6-21

Д. С. Буданова

**«ИМПЕРИЯ» Р. КАПУЩИНСКОГО:
АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ ПОЛЬСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА**

В конце XX — начале XXI в. польско-российские отношения развивались непросто. В первую очередь это было связано с переориентацией внешней политики Польши на Запад. Варшаве казалось, что членство в таких международных организациях, как НАТО и ЕС, защитит ее от имперских амбиций России. Но даже интегрировавшись в вышеозначенные институты, Польша не перестала опасаться угрозы с востока. Во многом эта ситуация связана с закреплением в польской коллективной памяти негативного образа России.

© Буданова Д. С., 2015

Буданова Дарья Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. dsskvorcova@rambler.ru

Здесь важно напомнить, что коллективная (историческая) память мобилизуется в сложные периоды жизни нации, государства. Конец 1980-х — первая половина 1990-х гг. как раз стали таким периодом в жизни польского общества: распад социалистического блока, крушение Советского Союза, объединение ФРГ и ГДР внушали Польше опасение за свою судьбу. С одной стороны, Варшава оказалась в невыгодном геополитическом положении — между объединенной Германией и нестабильной Россией. С другой стороны, перед поляками стояла трудная задача обновления социально-экономической, политической и культурной жизни.

В то же время, интеграция в Евросоюз могла рассматриваться Варшавой в качестве своеобразного механизма, который позволил бы ей реализовать «польскую идею».

Одним из ярких творцов польской коллективной памяти о России стал известный репортер и писатель, несколько раз выдвигавшийся на Нобелевскую премию, Рышард Капуцинский. В 1993 г. им был опубликован сборник «Империя», состоящий из заметок и эссе, написанных о Советском Союзе и России. Сборник состоит из трех частей. В первой части собраны впечатления автора от поездок по СССР в 1950—60-е гг., а также детские воспоминания. Вторая часть посвящена Империи в последние годы существования Советского Союза. Третья часть представляет собой размышления и заметки автора о России, сделанные в 1992—1993 гг.

При анализе произведения важно понимать, что Империя у Р. Капуцинского — это не Советский Союз, и не ему посвящена книга. СССР — это лишь одна из форм существования Империи, одна из ее ипостасей. Более ранней формой была Российская империя, павшая в 1917 г., а более поздней — Российская Федерация, которую, по мысли автора, также ждут распад и крушение. Таким образом, Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация — это всего лишь псевдонимы, а Империя — настоящее имя, имя собственное. Не случайно это слово Р. Капуцинский всегда пишет с большой буквы.

На наш взгляд, «Империя» является локальным текстом (то есть — текстом о конкретной территории) и по сути, и по тем задачам, которые на него возложены автором. В определенном смысле это произведение — метатекст, который вобрал в себя

множество письменных и устных текстов о России, хотя и принадлежащих перу одного автора. С другой стороны, в произведении создан некий идеологический и семантический компакт¹, который включает в себя переживания, размышления, эмоции, понятия, связанные с Россией. Этот компакт мы (вслед за автором произведения) можем назвать «Империя». Забегая вперед, отметим, что Р. Капушинский не испытывал ни к России, ни к Советскому Союзу теплых чувств, а потому и созданный им компакт оказался наполнен в основном негативными эмоциями и пессимистическими размышлениями.

Компакт «Империя» является, по сути, суперконцептом, который состоит в свою очередь из множества концептов (рис. 1).

Компакт «Империя»

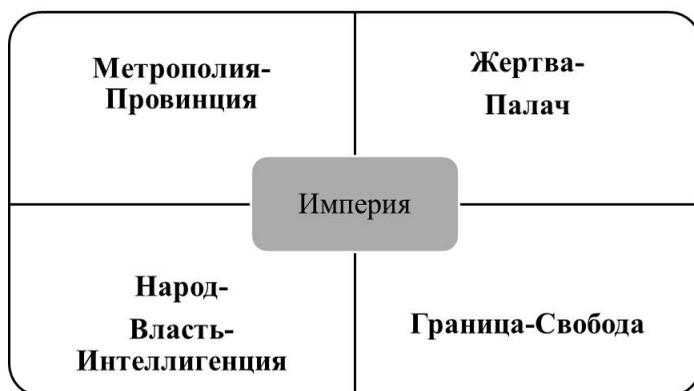
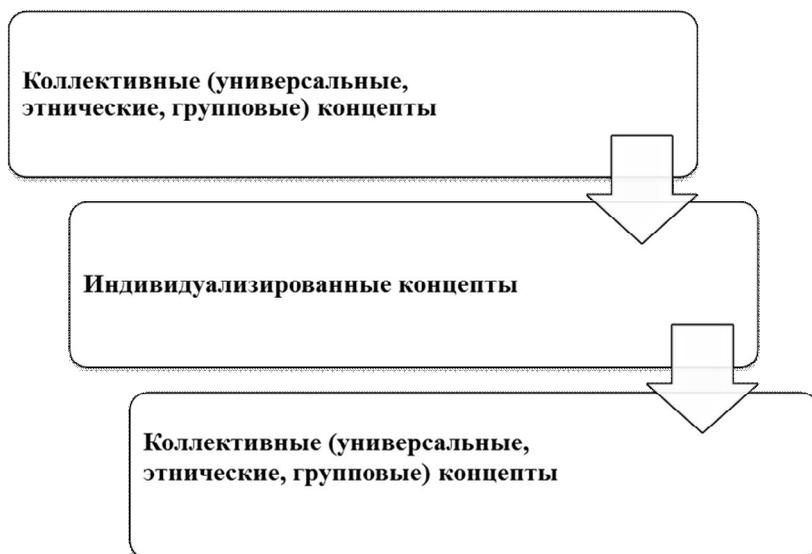

Рис. 1. Структура компакта «Империя»

Каждый концепт имеет несколько слоев, в числе которых нужно назвать понятийный, эмоциональный, образный. При этом ядро концепта — одно понятие, которое является центром притяжения других понятий, образов, эмоций.

Разумеется, перечисленные концепты существовали и до Капушинского и являлись коллективными. Опираясь на классификацию концептов Д. С. Лихачева², мы можем утверждать, что в «Империи» присутствуют и универсальные концепты — свобода, граница, власть, и национальные (этнические) концепты — народ, жертва,

палач, метрополия, провинция. Однако все они, преломляясь через индивидуальное сознание автора, приобретают личностную (оригинальную) трактовку. С другой стороны, те же самые концепты, осмысливаясь читателями, могут вновь стать в полном смысле коллективными, имплицировавшись в культурную память (по крайней мере, в культурную память поляков) (рис. 2).

Рис. 2. Соотношение коллективных и индивидуализированных концептов

Итак, компакт «Империя» не монолитен, как не монолитна и сама Империя, состоящая из метрополии и провинции. Примечательно, что при описании метрополии Р. Капуцинский почти не уделяет внимания Центральной России, в частности самому центру метрополии — Москве. О ней — только мельком, несколькими словами. В целом же Москва ассоциируется у автора с властью. Эти два концепта неразрывно связаны — метрополия и власть. Сила, принуждение, угнетение — вот что такое Москва. А также казенные учреждения, чиновники, министерства... И, как это ни парадоксально, Сибирь. Именно она является сердцем Империи, ее сущностью (рис. 3).

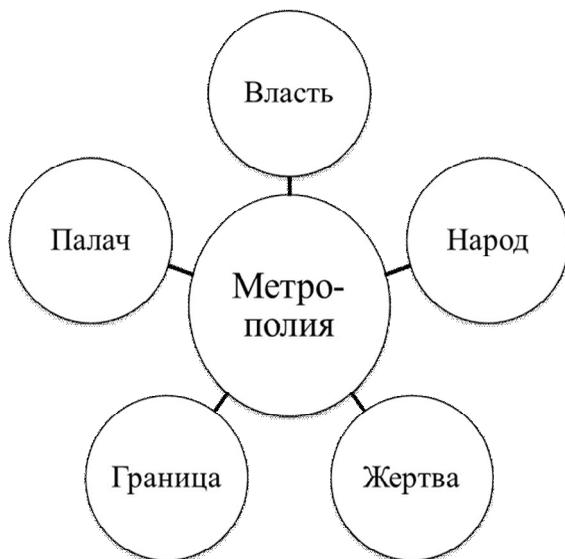

Рис. 3. Соотношение концепта Метрополия с другими концептами

Интересно, что неоднократно Сибирь описывается Р. Капуцинским как место ссылки неугодных, или просто как огромная тюрьма: «Сибирь называют величайшей тюрьмой на свете. Сюда царь сослал сотни тысяч свои подданных, здесь большевики держали за колночей проволокой миллионы невинных людей»³. Именно Сибирь открывает пронизательному путешественнику сущность России: «Это мир, где не шутят, мир приказов и послушания»⁴. Это мир без цвета — мир белого, который ассоциируется со смертью, неотвратимостью⁵, и мир непроницаемой, всеобъемлющей темноты⁶.

Концепту «метрополия» противостоит *концепт «провинция»* (рис. 4).

Провинция в произведении Р. Капуцинского многогранна, однако под этим понятием подразумеваются, прежде всего, национальные республики Советского Союза. При этом метрополия — это РСФСР. Однако имея в виду, что произведение Р. Капуцинского создавалось долгие годы, можно говорить и о динамике концептов. Так, в постсоветский период метрополия сместилась и оказалась представлена Центральной Россией

со столицей в Москве, а провинция — это вся остальная страна: Северный Кавказ, Башкирия, Татарстан и др.

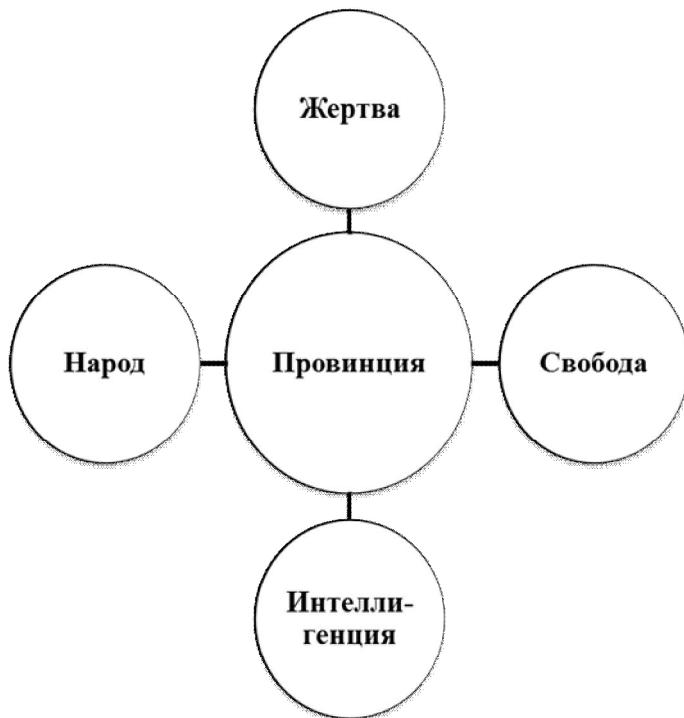

Рис. 4. Соотношение концепта Провинция с другими концептами

Отметим, что образы провинции и метрополии диаметрально противоположны. Так, например, образ метрополии неразрывно связан с образом границ, провинция же ассоциируется со свободой.

В первую очередь это пространственные границы. Автор, рассказывая о своем приезде в Советский Союз в 1958 г., пишет: «Проволочные заграждения — вот что сразу бросается в глаза... Этот колючий, хищный заслон, растянувшийся вдоль границы, поначалу воспринимаешь как нелепую, сюрреалистическую выдумку: ну кто и когда попробует через него пробраться — везде, куда ни кинь глазом, снежная пустыня, ни дорог, ни людей, а сугробы двухметровые, шагу нельзя ступить...»⁷ И всё же, приходит

к выводу автор, у границ есть смысл: они учат приезжего жизни в условиях постоянных ограничений, запретов, инструкций⁸. Тесно связан с образом границы, проволочного ограждения, образ собаки: «Потом появляются собаки — овчарки, злые, дрожащие от ярости... они бросаются под вагоны, лают, рычат»⁹.

Р. Капущинский описывает свой приезд в Советский Союз настолько мрачно, что невольно напрашивается сравнение с Аидом, который охраняется злобным Цербером. Причем в роли адских псов выступают не только овчарки, но и солдаты (таможенники): «...на твоих глазах как из-под земли вырастают солдаты и моментально выстраиваются шеренгами по обеим сторонам состава... если какой-нибудь пассажир решится выскочить из вагона... он будет немедленно обнаружен и застрелен»¹⁰. Таможенники предстают людьми неизменно суровыми, хмурыми, грозными. Но неужели можно ожидать других эмоций от людей, которые охраняют вход в Аид? Вокзал же, «предбанник Аида», Чистилище, переполнен безмолвными серыми теньями, гражданами СССР.

Временные границы проходят через всю ткань повествования и маркируют смену одной ипостаси Империи другой ипостасью. Ключевых дат две: 1917 год — гибель царизма, 1991 год — гибель тоталитаризма. Однако автором описаны и другие события, разделившие жизни тех или иных героев на «до» и «после». Для Пинска — родного города автора, таким событием была «советская оккупация», начавшаяся в 1939 г.: «...город, в котором мы раньше весело резвились, внезапно превратился в коварное, опасное минное поле. Мы даже боялись вздохнуть поглубже, дабы не вызвать взрыва»¹¹.

Самые глубокие, непреодолимые границы пролегли между людьми. Между жителями провинции и метрополии, народом и властью, иностранцами и гражданами Советского Союза.

Концепт «провинция» неразрывно связан с *концептом «свобода»*: «Несмотря на жесткий, казарменный корсет советской власти малым, но древним народам удалось сохранить кое-какие традиции, кое-что из своей истории, вынужденно скрываемую гордость и собственное достоинство»¹². Стремление к свободе, если верить автору, выражалось, прежде всего, в творчестве. Так, например, рассказывая о Грузии, Р. Капущинский повествует о художнике Нико Пиросмани, говоря об Армении, знакомит

читателя со скульпторами Беником Петросяном и Амаяком Бдеяном. Интересно отметить, что в очерках о советских республиках тон повествования изменяется — в речи автора появляются позитивные нотки, яркие краски, сочные метафоры; жители провинции вызывают у него в основном положительные эмоции: радость, сопереживание, восхищение. Жители же метрополии, как правило, несчастны, их можно лишь жалеть или презирать. Если описывая провинцию, особенно национальные республики, Р. Капущинский показывает нам представителей творческой или научной интеллигенции, то описывая метрополию — солдат, таможенников, рабочих... Это понятно, ведь творческая интеллигенция ассоциируется со свободой, солдаты и рабочие — с принуждением и тяжелым трудом.

Жители (или скорее — представители) метрополии, как уже было сказано, вызывают у автора жалость и презрение. Такое презрение вызывает у него «россиянка» из Баку, вынужденная бежать во время беспорядков в Москву. Она — собирательный образ колонизатора, которого настигла кара: «И всё-таки, моя россиянка из Баку при первых уличных беспорядках, при первых отзвуках шагов приближающихся боевых дружин, которые направляются громить армян, спешно укладывает чемоданы и мчится на аэродром, счастливая, что ей удалось вырваться из ада. Но где этот ад?.. Он в ней самой, в ее сознании»¹³. Когда-то она (или ее предки — строители Советского Союза, или народ, к которому она принадлежит) была триумфатором, даже палачом, сейчас она — жертва, но жертва той ситуации, в которой виновата сама. В такие критические моменты, в момент смерти Империи, колонизатор испытывает страх, ибо в нем говорит его нечистая совесть¹⁴.

«Колониями» были не только национальные республики, но и автономные. Такими, по мнению Р. Капущинского, они являлись и после крушения Советского Союза, поскольку остались в составе Российской Федерации. Например, Башкирия: «Что значит сегодня быть башкиром на башкирской земле?» — спрашивает автор. И отвечает: быть башкиром — значит молчать. В то же время сознание мыслящего башкира разрывает противоречие: с одной стороны, нарастает желание стать самостоятельным, с другой стороны, башкир не видит путей для осуществления этого

желания¹⁵. Но рано или поздно, именно такие островки развивающегося национального самосознания (Башкирия, Татарстан) разорвут Российскую Федерацию — новую ипостась Империи.

В упомянутом пассаже о беспорядках в Баку автор прямо сравнивает метрополию и провинцию: здесь «солнечный Баку» и «Рига с ее прекрасной архитектурой» противостоят «угрюмому, ужасающе холодному Норильску» и «гнетуще грязному и продымленному Челябинску»¹⁶. Есть и краткие характеристики других городов Советской России. Например, вот что пишет Р. Капушинский о Магадане: «Дело в том, что мы стоим на человеческих костях. И даже если, осознав это, поспешно отойдем на шаг или отбежим на несколько сот метров, ничего не изменится, кладбище везде»¹⁷. Магадан, считает автор, самое страшное, после Освенцима, место в мире¹⁸. Якутск — истинный сибирский Кувейт, столица богатейшей, лежащей на золоте и алмазах республики, город, в котором десятилетняя девочка носит старенькое пальто (новых не привозят и неизвестно, когда привезут) и старается не замочить сапоги в лужах (ведь других, на смену, просто нет)¹⁹. Один из районов Якутска Р. Капушинский прямо сравнивает с латиноамериканскими трущобами и пишет: «Куда ни кинь взглядом, не увидишь никаких контрастов; ни единый признак благосостояния не нарушает общей картины убожества»²⁰.

Интересно отношение автора к Великому Новгороду. Этот город, несмотря на свою явную принадлежность к метрополии, связан с концептами «свобода» и «жертва». Объяснение этому парадоксу находится в абзаце, посвященном тому историческому выбору, который сделала Русь между Москвой и Новгородом: «Новгород был демократическим, открытым миру городом, поддерживающим контакты со всей Европой. А Москва — агрессивная, проникнутая монгольским влиянием, враждебная по отношению к Европе, уже постепенно вступающая в мрачную эпоху Ивана Грозного. Если бы Россия пошла новгородским путем, она стала бы другим государством. Но всё сложилось по-иному»²¹.

Примечательно, что самые теплые чувства у автора вызывают Грузия, Армения (во многом схожая с Польшей, как считает сам Р. Капушинский; в частности они схожи тяжелым геополитическим положением, обреченностью жить в постоянном страхе), Азербайджан, Узбекистан. Менее притягательны для него

Восточная Украина, Киргизия, Туркменистан. Так, для описания Днепропетровска автор не нашел светлых красок: «Черная пыль оседает на стенах домов, украшая фасады тянущихся километрами одинаковых домов темными разводами, свинцово-серыми потеками, ржавыми лишаями»²². На вопрос местной жительницы, понравился ли ему город, Р. Капушинский ничего не смог ответить. С другой стороны, Киев описывается в основном светлыми красками: «Киев теплый, безветренный, согретый солнцем... Архитектура Киева заслуживает отдельного рассказа. Тут представлены все эпохи и стили — от чудом уцелевших средневековых монастырей и церквей до шедевров страшноватого сталинского соцреализма. А между ними и барокко, и неоклассицизм, и, прежде всего, буйный, богатейший модерн!»²³

Концепт «провинция» тесно связан с *концептом «жертва»*. Ведь все национальные республики, по мнению Р. Капушинского, либо не по своей воле оказались в составе Империи, либо страдали от гнета центральной власти. Жертвами были и жители провинции. Вообще же каждая национальная республика ассоциируется у Р. Капушинского с какой-либо трагедией, которая и сделала эту республику жертвой: так, Украина соотносится с голодомором, кавказские республики — с тяжелым геополитическим положением, среднеазиатские республики — с уничтожением Аральского моря и экологической катастрофой (в которой, конечно же, повинен Советский Союз), прибалтийские республики — с оккупацией, Беларусь — с выгодным стратегическим положением (именно поэтому здесь и царизм, и большевики проводили методичную и жестокую политику русификации: «В тридцатые годы была расстреляна или выслана почти вся белорусская интеллигенция»²⁴).

Однако концепт «жертва» гораздо шире: он вмещает в себя и образы советских республик, и образы жителей Империи, и образ Польши, и, наконец, образ самого автора. При этом часто даже *палач* или *триумфатор* становятся жертвами. В этом Р. Капушинский видел одну из характерных черт сталинизма (и шире — Империи): во многих случаях невозможно разделить понятия «жертва» и «палач»²⁵. Вот характерный для него пассаж: «А эти две пожилые женщины на автобусной остановке? Какая из них была заключенной, а какая надзирательницей?». Автор почти

не оставляет выбора читателю: одна из героинь обязательно должна быть жертвой, другая — палачом. А вот другой пример, в котором границы между концептами размыты: «Иногда сталкиваешься лицом к лицу с каким-нибудь пожилым мужчиной. И тогда в голову неизменно лезет вопрос: “А вы-то кем были? Палачом или жертвой?” Думая, что если бы я всё-таки решился задать ему этот вопрос, а он честно на него ответил, я мог бы услышать: “Перед вами и палач, и жертва”»²⁶.

Даже Москва, связанная с властью и имеющая силу, тоже стала жертвой сталинизма: например тогда, когда был разрушен Храм Христа Спасителя. Этот исторический эпизод довольно подробно описан у Р. Капушинского.

Идеологический компакт, условно названный нами «Империя», не располагает читателя к положительным эмоциям. Пожалуй, напротив, у любого читателя Россия, увиденная и описанная Р. Капушинским, будет вызывать страх. Ведь по большому счету Империя синонимична «Верхней Вольте с ракетами»: бедная страна, скованная страхом, внушает страх всему цивилизованному и просвещенному миру («...за русскими автомат Калашникова, танк, атомная бомба»²⁷). Собственно, мы считаем, что с целью предостеречь европейцев (в частности, поляков) и было опубликовано произведение, ставшее визитной карточкой автора: Советский Союз рухнул, рухнула вся социалистическая система, но появилась Россия как новая ипостась Империи с соответствующими имперскими амбициями.

Эту мысль писателя поразительно точно повторил профессор Анджей Новак в 2013 г.: «Россия сейчас — это самое опасное государство мира»²⁸.

Немалая заслуга в конструировании подобной исторической памяти о России принадлежит творческой интеллигенции Польши 1980—90-х гг., в том числе Р. Капушинскому.

Страх перед имперскими амбициями России Варшава активно и эффективно эксплуатировала именно в начале 1990-х гг., стремясь интегрироваться в международные организации, способные, по мнению поляков, защитить Польшу от Москвы. Разумеется, сборник Р. Капушинского был издан как нельзя кстати и стал крайне актуальным.

Отметим, что мы не случайно акцентировали внимание на описании Р. Капуцинским судеб провинций Империи — национальных республик. Дело в том, что с разрушением социалистической системы возродилась «польская идея», замешанная на стремлении воссоздать «Польшу от моря до моря» и на польском прометеизме. Расширение геополитического, культурного, политического, экономического влияния, в том числе через участие в международных организациях, рано или поздно может помочь Польше вовлечь в свою орбиту бывшие советские республики, прежде всего Украину, Беларусь, Молдову, Грузию и Армению, и объективировать хотя бы таким образом «польскую идею». Первый шаг на пути к этой цели — окончательно отсечь от России так называемые колонии. Размышления Р. Капуцинского, собранные в «Империи», стали актуальными и для решения этой задачи. Создавая негативный образ метрополии, власти и всего, связанного с Империей, автор как бы отрезает интересующие Польшу земли от России. Все эти образы и концепты оказались интегрированы в польскую геополитическую идеологию.

Примечания

- ¹ *Шукин В.* Как и почему рождается литературный локальный текст. URL: <http://parkbelinskogo.ru/как-и-почему-рождается-литературный-л> (дата обращения: 22.07.2015).
- ² *Лихачев Д. С.* Логический анализ языка : культурные концепты. М., 1991. С. 280—287.
- ³ *Капуцинский Р.* Империя. М., 2010. С. 251.
- ⁴ Там же. С. 28.
- ⁵ Там же. С. 36.
- ⁶ Там же. С. 39.
- ⁷ Там же С. 28.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 28—29.
- ¹¹ Там же. С. 12.
- ¹² Там же. С. 43.
- ¹³ Там же. С. 132.
- ¹⁴ Там же. С. 133.
- ¹⁵ Там же. С. 161—162.

- ¹⁶ Там же. С. 134.
- ¹⁷ Там же. С. 191.
- ¹⁸ Там же. С. 188.
- ¹⁹ Там же. С. 174.
- ²⁰ Там же. С. 177.
- ²¹ Там же. С. 278.
- ²² Там же. С. 249.
- ²³ Там же. С. 257.
- ²⁴ Там же. С. 283.
- ²⁵ Там же. С. 204—205.
- ²⁶ Там же. С. 204.
- ²⁷ Там же. С. 132.
- ²⁸ См.: *Станишевский М.* Россия — самая опасная страна мира. URL: <http://inosmi.ru/world/20130808/211685465.html> (дата обращения: 22.07.2015).

ББК 63.3(2)61+63.3(2)6-8+63.3(2)632

А. А. Кутузова

ДВА РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТА: Я. М. ЗАХЕР И Н. И. КАРЕЕВ

Ученый, о котором можно говорить как о сложившемся исследователе, глубоко и тщательно изучающем избранную тематику, не может быть раскрыт как личность без оглядки в прошлое на дни его становления — научного, социального, духовного. В данном случае никак нельзя обойти фигуру учителя, который поставил на ноги, помог раскрыть призвание своего ученика, поддержал его при первых самостоятельных шагах. Взаимоотношения учителя и ученика раскрываются не только через узнавание в стиле ученика характерной руки учителя, его слога, манеры письма, но также и в особенностях их взаимоотношений на личностном уровне, и когда ученик говорит о своем учителе публично. Сказанное требует пояснений.

20—30-е гг. XX века стали временем испытания не только физических, но и моральных сил многих людей. Некоторые изменяли своим убеждениям, верности совести ради выживания, сохранения теплого местечка, «вопроса желудка» или желания не допустить появления потенциального конкурента, которое давало себя знать в разных ситуациях¹.

Многие ученики отказывались от своих учителей, критиковали их по указке вышестоящих партийных органов. Однако были еще и те, кто сохранил верность совести, не подвергал сомнению свои убеждения несмотря ни на что. В этой связи Н. Бердяев

© Кутузова А. А., 2015

Кутузова Анастасия Александровна — магистрантка 2-го года обучения Сыктывкарского государственного университета по направлению «Отечественная история». azzazell-x@mail.ru

писал: «Русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование. Интеллигенция не есть социальный класс... Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь»². Именно к таким относится истинно российский интеллигент Яков Михайлович Захер (1893—1963), советский историк, исследователь Великой Французской революции в самых разных ее аспектах, который не смог пойти против своих наставников и впоследствии сам пострадал. Его учителями были выдающиеся советские историки Н. И. Кареев (1850—1931) и Е. В. Тарле (1874—1955), которые дали ему не только значительный багаж знаний, но и привили особые методы работы с источниками.

В период обучения на историко-филологическом факультете Петроградского университета (1918—1920) Я. М. Захер входит в круг общения уже известных и признанных на тот момент Н. И. Кареева и Е. В. Тарле. Н. И. Кареев внес в учебный процесс нововведение для студентов — «повышенный кружок», на котором рассматривались вопросы революционной истории Франции. В работе данного кружка участвовал и Я. М. Захер. «Повышенный кружок» Н. И. Кареева имел высокое значение в деле развития исторической науки, он был не просто возможностью получения знаний о истории, но местом воспитания, обучения, формирования определенного отношения к научной деятельности. В нем царил подлинный дух интеллигентности.

Подробно освещая процесс становления советской историографии, пришедшийся на 1920-е гг., А. В. Гордон неоднократно подчеркивает его противоречивость. С одной стороны, новые веяния в исторической науке заставляли по-иному смотреть на исторические факты. С другой стороны, эта историография складывалась не на пустом месте. В России уже существовала прочная академическая традиция изучения Французской революции историками «русской школы», имевшей широкое международное признание не только за качественность, тщательность научных изысканий, но также за уникальные разработки, подчас единственные в своем роде³.

Те историки-марксисты, чье профессиональное становление началось до 1917 г. (Н. М. Лукин, В. П. Волгин, Я. М. Захер,

П. П. Щеголев), успели приобщиться к этой традиции еще в семинарах своих университетских наставников. Впрочем, и более молодые их коллеги имели в 1920-е гг. возможность личного соприкосновения с представителями «русской школы», работая бок о бок в научных учреждениях Москвы и Ленинграда с Н. И. Кареевым, Е. В. Тарле, Е. Н. Петровым и др.⁴ Получение одобрения со стороны Кареева и Тарле послужило толчком для дальнейшего развития Я. М. Захера. Благодаря ходатайству Н. И. Кареева в 1921 г. Захер был оставлен на кафедре новой истории Петроградского университета. Русская историческая школа создавала, методично возвращала молодую советскую интеллигенцию, вставшую впоследствии во главе советской исторической науки.

Заложив основы, Н. И. Кареев — интеллигент высочайшего уровня — не оставлял своих учеников, но продолжал помогать им осваивать проблемы науки в их исследовательской деятельности, что не могло остаться незамеченным. Молодые историки в полной мере осознавали важность занятий, с глубокой благодарностью и признательностью принимали активное участие в работах семинара.

Для Кареева было крайне приятной новостью то, что в 1920 г. прежние участники его «повышенного кружка» решили возобновить занятия по исследованию вопросов рационалистической и революционной идеологии во Франции в XVIII веке⁵. Продолжение занятий семинара Кареева было связано с деятельностью Исторического исследовательского института при Петроградском университете, основанного в сентябре 1921 г.

Исторический исследовательский институт был первым по времени создания новыми властями Советской России историческим научным центром. Среди его действительных членов и научных сотрудников были Н. И. Кареев, Е. В. Тарле, Я. М. Захер и др. В 1923 г. в институте начали функционировать секции. Председателем секции «Новой истории стран Запада», организованной в феврале этого года, был избран Н. И. Кареев, его заместителем — Е. В. Тарле, секретарем — Е. Н. Петров (ученик Кареева). За время существования секции (до лета 1923 г.) было проведено 8 заседаний⁶. Н. И. Кареев поощрял своих учеников (П. П. Щеголева, Я. М. Захера и др.) в занятиях по овладению марксистским методом исследования истории.

Тесную связь между Н. И. Кареевым и участниками семинара отмечает В. А. Дунаевский. Он писал, что Кареев был яркой фигурой советской исторической науки, не порвавший, однако, со своим «буржуазным мировоззрением». Ряд историков, выдвинувшихся впоследствии, в том числе и Я. М. Захер, как было уже упомянуто, занимались в повышенном семинаре Н. И. Кареева, тем не менее в рамках своих работ им не удалось избежать ряда «серьезных ошибок», связанных, в первую очередь, с тем, что они находились в плену концепций Ж. Жореса, Г. Кунова и Н. И. Кареева⁷.

Влияние Н. И. Кареева прослеживается еще и в том, что, по словам Е. В. Киселевой, среди обилия книг о французской революции лишь работы Н. И. Кареева и Я. М. Захера⁸ всецело были посвящены такой важной проблеме, как поведение секций во время конфликта Коммуны и Конвента⁹. Виднейший немецкий историк В. Марков уже после смерти Захера писал о том, как Кареев помогал своему ученику в его увлечении народным движением во Франции, результатом чего стала его первая публикация «Парижские секции 1790—1795 гг. и их политическая роль и организация» (Пг., 1921). Именно он предоставил начинающему исследователю все необходимые документы и иные материалы, поддержал в написании и публикации работы¹⁰. В дальнейшем, после выхода работы Захера, Кареев опубликовал на нее рецензию, обращая внимание на то, что автор касался ранее мало изученных проблем периода Великой Французской революции, а также демонстрировал знание источниковой базы. Н. И. Кареев передал тему о «народных секциях» молодому ученому с надеждой, что он сможет в полной мере осветить ее. Именно Кареев настроил Захера на то, что исследовательскую работу нужно проводить тщательно, подробно, обладая достоверными документами и иными материалами. Всё это обуславливало необходимость научно-исследовательской командировки во Францию и работы там в национальном архиве¹¹.

Своеобразной благодарностью стало событие в рамках деятельности Исторического исследовательского института, посвященное золотому юбилею научной деятельности Н. И. Кареева. «Большое нравственное удовлетворение, — вспоминал юбиляр, — доставило и устройство в самом кружке празднования моего

пятидесятилетнего юбилея (13 июня 1923 года), которое некоторые из них ознаменовали участием своими работами в юбилейном сборнике под заглавием «Из далекого и близкого прошлого»¹²»¹³. В числе участников сборника среди таких ученых, как В. В. Струве, Д. П. Кончаловский, Д. М. Петрушевский и др., был и Захер¹⁴.

Особо эмоциональным, теплым и глубоко признательным было посвящение к сборнику. «Нас одобряют и поддержат множество русских людей всех возрастов и состояний, которые Вас знают, на жизнь и личность которых непосредственно — учением, общением, словом, письмом, — или посредственно, своими трудами, Вы оказали просвещающее, научное, идейное, общественное или моральное влияние»¹⁵, — именно так авторы сборника определили огромное влияние Н. И. Кареева на всех окружающих его людей. Еще они отметили, что не в состоянии дать какую-либо общую оценку деятельности Кареева, но сочли обязательным и необходимым заострить внимание на одной черте ученого: «Мы говорим о Вашей нерушимой вере в великое, руководящее и действенное значение науки как таковой, беспристрастном искании истины и освещения ею, по мере открытия, своих путей»¹⁶.

Участники сборника взяли на себя обязательство продолжить дело Н. И. Кареева в освещении истины, развитии исторической науки: «Делом Вашей жизни было непрестанное обнаружение такой высшей полезности науки для всех, и такое дело пропасть даром не может: семена заложены в почву, они прорастут, поднимется древо и даст плод»¹⁷. Авторы книги были прозорливы. Такое отношение и взаимоотношения между людьми возможны, если они выработали в себе высокие морально-нравственные качества, являющиеся основными чертами русской интеллигенции.

Полученные знания и навыки научно-исследовательской работы в полной мере проявляются в самостоятельной научной деятельности Я. М. Захера. В период с 1922 по 1928 г. он публикует большое количество работ, как монографий, так статей и рецензий (более 50 в общем списке). К середине 1920-х гг. молодой историк становится видным преподавателем и научным деятелем в Ленинграде. В 1926 г. Народный комиссариат просвещения присвоил Я. М. Захеру ученое звание профессора, а в январе 1927 г. было создано Ленинградское отделение Института

истории РАНИОН, в руководство которого были избраны Е. В. Тарле (член комиссии) и Я. М. Захер (ученый секретарь отделения). Началось сотрудничество Я. М. Захера и академика Е. В. Тарле. Научно-исследовательская, педагогическая, общественная деятельность Захера не могла остаться незамеченной. После установления советско-французских дипломатических отношений были созданы предпосылки для нового расширения научных контактов между Советским Союзом и Францией. Кроме Тарле, туда были командированы С. С. Бантке, О. Л. Вайнштейн, В. М. Далин, Я. М. Захер и др.¹⁸

Я. М. Захер получил право на научную командировку в Париж для работы в Национальном архиве и библиотеке на летний период 1927 г. Командировка была предоставлена Наркомпросом РСФСР по ходатайству Ленинградского университета. Материалы, собранные в Национальном архиве в Париже, позволили завершить труд, который и стал центральным в научном наследии Я. М. Захера — «Бешеные» (1931). Однако приближалось время, ставшее настоящим испытанием для силы, воли и совести молодого ученого.

18 февраля 1931 г. Н. И. Кареев скоропостижно скончался. Связь ученика и учителя оборвалась. Но усилия Кареева по обучению и воспитанию молодого поколения историков не канули в Лету. Как было отмечено выше, влияние учителя на ученика заключается не только в получении, усвоении знаний, навыков исследовательской работы, но также и в поведении ученика в жизни, в его отношении к происходящим событиям. Для Н. И. Кареева были крайне важны честность, искренность, справедливость и порядочность, интеллигентность. Эти черты унаследовали и его ученики, что проявилось в так называемом «Академическом деле».

«Академическое дело» 1929—1931 гг. стало поворотным не только для тех, против кого были выдвинуты обвинения, но также и для тех, кого планировали привлечь в качестве свидетелей обвинения, в том числе и Я. М. Захера. В связи с тем, что он был уже известным историком, сделавшим себе имя, ему было поручено выступить против Е. В. Тарле, в частности против его последних работ. Для Захера это означало выступить против своего коллеги, который, наряду с Н. И. Кареевым, помогал ему найти

свой путь в науке и дал толчок к дальнейшему развитию. Он не смог не рассказать об этом Тарле, и между ними состоялся серьезный и трудный разговор. Я. М. Захер отказался выступать против Тарле и написал заявление о добровольном выходе из партии. Этот поступок вызвал резкое осуждение его сослуживцев. Как оказалось, на день раньше написания добровольного заявления Захер был исключен из ВКП (б). 30 ноября 1929 г. решением комиссии по проверке членов и кандидатов в члены ВКП (б) ячейки историко-филологического факультета ЛГУ Захер был исключен из партийных рядов как «выходец из чуждой социальной среды» и человек, проявивший во время пребывания в партии «полную политическую неустойчивость»¹⁹.

С этого момента начинаются злоключения Я. М. Захера. Он был уволен из Ленинградского университета, но оставлен на работе в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Ему не воспрепятствовали, и он определяется по совместительству на должность профессора в Северном краевом педагогическом институте в Вологде. Захер упорно работал над подготовкой многочисленных лекционных курсов по новоевропейской истории в упомянутых вузах и «доводил до ума» исследовательскую монографию о «бешеных» временах Великой Революции.

Несмотря на то, что большая часть книги «Бешеные» была опубликована в научных журналах и сборниках, Я. М. Захер с большим нетерпением ожидал выхода самой монографии, которую планировал защитить в качестве докторской диссертации. Знаток этой проблематики В. Марков констатировал, что в 1930 г. в Ленинграде в частичных публикациях в журнале «Под знаменем марксизма» и других журналах вышел сборник исследований Захера, в котором была выделена главная работа «Бешеные», *единственная до сегодняшнего дня, которая дает полную научную картину данного движения*²⁰. Работа была опубликована, но почти сразу вслед за ней появилась разгромная рецензия в журнале «Историк-марксист». Автор рецензии обращает внимание на то, что присутствует только «общая, не вполне ясная концепция Я. М. Захера», «неубедительная аргументация» выступает в качестве словесности, «в которой автору приходится верить на слово, которая нисколько не помогает понять действительность и в которой, наоборот, способен запутаться читатель,

как путается сам автор»²¹. Однако, несмотря на доминирование негативных оценок монографии, всё же указывалось, что «книга советского историка — это первая монографическая работа о бешеных»²². Рецензия появилась в самый разгар «дела историков» С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле²³.

Одновременно в конце 1930 г. в Ленинграде шла подготовка к объединенному заседанию Института истории ЛОКА и местного отделения общества историков-марксистов по разгрому школы Е. В. Тарле и С. Ф. Платонова, от участия и выступления на котором Я. М. Захер наотрез отказался. Ни один день заседания, проходившего 29 января, 1, 12 и 16 февраля, Захер не посетил. Данный поступок спровоцировал крайнее негодование его коллег, что привело к тому, что историка заставили написать покаянное письмо в адрес организаторов совещания. Однако и этого было недостаточно. Захера вынудили также выступить в Вологде 11 мая 1931 г. на тему «О моих ошибках». После этого никакой речи о дальнейшей научной карьере не могло идти. В июне 1933 г. Наркомпросом Я. М. Захеру было отказано в совместительстве в Вологде. В течение пяти лет Яков Михайлович пытался восстановить свое имя, быть причастным к научному миру, но, даже несмотря на помощь коллег, его стремления не увенчались успехом.

1 октября 1938 г. Захер был арестован. Спустя пятнадцать долгих лет, в 1953 г. он был освобожден и лишь в 1956 г. полностью реабилитирован.

Несмотря на значительное время, отделявшее Я. М. Захера от своего учителя, после освобождения, реабилитации и возвращения к научной и преподавательской деятельности, он по-прежнему придерживался заветов Н. И. Кареева. Историк никогда не позволял себе говорить о временах заключения, обвинять кого-либо или требовать признания своих страданий. Для него это было неприемлемым. Он по-прежнему был верен исторической науке и делал всё, чтобы в полной мере встать «в строй».

Осенью 1956 г. Я. М. Захер появился на историческом факультете Ленинградского университета. Он объявил специальный курс о движении «бешеных» и спецсеминар по той же проблематике. К нему записалось несколько студентов, в том числе А. В. Гордон. Его воспоминания являются весьма ценными

для нашей темы: «Я был на III курсе и осенью 1956 года записался слушать спецсеминар и семинар Я. М. Мы знали, что он после ГУЛАГа, и его облик носил черты этого. Он выглядел несколько скованным и в прямом и переносном смысле. Тяжело двигался, видимо, из-за веса. Толстым он, однако, не казался. Поворачивался он всем корпусом. Поразили его черты: и взгляд, и голос. Как бы застывший, пронзительный и завораживающий, взгляд был суровым, но не жестким, а скорее добрым, грустным, но не скорбным...»²⁴

Для Я. М. Захера было важным возобновление связей с советскими и зарубежными коллегами. Особо А. В. Гордон отмечает его тесное взаимодействие с зарубежными историками, в частности с Ричардом Коббом²⁵. Возникший союз не был новым явлением. Он воспроизводил ту высокую степень сотрудничества, которая была достигнута в 1920-х гг. между направлением А. Матьеза, основанного им Общества робеспьеристских исследований и журнала «*Annales historiques de la Révolution française*», с одной стороны, и советскими историками — с другой.

Именно контакты с А. Собулем, Дж. Рюде, Р. Коббом, В. Марковым, а также с учеными из Франции (М. Булуазо), Англии (Б. Роузом), Норвегии (К. Тенессоном) и США (М. Славиным), присылавшими журналы, отписки своих статей и книги, позволили Я. М. Захеру полноценно и в кратчайший срок вернуться к науке. Присылаемой литературой пользовались его коллеги и ученики²⁶.

Я. М. Захер стремился восполнить потери в общении и с советскими учеными, как с состоявшимися историками, так и с молодым поколением, которому он помогал так же, как и Н. И. Кареев. Связь учителя и ученика проходит красной нитью по всей жизни Я. М. Захера — это выражается и в научной деятельности, и в жизненной позиции, которую он в дальнейшем стремился передать ученикам и младшим коллегам.

Настоящий интеллигент ставит своей целью не простое существование в обществе, но передачу знания, отношения, восприятия, идей, которые складываются в некую основу существования человека как существа думающего. Осознание важности сохранения прошлого для настоящего и будущего в его истинном виде, понимание окружающей действительности, честность

и объективность — это важные составляющие настоящего ученого и настоящего интеллигента. Ведь именно с деятельностью интеллигенции напрямую связано развитие образования, науки и всего общества в целом.

Примечания

- ¹ См.: *Лыкова Е. Ю.* Исследователи истории Франции и власть : (по материалам «Французского ежегодника» 2002 г.) // ЕВРОПА : междунар. альм., 2005. Вып. 5. С. 198—212. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/recenfe2002.html> (дата обращения: 07.10.2015).
- ² *Бердяев Н.* Русская идея : (основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, 1946. URL: http://qame.ru/book/philosophy/russkaya_idea/ (дата обращения: 07.10.2015).
- ³ См.: *Чудинов А. В.* На руинах памяти : о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в. // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 395—409.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 284.
- ⁶ *Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941. М., 1974. С. 209.
- ⁷ Там же. С. 99.
- ⁸ *Кареев Н.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. СПб., 1914 ; *Захер Я. М.* 9 термидора. Л., 1926.
- ⁹ *Киселева Е. В.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора // Французский ежегодник, посвященный 200-летию Великой французской революции, 1987. М., 1989. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Kiseleva-87.doc> (дата обращения: 07.10.2015).
- ¹⁰ См.: *Золотарев В. П.* Яков Михайлович Захер (1893—1963 г.) // Портреты историков : время и судьбы : в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 334—345.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Из далекого и близкого прошлого : сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. М. ; Пг., 1923.
- ¹³ Там же. С. 285.
- ¹⁴ *Захер Я. М.* К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами // Из далекого и близкого прошлого. С. 300.
- ¹⁵ Цит. по: Из далекого и близкого прошлого. С. 5.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁸ *Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 32.

- ¹⁹ См.: *Золотарев В. П.* Указ. соч.
- ²⁰ *Марков В.* На смерть Якова Михайловича Захера // *Sonderdruck der Zeitschrift für geschichtswissenschaft.* XI Jahrgang. 1963. Heft 7. P. 1350—1352.
- ²¹ См.: *Историк-марксист.* 1930. № 18/19. С. 206—207.
- ²² Там же. С. 205.
- ²³ *Золотарев В. П.* Указ. соч.
- ²⁴ Цит. по: Там же.
- ²⁵ *Гордон А. В.* Встречи с В. М. Далиным // *Французский ежегодник, 2002.* М., 2002. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2002.html> (дата обращения: 20.11.2013)
- ²⁶ *Гордон А. В.* Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада : (история с Ричардом Коббом) // *Французский ежегодник, 2007.* М., 2007. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2007.html> (дата обращения: 20.11.2013).

ББК 63.3(4)41-283.2

А. В. Пикин

РИМСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ СЕРЕДИНЫ — КОНЦА V ВЕКА НА СЛУЖБЕ ВАРВАРОВ: СОХРАНЯЯ ТРАДИЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В течение V века Римская империя переживала один из глубочайших кризисов в своей истории. Проблемы преследовали римлян практически во всех сферах общественной жизни. Пожалуй, только в области культуры римляне не чувствовали своего

© Пикин А. В., 2015

Пикин Андрей Валентинович — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. andrewvpikin@gmail.com

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

упадка. Интеллектуальное наследие предыдущих веков античности в ту эпоху переосмыслялось, и находились новые идеи, новые вызовы для римлян. Одним из таких вызовов стало создание на землях, некогда принадлежавших Риму, варварских королевств.

Период образования варварских королевств грозил стать временем политического вакуума, когда старые правители уже не управляли территориями, а новые владыки еще только учились управлять землями, заселенными бывшими подданными Империи. Новые властители были зачастую совершенно некомпетентными в этом деле, и потому они решаются на привлечение к себе на службу римлян. Можно привести в качестве примера мнение Атаульфа, одного из первых королей готов, получивших от Рима земли в управление: «На большом опыте он [Атаульф] убедился, что ни готы не могут повиноваться законам из-за своей неукротимой дикости, ни государство не может быть лишено законов, ибо без них государство — не государство»¹. Осознав это, Атаульф стремится «обрести себе славу человека, восстановившего в цветущем состоянии и укрепившего силами готов римское имя, и стать для потомков инициатором восстановления Римского государства, после того как не смог сделаться его преобразователем»². Вслед за Атаульфом и другие правители варваров стараются стать частью римского общества. Кроме того, короли варваров институализируются в Римском мире: происходит формальное принятие ими римских титулов. Варвары, всячески стремясь подчеркнуть римскую составляющую своей власти, старались походить на римлян³, сохраняя и укрепляя римские формы управления государством. Для этого варварские короли привлекали к себе на службу аристократов-интеллектуалов, знакомых с принципами управления государством⁴.

Римляне в свою очередь пытались «цивилизовать» варварские порядки, привнести в них элементы римской культуры. Римские аристократы той эпохи отдавали себе отчет, что им придется заниматься, по большей части, невоенными задачами. Ярче всего подобная мысль выражена у Эннодия, писателя конца V — начала VI века⁵. Однако на этом поприще они одерживают победы с помощью своей образованности. Риторское образование, полученное многими аристократами, делало из них подлинных интеллектуалов своего времени. Среди прочего, они занимались

и вопросами внешней политики варварских королевств и внешнеполитического общения.

Начиная с последней четверти IV века *gentes*, различные племена варваров, включаются в юридические отношения с римским государством⁶. Принимая на себя обязанности федератов, варвары также соглашались с формой существования, принятой в Империи между центром и периферией. Однако для нормального взаимодействия с Империей варварам было необходимо знать, как устроена и функционирует римская государственная машина. И никто, кроме самих римлян, постоянно размышлявших как о природе государства, так и об искусстве управления, не мог дать на этот вопрос ответа.

Мы будем рассматривать тех государственных деятелей варварских королевств, римских аристократов по происхождению, которые либо не получили внимания в отечественной науке, либо крайне редко фигурировали в качестве руководителей внешней политики варваров. Однако прежде чем приступить к анализу и оценке деятельности римских интеллектуалов на службе у варваров, нам необходимо рассмотреть, кто в Империи занимался внешней политикой.

Этот вопрос довольно хорошо изучен в исторической науке, поэтому позволим себе дать лишь небольшой обзор. Основную роль во внешней политике Империи играл император. Он лично контролировал ход переговоров, встречался с послами, составлял дипломатические письма и пр. Однако более важной фигурой в некоторых случаях стоит признать *magister officiorum* (магистра оффиций). Будучи «главой придворной бюрократии»⁷, магистр должен был заниматься различными вопросами, начиная от контроля за содержанием приграничных гарнизонов и заканчивая согласованием писем императора и кандидатур посланников. Довольно подробный анализ деятельности этих придворных чиновников содержится в работе А. Э. Р. Боука, непосредственно посвященной должности магистра оффиций⁸. Мы перечислим лишь основные моменты, связанные с их участием во внешней политике.

Магистру подчинялись придворные писцы, а следовательно, через его ведомство проходила практически вся официальная придворная переписка⁹, в том числе и дипломатическая¹⁰. Кроме того, магистр контролировал иностранные посольства

с момента пересечения ими границы Империи¹¹. Он обеспечивал безопасность послов, быстрое перемещение по землям римлян. Другой его важной обязанностью в отношении иностранных посланников была организация аудиенций послов у императора, раздача послам подарков и т. п.¹² Магистр должен был утверждать состав посольства ромеев к иностранным властителям, и порой сам выступал в качестве посла¹³. Всё вышесказанное дает представление о том влиянии, которым обладал магистр официий в международных делах: по сути, он непосредственно контролировал всю внешнюю политику Империи.

Римлянином, достигшим наибольших результатов на службе у варварского правителя в качестве деятеля внешней политики необходимо признать Ореста¹⁴, придворного Аттилы и отца последнего императора Запада Ромула Августула¹⁵. Он родился в Паннонии в первой четверти V века. Орест, несомненно, принадлежал к высшему римскому обществу и практически наверняка имел лучшее образование, которое возможно было получить человеку такого уровня. Стоит отметить, что его отцом был Татул, о котором известно мало, а тестем — Ромул, который на момент 449 года «имел достоинство комита»¹⁶, довольно высокий в Империи ранг. Жизнь Ореста имеет много белых пятен, но мы с большой уверенностью можем судить о его карьере. Она была практически полностью связана с варварами. Согласно сообщению Анонима Вalezия, Орест приглянулся Аттиле в период пребывания последнего в Италии¹⁷. Порой исследователи интерпретируют это сообщение в том смысле, что Орест присоединился к Аттиле в период его вторжения в Италию в 452 году¹⁸. Однако это плохо согласуется с сообщениями Приска Паннийского, утверждавшего, что Орест уже давно служил Аттиле и неоднократно бывал одним из посланников в Константинополь в 448—449 годах¹⁹. Кроме того, Приск называет Ореста среди наиболее влиятельных людей гуннской державы²⁰. Скорее всего, Орест попадает на службу к Аттиле в 432—434 годах. Он находился в Италии, где, вероятнее всего, и получал образование. В это время происходила война между западноримскими полководцами Бонифацием и Аэцием. Последний привлек на свою сторону гуннские отряды²¹, во главе которых мог стоять Аттила.

Чтобы иметь возможность быть посланником Атиллы, Орест должен был показать себя, некоторое время исполнять одну из высших должностей в державе гуннов. Хотя титул его и понимается римлянами как нотариий²², однако крайне трудно представить, чтобы он был лишь секретарем Аттилы. Когда Приск упоминает Ореста, он не сообщает о второстепенном статусе паннонца. Наоборот, Орест ставится в один ряд с Эдеконом и Ислой, совместно с которыми он осуществлял посольские миссии.

Для Империи характерна практика, согласно которой, чтобы иметь возможность быть послом, необходимо исполнять одну из высших должностей, либо стать консулом за несколько лет до назначения посланником²³. О ней Аттила знал и сам руководствовался схожими соображениями. Все упоминаемые Приском по имени посланники Аттилы к Константинопольскому двору входили в его ближайшее окружение²⁴. Но благодаря чему Орест столь возвысился при дворе гунна? Вигила, говоря о нем, отмечает, что «Орест был домочадцем и писцом Аттилы»²⁵, причем никак или практически никак он не был связан с военным делом, столь высоко ценимым гуннами²⁶. Это позволяет нам предполагать, что на службе у Аттилы паннонец занимался гражданскими и международными делами, причем занимался с успехом. В этом ему, несомненно, помогали знания и навыки, полученные еще в школе риторов.

Орест был хорошо известен при константинопольском дворе. Задумав убийство Аттилы, придворные Феодосия решили подкупать не Ореста, а Эдекона, его коллегу по посольской миссии: вполне возможно, что Орест был известной «величиной» и не согласился бы убивать правителя гуннов, а вот Эдекон точно не был известен двору Феодосия Младшего²⁷, хотя и занимал довольно близкое к Аттиле положение.

Всё вышесказанное позволяет нам предположить, что Орест был фактически руководителем внешней политики, своеобразным «министром иностранных дел»²⁸ гуннов. Практически вся деятельность Ореста на службе у Аттилы связана с внешней политикой: он сам был посланником, дошел до какого-то высокого ранга благодаря невоенным успехам, участвовал в пирах у Аттилы, где также присутствовали посланники других народов, и т. п. Вполне возможно, что Орест контролировал и саму процедуру

переговоров, стараясь перенести римские традиции приема послов на варварскую почву.

О дальнейшей судьбе Ореста мало что известно. Вполне возможно, что он принимал участие в западных походах Аттилы и конкретно в Итальянском походе, конец которого ознаменовался посольством папы Льва²⁹. Источники говорят об участии в переговорах лишь Аттилы, не упоминая никого кроме правителя гуннов. После смерти Аттилы и падения его империи, Орест теряется из поля зрения и вновь появляется около 475 года, когда новый император Юлий Непот назначает его *magister militum* и дарует титул патриция. В конце концов Орест отстраняет Непота и ставит императором своего сына Ромула Августула. После восстания войск в 476 году Ореста вместе с братом убивают, Ромула же отправляют на юг Италии в почетную ссылку.

Кроме Ореста, связанного с гуннской державой, на Западе было еще несколько римских интеллектуалов, занимавших довольно значимое место в области внешней политики при королях-варварах. Наиболее широко известен пример Кассиодора Сенатора, одного из интеллектуальных светочей Остготского королевства и ближайших сподвижников короля Теодориха Великого³⁰. Кассиодор оставил после себя знаменитые *Variae*, в которые, помимо всего прочего, включил также переписку короля с правителями других держав³¹. Кроме того, Кассиодор некоторое время исполнял должность магистра официий при дворе остготского правителя. Будучи магистром официий, Кассиодор проявлял себя как подлинный римский интеллектуал, стараясь сохранять все достижения римской мысли даже под властью варваров-остготов³². Должность эта, как уже отмечалось выше, предполагала участие в переговорах с иностранными послами и контроль за международной перепиской³³. К сожалению, нам неизвестно, был ли посланником сам Кассиодор Сенатор, однако его дед³⁴, бывший трибуном и нотарием при императоре Валентиниане III, совместно с сыном Аэция Карпилионом являлся послом к гуннам. По итогам миссии дед, которого звали также Кассиодором, получил титул *illustris*, что и позволило роду Кассиодоров закрепиться в политической верхушке западной империи.

Другим примером является деятельность Льва Нарбонского³⁵, одного из советников правителя вестготов Эвриха. Представитель

галло-римской знати, получивший прекрасное юридическое образование, Лев довольно долгое время занимал высокие посты в королевстве вестготов. Так, *Житие Епифания*, повествующее о посольстве Епифания, епископа Тицина (совр. Павия) к Эвриху в 474 году³⁶, сообщает, что Лев был руководителем советников. Григорий Турский упоминает Льва в качестве приближенного (*consiliario*) Алариха II³⁷. Кроме того, Лев известен нам из писем Сидония Аполлинария, корреспондентом которого он был.

Сидоний называет Льва одним из влиятельнейших придворных Эвриха. По словам Аполлинария, Лев уже в 60-х годах V века был *vir spectabilis*³⁸, т. е. обладал довольно высоким статусом. В письмах Льву, написанных в 477—478 годах, Сидоний говорит о его обязанностях при дворе. Лев должен был участвовать в советах Эвриха, где обсуждались вопросы войны и мира, переговоров со многими народами³⁹. Так же Лев, известный своим красноречием, и даже получавший призы за этот свой талант, составлял речи для Эвриха, среди которых были и дипломатические: Сидоний упоминает некие заморские племена, адресаты этих речей⁴⁰. Интересно отметить замечание Эннодия о том, что Эврих говорил на «неведомом наречии», а ответ этого короля Епифаний получил через переводчика⁴¹, которым, возможно, также был Лев. Мы предполагаем, что он контролировал процедуру непосредственного приема послов королем вестготов. Лев, прославившийся на юридическом поприще⁴² и, вероятно, знавший процедуру приема и отправления посольств, должен был встречать посольства в качестве главы советников Эвриха, назначать день общения и заниматься организацией приема⁴³. Также, согласно некоторым оговоркам *Жития Епифания*, Лев был одним из присутствующих при общении послов с правителем.

Как мы видим, функции Льва при дворе во многом схожи с обязанностями магистра оффиций⁴⁴. Хотя формально этой должности при Эврихе Лев не занимал, даже описание его деятельности говорит о том, что подобный чиновник, знающий свое дело и готовый содействовать сохранению знаний, был необходим варварским правителям, и готам в частности. Однако стоит отметить, что Лев лично не участвует в посольских миссиях к другим народам (либо сведения об этом не сохранились), а ограничивается участием в посольствах в качестве советника принимающей стороны.

Еще одним римским интеллектуалом, выполнявшим функции, сходные с магистром оффиций, был Лаконий⁴⁵, приближенный бургундского короля Гундобада. Бургундское королевство, как считается, сохранило значительно больше римских порядков и обычаев управления, чем иные королевства варваров⁴⁶. Вообще, короли бургундов, можно сказать, разделяли взгляды, что образованная аристократия — залог прочности государства и сохранения законности⁴⁷.

Но о самом Лаконии известно не так много, как о Кассиодоре, Оресте или Льве Нарбонском. Однако факты, о которых мы знаем, говорят о его высокой вовлеченности в дела бургундского двора, в том числе и связанные с внешней политикой. Лаконий был одним из близких советников короля бургундов, дававшим ему советы по вопросам религии и благочестивого поведения⁴⁸. *Житие Епифания* сообщает, что епископ Тицина отправился в королевство бургундов освободить пленных, захваченных варварами во время их набега. С этой просьбой Епифаний обращается к королю Гундобаду. Некоторые замечания *Жития* позволяют предполагать, что в момент изложения послом вопроса Лаконий присутствовал в помещении, выбранном для переговоров⁴⁹. Это свидетельствует о его высоком статусе при дворе — лишь немногие имели право присутствовать при непосредственном общении короля и посланника⁵⁰. Детализировать решение правителя бургундов, т. е. составить списки пленных, подлежащих освобождению по итогам переговоров, должен был также Лаконий, как один из наиболее компетентных и знающих чиновников.

Итак, все рассмотренные нами римские интеллектуалы занимались чем-то схожим, в той или иной степени, с деятельностью магистра оффиций. Большое сходство, повторимся, мы наблюдаем у Ореста. Мы считаем, что римляне, поступая на службу к варварским правителям, старались воспроизводить те формы общественных отношений, которые были им близки и знакомы по предыдущему опыту существования в Империи. Пройдя обучение в риторских и юридических школах, они помогали сохранять формулы предыдущих эпох в дипломатической переписке, а также при личном общении между посланниками и правителями. Порой римлянам на варварской службе приходилось детализировать довольно краткие решения варваров. Однако рассматриваемые нами

персоны римских интеллектуалов не фигурируют в источниках в качестве полностью самостоятельных деятелей, они лишь доносят решения правителя варваров до посланников или адресатов писем в общепринятой для тех времен формулировке. По существу их деятельность в области внешней политики видится в контроле за соблюдением процедурных нюансов. Деятельность эта позволила римским обычаям и традициям, трансформируясь, пережить падение империи на Западе и встроиться в практики королевств варваров раннего Средневековья.

Примечания

- ¹ См.: *Павел Орозий*. История против язычников : кн. VII. 43, 6 // Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2003. Кн. VI—VII.
- ² Там же.
- ³ Подробнее о форме и соотношении «римского» и «варварского» в образе правителей варваров см.: *Бойцов М. А.* В шкурах или в пурпуре? : к облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46—87.
- ⁴ *Heather P.* The Emergence of Visigothic kingdom // *Fifth-Century Gaul: a Crisis of Identity?* Cambridge, 2002. P. 89—94.
- ⁵ См. подробнее: *Тюленев В. М.* Слово против меча: новое содержание *Romanitas* у Эннодия // *Antiquitas Aeterna*. 2014. Вып. 4. С. 305—317.
- ⁶ *Коростелин В. А.* Договорные отношения позднеримской империи с варварами // *Вопросы истории*. 2006. № 8. С. 38—49.
- ⁷ *Kelly Ch.* *Ruling the Late Roman Empire*. Cambridge, 2004. P. 15.
- ⁸ *Boak A. E. R.* *The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires*. London, 1919.
- ⁹ *Bury J. B.* *Magistri Scriniorium, ἀντιγραφῆς and βεφερενδάριοι* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. Vol. 21. P. 29.
- ¹⁰ *Boak A. E. R.* *Op. cit.* P. 96.
- ¹¹ *Ibid.* P. 93.
- ¹² *Ibid.* P. 94—95.
- ¹³ *Ibid.* P. 9.
- ¹⁴ *Orestes 2* // *The Prosopography of the Later Roman Empire : vol. II. A.D. 395 — 527* by Martindale J. R. Cambridge, 1980. P. 811—812 (далее — PLRE II).
- ¹⁵ *Romulus Augustus 4* // PLRE II. P. 949—950.
- ¹⁶ *Приск Панийский*. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861 (далее — *Prisc*). Греческие термины сверены по изданию: *Prisci fragmenta* // *Historici Graeci Minores*. Leipzig, 1870. P. 275—352.

- ¹⁷ *Anonymus Valesii*. Pars posterior : Chronica Theodoriana, 8.38 // Monumenta Germaniae Historica : Auctores Antiquissimi 9. Berlin, 1892. P. 310 (далее — MGH AA).
- ¹⁸ Мэнхен-Хелфен критикует подобное разрешение вопроса. См.: *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley, 1973. P. 105—106.
- ¹⁹ Prisc. 8—9.
- ²⁰ О влиянии Ореста при дворе см.: *Maenchen-Helfen O. J.* Op. cit. P. 192—193 ; *Шувалов П. В.* У истоков средневековья: двор Атиллы // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 133.
- ²¹ *Prosper Tiro*. Epitoma chronicon, 1310 // MGH AA 9 ; Chronica Gallica 452. 112 // MGH AA 9.
- ²² Notarius (*Anonymus Valesii*. Op. cit.), ύπογραφεύς (Prisc. 7).
- ²³ Приск приводит нехарактерный пример Максимиана, которого император выбирает на роль посланника к Атилле в 448 году. Источник (Prisc. 8) приводит выдержку из послания Феодосия II к Атилле (вполне возможно, это письмо по типу относится к верительным грамотам), где Максимиана называют «самым близким к царю». Причем о самом Максимиане до этого назначения неизвестно, чтобы он занимал должность консула или магистра милитум, или какой-либо равной этим двум по месту в табели о рангах Поздней империи. Фактически, это была афера с целью доказать, что Максимин имел более высокий ранг, чем Вигила, который согласно этому письму «был только переводчиком». Впрочем, есть и другое мнение. См.: *Gračanin H.* The Western Roman embassy to the court of Attila in A.D. 449 // *Byzantinoslavica*. Prague, 2003. Vol. 61. P. 54—55, n. 7.
- ²⁴ *Шувалов П. В.* Указ. соч. С. 133.
- ²⁵ Prisc. 8.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Prisc. 7.
- ²⁸ Мы не называем его должность сходной с магистром официий хотя бы потому, что неизвестна его роль в гражданских делах, которыми магистр официий должен был заниматься так же плотно, как и международными.
- ²⁹ *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411—533. Cambridge, 2003. P. 114—115.
- ³⁰ Подробнее о нем и о его *Variae* см.: *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С. 73—109 ; *Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире : Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.

- ³¹ О международной переписке Кассиодора см.: *Gillett A.* Op. cit. P. 174—190.
- ³² Подробнее о его взглядах на сохранение римской идентичности и иной политической деятельности см.: *Шкаренков П. П.* *Translatio Imperii* : Флавий Кассиодор и римская традиция в остготской Италии // *Новый исторический вестник* . 2005. № 13. С. 5—22.
- ³³ *Boak A. E. R.* Op. cit. P. 93—98.
- ³⁴ *Cassiodorus 2* // *PLRE II*. P. 264.
- ³⁵ *Leo 5* // *PLRE II*. P. 662—663.
- ³⁶ О дате посольства см.: *Gillett A.* Op. cit. P. 284—285.
- ³⁷ *Gregorius Turonensis*. Liber in gloria martyrum. 91 // *MGH: Scriptores Rerum Merovingicarum 1*. Hannoverae, 1969. Отметим также, что у Эннодия в *Vita Epiphani* Лев назван consiliorum principis moderator et arbiter.
- ³⁸ Ссылки на Сидония здесь и далее приводятся по изданию его произведений в *Monumenta Germaniae Historica: Sidonius Apollinaris*. Epistulae et carmina // *MGH AA 8*. Berlin, 1887 (далее — *Sid. Apol.*). Определение Льва как спектабиля см.: *Sid. Apol. Carmina XIV, 2*.
- ³⁹ *Sid. Apol.* Epist. IV, 22.3.
- ⁴⁰ *Seponē pauxillulum conclamatissimas declamationes, quas oris regii vice conficis, quibus ipse rex inclitus modo corda terrificat gentium transmarinarum...* (*Sid. Apol.* Epist. VIII, 3.3).
- ⁴¹ *Magnus Felix Ennodius*. Vita Epiphani, 89 // *MGH AA 7*. Berlin, 1885 (далее — VE.).
- ⁴² *Leo 5* // *PLRE II*.
- ⁴³ По крайней мере, подобное говорится Эннодием при рассказе о посольстве Епифания в Тулузу (VE. 85).
- ⁴⁴ *Ешевский С. В.* К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // *Сочинения С. В. Ешевского*. М., 1870. Ч. 3. С. 314.
- ⁴⁵ *Laconius* // *PLRE II*. P. 653.
- ⁴⁶ *Todd M.* *The Early Germans*. Oxford, 2004. P. 200—201.
- ⁴⁷ *Тюленев В. М.* Риторическое знание в системе взглядов Эннодия // *Наука и школа*. 2012. № 6. С. 157.
- ⁴⁸ VE. 168.
- ⁴⁹ VE. 169.
- ⁵⁰ *Бойцов М. А.* Указ. соч. С. 58—60. Рассуждения М. А. Бойцова относятся, в первую очередь, к королю вестготов Теодориху II, однако мы считаем, что их можно экстраполировать и на других варварских властителей.

А. И. Басова

ДЖОАН ЛЮ — БИОГРАФИЯ ЛИДЕРА

На современном этапе развития международных отношений всё большую роль начинают играть не президенты, политики или дипломаты, а лица, иногда не имеющие никакого отношения по роду своей деятельности к политической сфере. Среди них всё чаще встречаются деятели искусств, спортсмены, известные бизнесмены, врачи, профессора, работники гуманитарных и других организаций. Рейтинги, составляемые такими видными средствами массовой информации, как журнал «Time», ежегодно пополняют ряды самых влиятельных людей и лидеров мира представителями вышеуказанных профессий.

Одной из таких выдающихся личностей в наши дни является Международный президент организации «Врачи без границ» (MSF) доктор Джоан Лю. Ее имя стало известно по всему миру после того, как она вступила в должность в 2013 году и начала работу по борьбе с лихорадкой Эбола, эпидемия которой разразилась в Западной Африке в конце того же года.

О докторе Лю писали в разных журналах, однако ни один из них не давал полную ее биографию. В основном, в статьях упоминалась ее работа в качестве рядового сотрудника «Врачей без границ», назначение на высокую должность Международного президента MSF, о ее заслугах в борьбе с лихорадкой Эбола, а также приводились интервью по случаю получения ею награды

© Басова А. И., 2015

Басова Арина Игоревна — студентка 4-го курса исторического факультета Ивановского государственного университета (отделение «Международные отношения»). basova.a.i@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

какого-либо фонда, журнала или организации. Поэтому целью данной работы будет краткое описание жизни доктора Лю, ее роста как профессионала и путь от простого медицинского работника MSF до человека, который входит в число наиболее влиятельных людей и даже лидеров мира. Кроме того, будут выделены основные черты ее характера, позволившие ей стать тем, кем она является сейчас.

Госпожа Лю родилась в Квебеке (Канада) в семье китайских эмигрантов, и уже в 13 лет решила, что хочет помогать людям в самых отдаленных уголках планеты. Этому способствовала книга, написанная врачом, работавшим с MSF во время вторжения СССР в Афганистане¹. С этого момента будущая доктор Лю начала работу над воплощением своей мечты.

После окончания средней школы Д. Лю присоединилась к организации «Катимавик»², чтобы приобрести опыт в общественно-полезных работах. Поступив в Университет Макгилла в 1987 году, она продолжала развивать свои навыки в сфере общественно-полезной деятельности и отправилась в Мали от организации «Crossroads International»³. Эта поездка помогла ей понять, что она хочет стать педиатром, а также помогать людям в развивающихся странах⁴. Доктор Лю закончила аспирантуру по направлению неотложной педиатрической помощи в Нью-Йоркском университете. Затем она вернулась в Университет Макгилла и прошла там магистратуру по управлению в области здравоохранения, после чего получила степень доцента в Университете Монреаля, а также некоторое время преподавала в Фуданьском университете в Шанхае.

В 1996 году Джоан Лю присоединилась к организации «Врачи без границ». За 19 лет работы в MSF она побывала в двадцати странах мира, в самых отдаленных уголках планеты, где в ее помощи нуждались тысячи больных. Каждая отдельная миссия была по-своему сложна и опасна, доктор Лю работала в тяжелых условиях и под звуки выстрелов в таких государствах, как Кения, Демократическая Республика Конго, Гондурас, Гаити, Эфиопия, Нигерия, Индонезия, Уганда, Судан, Шри-Ланка и даже на территории Палестины. С 1999 по 2002 год Джоан Лю руководила некоторыми программами «Врачей без границ», а в 2003 году она вернулась в Монреаль и заняла пост президента

канадского отделения MSF. В 2009 году доктор Лю вошла в число членов Международного совета «Врачей без границ» в Швейцарии⁵.

Нельзя не отметить и тот факт, что госпожа Лю не только работает на благо нуждающегося в медицинской помощи населения развивающихся стран вместе со своими коллегами из MSF, но и является штатным детским реаниматологом в Университетском клиническом центре Сент-Жюстин и Центре здравоохранения университета Монреаля. Кроме того, она преподает в своей альма-матер — Университете Макгилла.

Доктор Лю является лауреатом нескольких очень престижных премий. Так, будучи студенткой, она получила гуманитарную премию имени Терри Фокса от правительства Канады в 1988 году, а в 2005 году гуманитарную премию Ротари-клуба Монреаля⁶. В 2011 году Джоан Лю удостоилась награды от Молодежной женской христианской организации «Женщина со знаком отличия» (Woman of Distinction) за деятельность на благо общества. На этом достижения доктора Лю не заканчиваются. В 2013 году она получила гуманитарную премию «Teasdale-Corti» от Королевского колледжа терапии и хирургии Канады. Хочется отметить, что один из номинантов даже написал организаторам о своей радости, что именно доктор Лю была признана лауреатом этой премии⁷. Подобные оценки коллег очень важны, поскольку это показывает значимость работы Джоан Лю и то, что она является уважаемым медиком и специалистом в своей области, а не только успешным сотрудником организации «Врачи без границ».

Помимо того, что доктор Лю стала лауреатом нескольких престижных премий, она также входит в число авторов проекта MSF по телемедицине, который позволяет сотрудникам организации «Врачи без границ» в 150 удаленных точках планеты при необходимости связаться с ведущими медицинскими специалистами мира.

Как уже отмечалось ранее, имя доктора Лю стало всё чаще упоминаться в СМИ после того, как «Врачи без границ» объявили о быстром распространении лихорадки Эбола на территории государств Западной Африки. Эта организация была одной из первых, кто обратил внимание на проблему и забил тревогу. В данном случае вклад Джоан Лю в привлечение не только

Всемирной организации здравоохранения, в чьи обязанности борьба с эпидемиями входит по определению, но и всей Организации Объединенных Наций в целом, нельзя недооценивать.

Эпидемия лихорадки разразилась в конце 2013 года, однако лишь летом 2014 года этому событию был присвоен статус чрезвычайной ситуации международного значения, в том числе благодаря усилиям доктора Лю. 30 июля 2014 года на встрече в штаб-квартире ВОЗ Джоан Лю вместе со своими коллегами настаивала на том, чтобы глава организации наконец признала, что ситуация вышла из-под контроля. «У Вас есть право и власть присвоить этому статус экстренной ситуации... Вы должны взять на себя ответственность», — именно так доктор Лю обратилась к Маргарет Чан, генеральному директору ВОЗ⁸. После этой встречи, уже 8 августа эпидемии лихорадки Эбола официально был присвоен статус чрезвычайной ситуации международного значения. Однако на этом столкновения доктора Лю и главы ВОЗ не закончились.

Согласно материалам газеты «Economic Times», уже после того, как международные организации, включая MSF, добились своего, ВОЗ проводила политику, в соответствии с которой эпидемия не считалась крайне опасной. Так, на территории государств, нуждавшихся в помощи, врачи Всемирной организации здравоохранения не всегда могли добраться до места назначения и не в том количестве, которое было необходимо, чтобы оказывать требующуюся населению медицинскую помощь. Кроме того, некоторые сотрудники «Врачей без границ» говорили о том, что их коллеги от ВОЗ, потакая официальным властям, «не желавшим спугнуть инвесторов», делали заявления, противоречащие предупреждениям MSF. Также в газете упоминается о случае с сенегальским ученым в Сьерра-Леоне, представлявшим ВОЗ, который вместо того, чтобы, как и все сотрудники самого агентства ООН, «Врачей без границ» и других организаций, работать в клинических центрах с зараженными гражданами, предпочел остаться в своем номере. Подобное поведение было резко раскритиковано координатором чрезвычайной помощи MSF Эвальдом Сталсом. Проблема была решена лишь после телефонного разговора между Маргарет Чан и Джоан Лю, причем последняя в ответ на просьбу о том, чтобы «Врачи без границ» сдерживались

в открытой критике ВОЗ, сказала, что «она делает очень большое одолжение, не придавая огласке эту историю»⁹.

Ранее уже указывалось на то, что доктор Лю достаточно жестко проводит линию своей организации, не боясь при этом критиковать основные структуры, занимающиеся вопросами здравоохранения во всем мире. Именно эта позиция вновь была продемонстрирована Международным президентом MSF на специальном брифинге в ООН по вопросу распространения лихорадки Эбола 2 сентября 2014 года. На этой встрече доктор Лю подвергла критике действия ВОЗ, ООН в целом и ее государства-члены, а также назвала приоритетные направления действий, которые должны были бы помочь предотвратить дальнейшее распространение болезни, а также способствовать выздоровлению уже заразившихся пациентов. Среди них Джоан Лю выделила: построение изоляционных центров, развертывание мобильных лабораторий для улучшения диагностических возможностей, установление воздушного моста для транспортировки персонала и оборудования в Западную Африку и в субрегионы, создание региональной сети полевых больниц для лечения медицинского персонала, который уже заразился или находится под подозрением. Доктор Лю говорила и о том, что население не должно запугиваться правящими структурами, так как это приводит к усилению чувства страха у граждан, которые впоследствии уходят в подполье и не получают необходимой им медицинской помощи. Также президент «Врачей без границ» обратилась к государствам — членам ООН, потребовав сосредоточиться на борьбе с источником болезни, а не только на защите собственных границ¹⁰.

Однако несмотря на то, что осенью 2014 года после сентябрьских заседаний Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности по вопросу борьбы с лихорадкой Эбола, СМИ очень тщательно следили за ситуацией. Уже зимой в новостных сводках ведущих изданий число сообщений, так или иначе касающихся этого вопроса, свелось практически к нулевой отметке. Тем не менее, «Врачи без границ», и доктор Лю в частности, продолжают уделять этой проблеме много внимания.

В марте 2015 года Джоан Лю выступала на конференции по проблеме лихорадки Эбола, проводимой Европейским союзом, и предоставила на рассмотрение документ, предлагающий ЕС

некоторые рекомендации. Затем 7 мая доктор Лю выступила с речью на форуме Фонда Билла Гейтса, а уже 20 мая во Дворце Наций она говорила о необходимости реформирования Всемирной организации здравоохранения. Джоан Лю говорила о том, что государствам-членам необходимо поддерживать деятельность этой организации не только с помощью денежных взносов и красивых слов, они также должны принять на себя и политическую ответственность¹¹.

Неудивительно, что после всего того, что сделала доктор Лю в течение 2013—2014 годов, она стала очень популярной фигурой. Ее деятельность получает самые высокие оценки уже не только среди коллег, но и от ведущих средств массовой информации. Подтверждением этому стало включение ее в рейтинги самых влиятельных людей по версии некоторых известных и авторитетных изданий.

Так, в 2014 году канадский еженедельный журнал «Maclean's» включил доктора Лю в число пятидесяти самых важных людей в Канаде. Нельзя не отметить, что Джоан Лю заняла в этом рейтинге второе место, уступив лишь Стивену Харперу¹². Помимо того, что доктора Лю ценят на родине в Канаде, ее работа также привлекла внимание газеты «Financial Times». Джоан Лю вошла в список выдающихся женщин 2014 года¹³. Причиной включения ее в рейтинги данных изданий служили достижения доктора Лю именно как сотрудника «Врачей без границ» и Международного президента этой организации, а также успешная борьба с лихорадкой Эбола.

В то же время издательство «Time Warner Inc» дважды выделило Джоан Лю как выдающегося человека. Так, по версии одного из его журналов — «Time», доктор Лю вошла в ежегодный список ста самых влиятельных людей мира. Он поделен на разделы: титаны, первопроходцы, деятели искусств и лидеры: примечательно то, что в списке 2015 года доктор Лю оказалась в числе лидеров наравне с Ангелой Меркель, Владимиром Путиным, Барак Обама, Биньямином Нетаньяху и некоторыми другими главами государств¹⁴. Кроме того, по версии журнала «Fortune», она вошла в число пятидесяти величайших лидеров в мире. В этом случае основным критерием, как заявляется на сайте журнала, было умение находить подход к массам и вести их за собой¹⁵. В данном рейтинге Джоан Лю заняла седьмое место.

Только выдающийся и неординарный человек может добиться подобного признания за столь небольшой срок службы: на момент получения самых высоких оценок своей работы доктор Лю была Международным президентом MSF чуть больше года. Эта женщина обладает удивительным характером и следует своим принципам и идеалам независимо от того, занимает она высокую должность, или является рядовым сотрудником организации «Врачи без границ».

Нами не найдено ни одной отрицательной оценки ни личности Джоан Лю, ни ее работы. Единственный критический отзыв исходил от представителей ВОЗ в самом начале распространения лихорадки Эбола (ее обвинили в необоснованности панических настроений «Врачей без границ»), однако затем даже они уже не отрицали правоты доктора Лю. Все журналисты, интервью которых использовались в данной статье, так или иначе показывают, что доктор Лю не просто профессионал своего дела, ее характеризуют как отважного человека, который отправляется в самые горячие точки мира, чтобы спасти жизни людей; она обладает прекрасными организаторскими способностями и может мобилизовать все силы организации на борьбу со стоящей перед ней проблемой; доктор Лю способна отстаивать свою точку зрения, добиваться поставленных целей, привлекать внимание общественности и может быть достаточно жесткой в критике тех, кто халатно относится к своим обязанностям¹⁶.

В подтверждение этому можно привести следующие факты. Так, в газете «La Press» Жасмен Лявуа приводит цитату коллеги Джоан Лю, Патрика Робитай, который был совсем не удивлен тем, что доктор Лю вошла в список ста самых влиятельных людей мира по версии журнала «Time»; он также сказал следующее: «Я не думаю, что организация смогла бы так быстро среагировать, если бы у нее не было такого лидера, как она [Джоан Лю]»¹⁷. Журналист подчеркивает, что, по словам этого же коллеги, Джоан Лю отличается безупречной профессиональной честностью, лидерскими качествами и дисциплинированностью на работе¹⁸.

Очень интересную оценку доктору Лю дает Кроуфор Килиан, автор одной из статей портала «The Tyee»¹⁹. Несмотря на то, что текст был посвящен новому проекту Всемирной организации здравоохранения, несколько предложений касаются именно

эффективной работы Джоан Лю по борьбе с Эболой. Автор говорит следующее: «Президент MSF International на данный момент — это доктор Джоан Лю, канадка, которая в прямом смысле слова донесла правду до властных структур: сначала до Европейского союза, а затем до Совета Безопасности ООН. Ни разу не повысив голос, она произвела впечатление взбешенного и напористого сержанта, разнесшего в пух и прах новобранцев и назвавшего поименно виновных»²⁰. Применение Килианом подобного сравнения подтверждает, что доктор Лю может быть безжалостна к тем, кто не видит очевидных вещей и не готов оказывать помощь тем, кто в ней нуждается.

Однако наиболее ярко характер доктора Джоан Лю отражается в статье²¹, опубликованной в «The Globe and Mail». Во-первых, автор статьи говорит о том, весной 2014 года доктор Лю, впервые за 20 лет, решила отправиться вместе с мужем в отпуск, однако из-за вспышки лихорадки Эбола в Западной Африке она изменила свое решение и отправилась на передовую, на зараженные территории. Данный факт показывает, насколько привержена своему делу доктор Лю. Во-вторых, в статье упоминается о том, что в детстве Джоан Лю подвергалась оскорблениям из-за того, что была дочерью эмигрантов из Китая, ее дразнили и унижали, но это не сломило ее. Она старалась быть лучшей во всем, и это помогло ей справиться с нападками сверстников, воспитало в ней борца. В-третьих, автор ссылается на мнение доктора Хоакима Моро, который в свое время был ее наблюдателем во время стажировки в отделении реаниматологии центра Сент-Жюстин. Он был поражен ее добротой, спокойствием при работе в стрессовой ситуации и способностью к анализу. В-четвертых, в статье приводятся слова близкого друга доктора Лю, Конрада Сове, ее однокурсника по университету Макгилла во время обучения в магистратуре: «Она именно такая, какой кажется. Она чрезвычайно трудолюбива и честна»; «Она такой человек. У нее прекрасное чувство юмора, и она будет смеяться над вашими шутками вне зависимости от того, смешные они или нет»²².

Из этого можно сделать вывод, что доктор Джоан Лю — это действительно человек удивительной доброты и терпения. Она бесстрашно выступает против авторитетных органов и отстаивает жизни людей, которые находятся в сложной ситуации

или лишены возможности получить квалифицированную медицинскую помощь. Джоан Лю готова трудиться без отдыха, не поддается на провокации и всегда честна с теми, кто ее окружает.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доктор Джоан Лю обладает качествами, присущими настоящему лидеру, способному вести за собой. Она действительно является сейчас одним из наиболее влиятельных людей в мире. Не обладая никакой политической властью или огромными финансовыми средствами, доктор Лю смогла привлечь внимание миллионов людей к проблеме, которая является важной не только для нее самой, но и для всего мира в целом, несмотря на все попытки официальных лиц, а именно высшего руководства и сотрудников ВОЗ, скрыть реальные масштабы эпидемии. Кроме того, есть уверенность, что даже после того, как вопрос о распространении лихорадки Эбола будет решен, доктор Лю не исчезнет с мировой арены. Как трудолюбивый и упорный человек, приверженец своего дела, Джоан Лю не перестанет работать на благо нуждающихся в медицинской помощи по всему миру. Она продолжит продвигать идею о реформировании ВОЗ, и ее голос будет поддержан многими гуманитарными международными организациями. Уже сейчас доктор Лю начинает работу и по другим направлениям. Так, в 2015 году она вновь обратилась к сирийской проблеме, о которой не вспоминали уже давно, хотя гражданская война там не прекращается с 2011 года. Не вызывает сомнений, что имя Джоан Лю еще не раз прозвучит в СМИ в связи с ее выступлением на очередном заседании ВОЗ или Генеральной Ассамблеи.

Примечания

- ¹ Dr. Joanne Liu Elected President of Médecins Sans Frontières (MSF) International. 2013. 10 July. URL: <https://www.mcgill.ca/channels/news/dr-joanne-liu-elected-president-medecins-sans-frontieres-msf-international-229069> (дата обращения: 10.06.2015).
- ² Катимавик — канадская некоммерческая организация, предоставляющая возможность молодежи получить опыт в сфере общественно полезных работ на добровольной основе.
- ³ Crossroads International — канадская международная организация развития, направленная на продвижение прав женщин и сокращение бедности в Западной и Южной Африке и Боливии.

- ⁴ Announcing the 2013 winners of the Royal College's national awards! 2013. 30 Jan. URL: <http://ceomessage.royalcollege.ca/2013/01/30/announcing-the-2013-winners-of-the-royal-colleges-national-awards> (дата обращения: 10.06.2015).
- ⁵ Dr. Joanne Liu Elected President of Médecins Sans Frontières (MSF) International.
- ⁶ Ротари-клубы — нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, открытые для всех стран.
- ⁷ Announcing the 2013 winners of the Royal College's national awards!
- ⁸ Emails show UN health agency resisted declaring Ebola emergency // Economic Times. 2015. 20 Mar. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/emails-show-un-health-agency-resisted-declaring-ebola-emergency/articleshow/46630277.cms> (дата обращения: 10.06.2015).
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Déclaration sur l'épidémie d'Ebola du Dr Joanne Liu, Présidente internationale de MSF, devant les Nations Unies. 2014. 2 Sept. URL: <http://www.msf.fr/actualite/publications/declaration-sur-epidemie-ebola-dr-joanne-liu-presidente-internationale-msf-de> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹¹ Speech delivered by Dr Joanne Liu, MSF International President On Ebola and WHO reform 2015. 20 May. URL: <http://www.msf.org/article/ebola-and-who-reform> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹² Maclean's 2014 Power list : Canada's 50 most powerful people // Maclean's. 2014. 21 Nov. URL: <http://www.macleans.ca/news/canada/the-macleans-power-list-the-50-most-important-people-in-canada> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹³ *Fishburn A.* Women of 2014 : Joanne Liu // Financial Times. 2014. 12 Dec. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/cd24f14c-7fa6-11e4-adff-00144feabdc0.html#axzz3bkIuVHNo> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹⁴ *Frieden T.* Crusader for global health : the 100 most influential people // Time. 2015. 16 Apr. URL: <http://time.com/3822834/joanne-liu-2015-time-100> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹⁵ *Colvin G.* Fortune's World's Greatest Leaders : 50 intrepid guides for a messy world // Fortune. 2015. 26 Mar. URL: <http://fortune.com/2015/03/26/worlds-greatest-leaders> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹⁶ *Culbetson A.* West African governments and WHO accused of «covering up» deadliest ever Ebola outbreak // Sunday Express. 23 Mar. 2015. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/565786/West-African-governments-and-WHO-accused-of-covering-up-deadliest-ever-Ebola-outbreak> (дата обращения: 13.06.2015).

- ¹⁷ *Lavoie J.* Joanne Liu parmi les 100 personnes les plus influentes de la planète // La Presse. 2015. 16 Avr. URL: <http://www.lapresse.ca/international/dossiers/virus-ebola/201504/16/01-4861777-joanne-liu-parmi-les-100-personnes-les-plus-influentes-de-la-planete.php> (дата обращения: 13.06.2015).
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ The Tyee — независимый онлайн журнал, публикующий новостные сообщения, обзоры и рубрики, которые обычно не освещаются основными СМИ Британской Колумбии и Канады.
- ²⁰ *Crawford K.* After Ebola, WHO launches new outbreak workforce «good cop, bad cop» approach brings global health into the 21st century // The Tyee. 2015. 20 May. URL: <http://thetyee.ca/Opinion/2015/05/20/After-Ebola-WHO> (дата обращения: 13.06.2015).
- ²¹ *Perreaux L.* Vacations out for Canadian chief of aid group Doctors Without Borders // The Globe and Mail. 2014. 20 Oct. URL: <http://www.theglobeandmail.com/life/health-and-fitness/health/vacations-out-for-canadian-chief-of-aid-group-doctors-without-borders/article21183104> (дата обращения: 13.06.2015).
- ²² Ibid.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 60.543.132.1

А. В. Репников

МЕЖДУ ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Изучение интеллигенции, выделяемое в особую дисциплину «интеллигентоведение», представляет собой дело очень непростое, ведь только в российской науке за последние полтора столетия по этому предмету написаны целые библиотеки. В Ивановском государственном университете с начала девяностых годов прошлого века действует научная школа, созданная доктором исторических наук, профессором В. С. Меметовым. Сейчас она функционирует в рамках структуры НИИ интеллигентоведения. В эпоху «форумов» и «дискуссионных площадок» название может показаться старомодным, но это именно тот случай, когда верность научным традициям становится своеобразным знаком качества производимой продукции, которую готовит и выпускает группа исследователей.

Результаты у представителей ивановской школы весьма весомы. Достаточно, например, посмотреть содержание уникального в своем роде журнала «Интеллигенция и мир». Еще одним свидетельством стала вышедшая в издательстве Ивановского государственного университета в 2014 году коллективная монография «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности»¹. Указанная монография

© Репников А. В., 2015

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС).
ilapsi@yandex.ru

явно отражает современный период научных исследований интеллигентоведов Ивановского государственного университета и других научных и учебных заведений, имеющих традиционные связи с ивановской школой (в работе представлены изыскания авторов из Москвы, Челябинска, Костромы и Шуи).

Монография претендует на существенное расширение исследуемой проблематики, нацелена на дальнейшие изыскания по теории и истории интеллигенции, а также включает в сферу анализа несколько *иной*, хотя и близкий объект изучения — интеллектуалов. Руководителями авторского коллектива являются В. С. Меметов и доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета В. Л. Черноперов.

Прежде всего, отметим логичную и обоснованную структуру рецензируемой монографии. Сначала следует предисловие В. С. Меметова, представляющее читателю ивановскую школу интеллигентоведения. Затем идет имеющее во многом концептуальный характер теоретическое введение В. Л. Черноперова и доктора исторических наук, профессора Ивановского государственного университета С. М. Усманова. Далее — двенадцать глав, разделенных на три части: о междисциплинарных подходах в интеллигентоведении, о научно-художественных исканиях интеллигенции, об историко-региональных сюжетах в интеллигентоведении.

Монография нацелена на комплексное исследование интеллигенции России и некоторых других стран, а кроме того, пусть и в меньшей степени, на интерпретацию феномена европейских интеллектуалов (хотя в названиях глав термин «интеллектуалы» не содержится). Само различие (или сходство) интеллектуалов и интеллигентов уже вызывает дискуссии. Несомненно, что в главе третьего раздела монографии «“Потерянное поколение” и российский “креативный класс”: исторические параллели», написанной доктором исторических наук, доцентом Ивановского государственного университета Д. А. Смирновым, речь идет именно о судьбе интеллектуала Германии первой половины XX века Вальтера Беньямина. Д. А. Смирнов подчеркивает: «Следует особо отметить, что Беньямин не разделял по существу интеллигенцию и интеллектуалов. Для него это были лишь национальные варианты интеллектуального класса, характерного

для европейских стран. Если в России для его определения утвердилось понятие “интеллигенция”, то в Германии — “интеллектуалы”»². Сделав такое пояснение, Д. А. Смирнов, казалось, должен писать именно о германских *интеллектуалах*. Однако он, как и многие другие авторы монографии, неохотно использует термин «интеллектуалы», предпочитая рассуждать об интеллигенции, «интеллектуальных кругах», «интеллектуальной жизни». Возможно, здесь проявляется уважение к установившимся в нашей науке приоритетах и негласных правилах.

Иной подход демонстрируют авторы теоретического введения к монографии В. Л. Черноперов и С. М. Усманов, тщательно анализирующие три модели социально-политического поведения российской интеллигенции, а затем три совершенно иных модели социально-политического самоопределения европейских (по сути — всех западных) интеллектуалов³. Для соавторов совершенно очевидно: модели такого социально политического участия *разные*, друг с другом не совпадающие. Если согласиться с этим подходом, который близок и автору данной рецензии, то разграничение российских интеллигентов и европейских интеллектуалов необходимо. В частности, В. Л. Черноперов и С. М. Усманов отмечают, что внутри российской интеллигенции постоянно воспроизводится разделение на «своих» и «чужих». В то время как западные интеллектуалы в своем поведении проявляют себя либо как конформисты, либо как нонконформисты⁴. Предложенная В. Л. Черноперовым и С. М. Усмановым концепция, как нам представляется, выглядит оригинальной, хорошо продуманной и логически выстроенной, неплохо аргументированной и заслуживающей дальнейшей разработки. Такое начало заставляет ждать не менее интересного продолжения, но далеко не все последующие главы монографии вписываются в эту новую концептуальную модель ивановских исследователей. Может, это и не плохо, поскольку в монографии декларируется приверженность ее ответственных редакторов междисциплинарным подходам в интеллигентоведческих исследованиях. Концептуальное разнообразие (не переходящее, к счастью, как это порой случается в коллективных монографиях, в дальнейший «разброд и шатание») мы в данной работе, несомненно, обнаруживаем.

Первый раздел монографии посвящен междисциплинарным подходам в интеллигентоведении. В главе о современных теоретико-методологических проблемах изучения феномена интеллигенции ее автор — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета И. В. Сибиряков пишет о «технологии изучения интеллигенции». Исследователь дает совсем иную классификацию теоретических подходов в интеллигентоведении. На его взгляд, есть два возможных пути — индуктивный, типичный для «старой советской исследовательской традиции», и дедуктивный, нацеленный на разработку «модели объяснения различных аспектов феномена интеллигенции»⁵. И. В. Сибиряков отнюдь не отвергает индуктивный подход, но всё-таки с большей симпатией относится к дедуктивному. Как нам представляется, изыскания авторов очевидно демонстрируют читателю обоснованность наблюдений уральского ученого, поскольку во всех разделах монографии немало текстов, выдержанных в духе индуктивного подхода. Такие главы построены на анализе значительного массива собранного исследователями нового фактического материала.

Но есть главы, в которых явно доминирует дедуктивный подход. Помимо уже упомянутого теоретического введения В. Л. Черноперова и С. М. Усманова следует отметить главу вторую первого раздела монографии, написанную доктором исторических наук, профессором Костромского государственного технологического университета А. А. Соловьевым «Семиосфера интеллигенции: трансформация контекста»⁶.

Второй раздел монографии отводится изучению научно-художественных исканий отечественной интеллигенции. Здесь явно выделяется первая глава, написанная доктором исторических наук, профессором Московского государственного университета И. В. Купцовой⁷. Осмысляя теоретико-методологические основания изучения художественной интеллигенции, исследовательница старается не противопоставлять различные теоретические подходы, а вслед за Б. И. Колоницким подчеркивает необходимость представления всего набора дефиниций, так как феномен интеллигенции являет собой комплекс различных и даже взаимоисключающих идентификаций⁸.

Несколько менее впечатляющим представляется нам третий раздел рецензируемой монографии, посвященный историко-региональным аспектам деятельности интеллигенции и интеллектуалов. Выпадает хронологически из общего контекста исследования спорная по своему содержанию глава кандидата исторических наук из Шуи В. В. Возилова о российской интеллигенции XVIII века⁹, поскольку практически все остальные авторы монографии занимаются изучением событий и проблем XX века. Скромно выглядит на общем фоне глава А. А. Неустроевой «Украинская интеллигенция: исторический опыт и роль в современном обществе»¹⁰. Автор — аспирантка Ивановского государственного университета — имеет пока меньший опыт и научный потенциал сравнительно со своими старшими коллегами, и тут есть простор для новых поисков. Если только они не будут излишне зависимы от шаблонов украинской националистической мифологии, как получилось в данном тексте. Зато с немалым интересом мы познакомились с главой С. М. Усманова «Интеллигенты Русского Зарубежья о будущем России: раздумья, ожидания, предчувствия»¹¹. Конечно, и тут могут возникнуть вопросы. Например, почему автор избирает для изучения наследия именно данных лиц из круга русских эмигрантских писателей и общественных деятелей (среди них нет, в частности, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна)? Не совсем понятно, почему историк использует недостаточно проверенный текст, приписываемый И. Л. Солоневичу? И всё-таки данная глава об интеллигентах Русского Зарубежья в рецензируемой монографии необходима, отражая существенные аспекты многообразия опыта отечественной интеллигенции XX столетия и соединяя насильственно разорванные революционными событиями и Гражданской войной «ветви» единого «дерева» русской интеллигенции.

Переходя к общей оценке работы, отметим главное достижение авторского коллектива: исследователи сумели выявить и обобщить значимые тенденции и направления участия отечественных интеллигентов в социально-политических трансформациях российского общества. В меньшей степени это можно сказать об интерпретации авторами наследия европейских интеллектуалов. Но сделанное исследователями в рецензируемом труде заслуживает высокой оценки. Это весомый вклад наших интеллигентоведов

в разработку программ тех преобразований, которые могли бы быть действительно необходимы нашему народу и власти.

Несколько замечаний можно сделать и об источниках, положенных в основу данной монографии. Авторы проделали большую исследовательскую работу, используя в основном опубликованные источники; ввели в оборот некоторые документы из российских архивов (РГАСПИ, РГИА, РГАЛИ). Разумеется, отечественные архивы имеют значительно больший потенциал, и это надо иметь в виду авторскому коллективу на следующем этапе исследований.

Хорошее впечатление оставляет язык большей части глав монографии, не лишенный эмоциональности, но остающийся в пределах академического стиля изложения. Думается, коллективный труд отвечает всем требованиям, предъявляемым к исследованиям такого рода. Можно отметить добротное и весьма уместное оформление обложки, где мы видим словно проступающие «из мглы» портреты выдающихся отечественных интеллигентов и известных европейских интеллектуалов.

Хотелось бы пожелать авторам рецензируемой монографии продолжить начатый ими научный проект, который, как нам представляется, заслуживает дальнейшей поддержки Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014.
- ² *Смирнов Д. А.* «Потерянное поколение» и российский «креативный класс»: исторические параллели // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 184.
- ³ *Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 8—28.
- ⁴ Там же. С. 19, 27.
- ⁵ *Сибиряков И. В.* Современные теоретико-методологические проблемы изучения феномена интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 32—34.

- ⁶ *Соловьев А. А.* Семиосфера интеллигенции: трансформация контекста // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 44—58.
- ⁷ *Купцова И. В.* Теоретико-методологические основания изучения художественной интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 87—103.
- ⁸ Там же. С. 92.
- ⁹ *Возилев В. В.* Российская интеллигенция XVIII века в многообразии мировоззренческих споров // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 155—172.
- ¹⁰ *Неустрובה А. А.* Украинская интеллигенция: исторический опыт и роль в современном обществе // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 227—240.
- ¹¹ *Усманов С. М.* Интеллигенты Русского Зарубежья о будущем России: раздумья, ожидания, предчувствия // Интеллигенция и интеллектуалы... С. 190—210.

ББК 74.266.329

Г. А. Будник

**В. А. ПОРОЗОВ. КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУРС
«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПРИКАМЬЯ»:
ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Данная публикация — размышления по поводу новой работы В. А. Порозова. Известный интеллигентовед, автор интересных и востребованных специалистами и всеми, кто интересуется историей интеллигенции, публикаций, неизменный участник международных интеллигентоведческих конференций в Иванове подготовил сборник учебно-методических материалов краеведческого курса «История и культура Прикамья»¹. Данная работа, безусловно, заслуживает внимательного изучения не только

© Будник Г. А., 2015

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru

студентами, но и коллегами преподавателями и исследователями истории интеллигенции. Любители истории найдут в ней интересную краеведческую информацию, преподаватели — образец учебно-методических материалов, а исследователи — постановку и попытки решения актуальных исторических проблем.

Книга состоит из 9 частей, центральное место занимает раздел «Информационные материалы по содержанию дисциплины», в котором раскрываются авторские подходы к истории Прикамской интеллигенции сквозь призму краеведения. Здесь ярко виден научный стиль Владимира Александровича, сумевшего логично и аргументированно изложить собственные размышления по поводу зарождения и развития интеллигенции Прикамья, наполнив текст яркими и образными примерами и фактами из жизни и деятельности священнослужителей, промышленников, писателей, учителей региона.

Несмотря на учебно-методический жанр пособие В. А. Порозова написано научно и объективно, с опорой на работы предшественников, с собственными умозаключениями. В нем содержится ряд оригинальных суждений, новаторских выводов. Прежде всего, автор уточняет понятие «Прикамье». Он вводит термин «Большое Прикамье», включая в него Кировскую область, Пермский край с существовавшим в 1925—2005 гг. Коми-Пермяцким автономным округом, Республику Башкортостан, Республику Татарстан, Удмуртскую республику. Выделение Большого Прикамья в качестве подрегиона позволяет проследить общее и особенное в региональной истории и культуре². Изучение истории региона автор проводит в единстве достижений материальной и духовной культуры, социально-экономической и художественной жизни общества.

Наибольший интерес вызывает глава «Интеллигенция Прикамья: истоки и пути формирования». В ней В. А. Порозов рассматривает процесс формирования интеллигенции российской провинции в исторической ретроспективе. Продолжая традиции В. С. Меметова и созданной им школы интеллигентоведения, Владимир Александрович считает, что прединтеллигенция зародилась в далекой древности. На основании этого он делает вывод о том, что первые «специалисты творческого труда» — купцы, советники, религиозные проповедники из соседних регионов

стали появляться в Прикамье со второго тысячелетия до н. э. Важным фактором формирования интеллигенции, вслед за пермским краеведом Л. В. Баньковским, он считает природный ландшафт³. Благодаря удобному сообщению в летние месяцы по Каме, Иртышу, Яику и их притокам, караванным путям по просторам Великой степи Прикамье было открыто для влияния извне.

Интерес представляет выделение В. А. Порозовым истоков самобытной прикамской культуры и ее носителя — интеллигенции. Исходя из концептуального положения о том, что «формирование национальной интеллигенции... представляет собой, как правило, синтез двух начал — “пришлого” и коренного»⁴, автор в хронологической последовательности описывает «волны» цивилизационных потоков, оказавших наибольшее воздействие на формирование пермской интеллигенции. В древности это было арийско-иранское, скифо-сарматское, булгаро-татарское, новгородское и московское влияния. Важную роль сыграли монгольский (с периода ордынского ига), исламский, а также славянский, российский, православный факторы. С XVIII в. наступает этап распространения на Урале западноевропейского, преимущественно протестантского, влияния. В XIX в. здесь появились ссыльные поляки. В XIX—XX вв. усилилось влияние приезжих деятелей культуры, тесно связанных со столичными художественными кругами. Немало высококвалифицированных специалистов оказались в крае в качестве узников ГУЛАГа, а затем эвакуированных в годы Великой Отечественной войны специалистов. На основании изученного материала В. А. Порозов заключает, что в становлении региональной интеллигенции приняли участие представители как коренных народов, так и иных цивилизаций.

Заслугой автора является «наполнение» книги рассказами о судьбах местной интеллигенции, многие представители которой стали широко известны в России и в мире. Например, в Елабуге родился и вырос И. И. Шишкин, на Вятской земле — В. М. и А. М. Васнецовы, в Уфе — М. В. Нестеров.

В главе «Формирование “Строгановского” региона» рассказывается о судьбах местных интеллигентов. Их жизнь и деятельность позволяют заключить, что существенные черты российской интеллигенции, такие как высокий профессионализм, подвижничество и меценатство, стремление приобщать народ

к культуре и образованию, были присущи и прикамской интеллигенции. В главах, посвященных архитектуре, образованию, музыкальной и театральной жизни края, приводятся многочисленные примеры жизни интеллигенции Прикамья.

Книга содержит большой блок методических разработок: программы авторских курсов краеведческой направленности, рекомендации по организации самостоятельной работы студентов, контрольно-измерительные материалы, методические рекомендации преподавателям и т. д., апробированные за более чем 20 лет преподавания автором краеведческих курсов. Все учебно-методические материалы соответствуют требованиям ФГОС. В них анализируются профессиональные и общекультурные компетенции. Интерес и практическую значимость представляют паспорта компетенций и программы их формирования.

В качестве пожелания считаю возможным порекомендовать автору, в рамках продолжения работы над курсом, подготовить учебно-методические материалы отдельно для студентов и преподавателей. Это позволит конкретизировать и расширить как содержательную, так и методическую составляющую пособий. В будущих изданиях целесообразно более подробно рассмотреть воспитательный аспект курса и методические рекомендации к нему.

На цветных вклейках в книге предлагаются фотодокументы, иллюстрирующие педагогическую деятельность Владимира Александровича Порозова — любимого студентами Педагога, Интеллигента. Искренне желаю ему дальнейших успехов на научном и педагогическом поприще, а нам — читателям журнала «Интеллигенция и мир» — его новых научных и методических публикаций.

Примечания

¹ Порозов В. А. Краеведческий курс «История и культура Прикамья»: учеб.-метод. материалы. Пермь, 2014.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 90.

АННОТАЦИИ

Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А. Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью

Ключевые понятия: российские интеллигенты, европейские интеллектуалы, современный мир, хождение во власть, вечное противостояние интеллигенции, башня из слоновой кости, бессильные люди, независимые интеллектуалы, аутсайдеры-нонконформисты, вариативная модель политического поведения интеллектуалов.

Исследуются проблемы участия российских интеллигентов и европейских интеллектуалов в социально-политических трансформациях современного мира и особенности их взаимоотношений с властью. Представлена авторская концепция общественной востребованности интеллигентов и интеллектуалов в контексте новой вариативной модели участия российских интеллигентов и европейских интеллектуалов в общественной и политической жизни. Делается вывод, что для российских интеллигентов в их самоопределении основное значение имеет разделение на своих и чужих по ценностным ориентирам; для европейских интеллектуалов в их отношении как к власти, так и к обществу главным критерием самооценки и побудительным мотивом в их социальном действии является разделение на конформистов и нонконформистов.

Сибиряков И. В. Тема города-героя Севастополя в творчестве советской музыкальной интеллигенции

Ключевые понятия: культурно-историческая память, образ, Севастополь, советские песни.

Рассматривается процесс формирования образа Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов. Исследуется роль представителей советской музыкальной интеллигенции в сохранении культурно-исторической памяти социума. Выделяется ряд причин, объясняющих постепенную трансформацию образа Севастополя в советской музыкальной культуре.

Ивакин Г. А. Идеино-политическая жизнь в среде русских эмигрантов-монархистов в начале 1920-х годов

Ключевые понятия: русская эмиграция, консерватизм, монархизм, легитимизм, черносотенство, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич.

Анализируется идейно-политическая жизнь в монархической российской послереволюционной эмиграции в первой половине 1920-х гг. Рассматриваются основные тенденции, связанные с поиском консолидирующих политических идей, воззрения мыслителей правомонархической направленности, а также их влияние на общественно-политическую жизнь и формирование идеологических платформ в условиях раскола монархического объединения по вопросу престолонаследия.

Борзова И. С. Развитие оппозиционного движения в республике Польша: путь польских оппозиционных интеллектуалов

Ключевые понятия: Польша, власть, оппозиция, политическая борьба, оппозиционные интеллектуалы.

Изучаются основные вехи политической борьбы оппозиционных интеллектуалов в современной Польше. Прослеживается история противостояния власти и оппозиции начиная с 1980-х гг., когда на политическую арену вышел профсоюз «Солидарность», и завершается обзор президентскими выборами 2015 года в Польше.

Аронина Н. В. Эфиопия и эфиопы в восприятии академика Н. И. Вавилова

Ключевые понятия: Эфиопия, эфиопы, Н. И. Вавилов, экспедиция 1927 г.

Статья посвящена нюансам восприятия Эфиопии и эфиопов выдающимся представителем российской интеллигенции — академиком Н. И. Вавиловым, который побывал в африканской стране в 1927 г. с научной экспедицией.

Буданова Д. С. «Империя» Р. Капуцинского: актуализация геополитических идей в произведении польского интеллектуала

Ключевые понятия: Польша, внешняя политика Польши, польские геополитические идеи, Р. Капуцинский, Империя.

Анализируется сборник очерков польского репортера Р. Капуцинского «Империя», посвященный России. Основным в произведении

стал суперконцепт Империя, который ассоциируется у автора с Россией в различных ипостасях: Российская империя, СССР, Российская Федерация. Достаточно рельефно показаны мысли польского интеллектуала об особенностях существования данного концепта, делается попытка объяснить причины возникновения подобных представлений.

Кутузова А. А. Два российских интеллигента: Я. М. Захер и Н. И. Кареев

Ключевые понятия: интеллигентность, советская интеллигенция, русская историческая школа, зарубежные ученые и советские историки, духовные ценности.

Освещается проблема влияния учителя на ученика в процессе становления молодого ученого, принципиальность позиции исследователя, стремление обогатить историческую науку. На примере деятельности представителей «*école russe*» рассматриваются попытки построить открытые, плодотворные научные связи в советский период развития исторической науки.

Пикин А. В. Римские интеллектуалы середины — конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения

Ключевые понятия: варварские королевства, внешнеполитическое общение, позднеримские интеллектуалы, Поздняя античность.

Исследуется проблема сотрудничества позднеримских интеллектуалов с правителями варварских королевств на ниве сохранения традиции внешнеполитического общения. На примере четырех интеллектуалов, живших в различных королевствах варваров, создается картина занятий римлянина на службе у варварского короля в сфере внешней политики.

Басова А. И. Джоан Лю — биография лидера

Ключевые понятия: Джоан Лю, лидер, достижение.

Представлено краткое описание биографии доктора Джоан Лю — Международного президента организации «Врачи без границ». Делается акцент на ее профессиональной деятельности и достижениях, а также выявляются черты характера, которые позволили ей добиться успеха.

Репников А. В. Между интеллигентами и интеллектуалами

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, ивановская школа интеллигентоведения.

Представлена рецензия на коллективную монографию «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности», вышедшую в издательстве Ивановского государственного университета в 2014 г. Отмечаются ее сильные и слабые стороны и делается вывод, что в целом авторскому коллективу удалось обобщить значимые тенденции участия отечественных интеллигентов в социально-политических трансформациях российского общества.

Будник Г. А. В. А. Порозов. Краеведческий курс «История и культура Прикамья»: интеллигентоведческий аспект

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, краеведение, генезис региональной интеллигенции, Прикамский регион.

Приводятся размышления автора над учебно-методическим пособием В. А. Порозова «История и культура Прикамья», опубликованным издательством Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в 2014 г. В центре внимания находятся интеллигентоведческие сюжеты, в частности освещаются фрагменты, посвященные генезису интеллигенции, определению ее сущностных черт, роли интеллигенции как носителя региональной культуры; показаны судьбы отдельных интеллигентов.

ANNOTATIONS

Chernoperov V. L., Usmanov S. M., Budanova I. A. Russian intelligentsia members and European intellectuals of the 20th century: features of interaction with society and the authority

Key notions: the Russian intelligentsia members, the European intellectuals, the contemporary world, circulation in the authority, eternal opposition of the intelligentsia, a tower from an ivory, powerless people, independent intellectuals, outsiders-nonconformists, variable model of political behavior of intellectuals.

The article shows the problems of the Russian intelligentsia members and European intellectuals participation in social and political transformations of the contemporary world and features of their relationship with the authority. Given is the authors' concept of the public importance of intelligentsia members and intellectuals in the context of a new variable model of the Russian intelligentsia members and European intellectuals participation in public and political life. The conclusion is drawn that for the Russian intelligentsia members the major importance in their self-determination is the division into insiders and outsiders according to valuable reference points; for the European intellectuals in their relation both to the authority and to society the main criterion of a self-assessment and incentive motive in their social action is division into conformists and nonconformists.

Sibiryakov I. V. The theme of the hero-town of Sevastopol in the works of the Soviet musical intelligentsia

Key notions: cultural and historical memory, image, Sevastopol, Soviet songs.

The article shows the process of the image formation of Sevastopol in Soviet authors pieces of music. Investigated is the role of representatives of the Soviet musical intelligentsia in preservation of cultural and historical memory of society. Distinguished is the variety of reasons, explaining gradual transformation of the Sevastopol image in the Soviet musical culture.

Ivakin G. A. Ideological and political life among the Russian emigrants-monarchists in the early 1920-s

Key notions: Russian emigration, conservatism, monarchism, legitimism, Black-Hundred, I. A. Ilyin, I. L. Solonevich.

The article analyzes ideological and political life in monarchic Russian post-revolutionary emigration in the first half of the 1920-s. Considered are the main tendencies connected with the search of the consolidating political ideas, views of thinkers of the right monarchic orientation, and also their influence on social and political life and formation of ideological platforms under the conditions of monarchic associations split concerning a succession to the throne.

Borzova I. S. Development of the oppositional movement in the Republic of Poland: the way of the Polish oppositional intellectuals

Key notions: Poland, authority, opposition, political struggle, oppositional intellectuals.

The article studies the main milestones of political struggle of oppositional intellectuals in contemporary Poland. Traced is the history of confrontation of the authority and opposition since 1980-s when the labor union "Solidarity" entered the political arena and the review is finalized with presidential elections of 2015 in Poland.

Aronina N. V. Ethiopia and Ethiopians in perception of the academician N. I. Vavilov

Key notions: Ethiopia, Ethiopians, N. I. Vavilov, expedition of 1927.

The article is devoted to the nuances of perception of Ethiopia and Ethiopians by the outstanding representative of the Russian intelligentsia — the academician N. I. Vavilov who visited the African country in 1927 with a scientific expedition.

Budanova D. S. R. Kapushchinsky's «Empire»: actualization of geopolitical ideas in the work of the Polish intellectual

Key notions: Poland, foreign policy of Poland, Polish geopolitical ideas, R. Kapushchinsky, Empire.

The article analyzes the devoted to Russia collection of sketches «Empire» of the Polish reporter R. Kapushchinsky. The super concept «Empire» which the author associates with Russia in various forms became the basic in the work: Russian Empire, USSR, Russian Federation. Thoughts of the Polish

intellectual about features of existence of this concept are shown rather boldly; the author makes an attempt to explain the reasons of such notions emergence.

Kutuzova A. A. Two Russian intelligentsia members: Y. M. Zakher and N. I. Kareev

Key notions: intelligence, Soviet intelligentsia, Russian historical school, foreign scientists and Soviet historians, cultural wealth.

The article shows the problem of the teacher's influence on the disciple in the process of the young scientist's formation; attention is paid to the adherence to principles of the researcher's position as well as to the tendency to enrich historical science. On the example of representatives of «école russe» activity considered are the attempts to construct open, fruitful scientific communications during the Soviet period of historical science development.

Pikin A. V. The Roman intellectuals of the middle — end of the 5th century in the service of the barbarians: keeping traditions of foreign policy communication

Key notions: barbarous kingdoms, foreign policy communication, late Roman intellectuals, late antiquity.

The article shows the problem of cooperation of the late Roman intellectuals with governors of barbarous kingdoms in order to preserve traditions of foreign policy communication. On the example of four intellectuals living in various kingdoms of barbarians is created the picture of occupations of a Roman in the service of the barbarous king in the sphere of foreign policy.

Basova A. I. Joanne Liu — the biography of the leader

Key notions: Joanne Liu, leader, achievement.

The article shows the short description of the biography of Doctor Joanne Liu — the International president of the 'Doctors without Borders' organization. The author focuses on her professional activities and achievements as well as the traits of character which allowed her to achieve success.

Repnikov A. V. Between intelligentsia members and intellectuals

Key notions: intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, Ivanovo school of intelligentsia studies.

The article is a review of the collective monograph «Intelligentsia and Intellectuals in the Changing Social and Political Reality» which was pub-

lished in the Ivanovo state university publishing house in 2014. Noted are its strong and weak features and the conclusion is drawn that in general the group of authors managed to generalize significant tendencies of domestic intelligentsia members participation in social and political transformations of the Russian society.

Budnik G. A. V. A. Porozov. The local lore course «History and Culture of the Kama Region»: intelligentsia studies' aspect

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, study of local lore, genesis of the regional intelligentsia, Kama region.

The article shows the thoughts of the author about the textbook by V. A. Porozov «History and Culture of the Kama Region», published in the Perm State Humanities and Pedagogical University publishing house in 2014. The main attention is devoted to intelligentsia studies; the fragments devoted to genesis of the intelligentsia, determination of its essential features, and the role of intelligentsia as the bearer of the regional culture are of particular interest; besides, some attention is drawn to the destinies of certain intelligentsia members.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2015 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Золотарев О. В.</i> Украинский кризис и русская интеллигенция	3
<i>Зябликов А. В.</i> Роль художественной интеллигенции в формировании идеологии «веховства»	2
<i>Меметов В. С., Комиссаров В. В.</i> Научное наследие Э. А. Араб-оглы через призму современности	2
<i>Неустроева А. А.</i> Украина на пути в Европу. Мнение украинской интеллигенции: pro et contra	3
<i>Сибиряков И. В.</i> Тема города-героя Севастополя в творчестве советской музыкальной интеллигенции	4
<i>Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А.</i> Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью	4

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Балдин К. Е.</i> Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX и XX вв. (На примере города Иваново-Вознесенска)	1
<i>Глазунов С. Р.</i> Профессиональная интеллигенция и фабричная инспекция России в конце XIX века (На материалах Владимирской губернии)	3
<i>Емельянов А. А.</i> Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании	1
<i>Золотарев О. В.</i> Советский Союз в 1930-е годы: поворот в идеологии и историческое образование	1
<i>Ивакин Г. А.</i> Идеино-политическая жизнь в среде русских эмигрантов-монархистов в начале 1920-х годов	4
<i>Комиссаров В. В.</i> Интеллигенция, фантастика и социальные прогнозы в советском обществе 1960—80-х годов	2

- Кузьмина В. М.* Ретрансляция социокультурных символов советской эпохи в творчестве художественной интеллигенции Центрального Черноземья 2
- Курасов С. А., Петровичева Е. М.* Повседневность провинциальных вузов в 40-е годы XX века (На примере Владимирской области) 1
- Лыскова И. Е.* Русская интеллигенция о роли общественного движения University Extension в процессе развития системы образования и персонального менеджмента в России конца XIX — начала XX века 2
- Макеев Д. А.* Национальная интеллигенция в общественно-политическом движении Египта (1914—1919) 3
- Околотин В. С.* Обоснование перехода от продуктообмена к «свободной» государственной торговле в исследованиях научной интеллигенции (1933—1936 гг.) 1
- Пигорева О. В.* Мировоззренческие поиски провинциальной учительской интеллигенции в конце 1980-х — середине 1990-х годов 2
- Порозов В. А.* Интеллигенция Прикамья: истоки и пути формирования 3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Борзова И. С.* Развитие оппозиционного движения в республике Польша: путь польских оппозиционных интеллектуалов 4

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Аронина Н. В.* Эфиопия и эфиопы в восприятии академика Н. И. Вавилова 4
- Буданова Д. С.* «Империя» Р. Капуцинского: актуализация геополитических идей в произведении польского интеллектуала 4
- Захарова О. В., Лапина И. К.* Зимулина Лидия Александровна: штрихи к портрету российского историка-интеллектуала 1

1	2
<i>Кривопалова Н. Ю.</i> Встречи с Эльвирой Борисовной Ершовой (К юбилею доктора исторических наук, профессора Э. Б. Ершовой)	3
<i>Макеев Д. А., Черемных С. А.</i> Нубар-паша: представитель интеллектуальной элиты Египта второй половины XIX века	2
<i>Рязанов П. А., Софронова Л. В.</i> Византийский ученый Димитрий Халкокондил в культурном пространстве ренессансной Флоренции	3
<i>Смирнов Д. А.</i> «...Поджигая магниевый порошок»: прошлое на моментальном снимке в руках интеллектуала	1

ДИСКУССИЯ

<i>Корнев С. А., Данилов А. А.</i> Одиночество интеллигенции: страх утраты субъектности	1
<i>Рожкова А. С., Воронов Ю. М.</i> Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний	3
<i>Смирнов Д. Г.</i> Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории	3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

<i>Ахунзянова Ф. Т.</i> Специфика русского религиозного сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века	2
--	---

ДЕБЮТ

<i>Басова А. И.</i> Джоан Лю — биография лидера	4
<i>Григорьева Е. А.</i> Советы ученого об управлении государством в трактате Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя»	3
<i>Клюквин М. А.</i> Корейская интеллигенция накануне раскола страны	1
<i>Кольчугина Ю. Ю.</i> Аналитические центры и эксперты как интеллектуальный ресурс в истории политических сетей в 2000-е годы	1
<i>Кутузова А. А.</i> Два российских интеллигента: Я. М. Захер и Н. И. Кареев	4

<i>Назаров И. Д.</i> Роль и значение духовной интеллигенции при отправлении правосудия в Древней Руси	2
<i>Пикин А. В.</i> Римские интеллектуалы середины — конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения	4
<i>Ракова М. С.</i> Интеллигенция в информационном пространстве глобального мира	3

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Будник Г. А.</i> В. А. Порозов. Краеведческий курс «История и культура Прикамья»: интеллигентоведческий аспект	4
<i>Ренников А. В.</i> Между интеллигентами и интеллектуалами	4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Порозов В. А.</i> Четверть века вместе. XXV Международная научная интеллигентоведческая конференция в Иваново	1
--	---

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2015 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 25.12.2015 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 100 экз.
Заказ № 286. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

